

ОТРЫВКИ ИЗ ПОХОДНЫХ ЗАПИСОКЪ О ВОЙНѢ ВЪ ПОЛЬШѢ ВЪ 1831 ГОДУ.

Не всякое лыко въ строку.
Пословица.

Война съ Польшей въ 1831 году, знакома нашей русской публикѣ только въ весьма общихъ и довольно смутныхъ очертахъ. На русскомъ языкѣ не только не существуетъ вполне удовлетворительнаго полнаго описанія этой войны (*), но мы даже не можемъ указать на частныя записки и мемуары, которые могли бы хотя нѣсколько ознакомить съ этой, полной живаго интереса, страницей нашей военной и политической исторіи.

Вотъ причина, побудившая насъ напечатать предлагаемыя выдержки изъ нашихъ походныхъ записокъ о войнѣ 1831 года. Предупреждаемъ читателя, что эти записки далеко не исторія, даже не такой трудъ, который могъ бы послужить матеріаломъ для будущаго русскаго историка Польской войны. Это просто собраніе нѣсколькихъ частныхъ эпизодовъ, въ которыхъ мы были дѣятелями или свидѣтелями. Но, при бѣдѣ нашей военной литературы относительно эпохи, о которой мы желаемъ гово-

(*) «Въ Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ» помѣщено описаніе Польской войны, но далеко не достаточно полное.

рить съ читателемъ, можетъ быть, и предлагаемое извлеченіе изъ нашихъ походныхъ записокъ не будетъ лишено занимательности. Если мы въ этомъ воззрѣніи ошиблись, то напередъ просимъ извиненія читателей «Военнаго Сборника».

Писатель неопытный и не искусившійся въ литературныхъ трудахъ, мы просимъ читатели перечестъ поговорку, поставленную въ эпиграфъ нашей статьи, и примѣнить ее, въ настоящемъ случаѣ, къ дѣлу.

I.

Въ октябрѣ 1830 года, Конно-Егерскій полкъ, въ которомъ я служилъ, квартировалъ въ Курской губерніи. Мы только что отбыли ежегодный урочный дивизионный кампанентъ и разошлись по деревнямъ на зимнія квартиры. Я съ полускадрономъ стоялъ отдѣльно въ большомъ богатомъ селѣ и совершенно былъ погруженъ въ распоряженія объ устройствѣ зимнихъ конюшенъ, цейхгаузовъ и прочихъ эскадронныхъ заведеній.

Квартира моя была въ простой крестьянской курной избѣ. Чтобы какъ можно удобнѣе устроиться на зимнее житіе, я передѣлалъ огромную, неуклюжую русскую печь въ уютную голландскую, выпулъ полати, обилъ всю избу войлоками, вмѣсто лавокъ по стѣнамъ устроилъ сплошные диваны въ родѣ турецкихъ и раздѣлялъ избу глухой ширмой на двѣ комнаты. Квартиру свою я украсилъ, по возможности, коврами, занавѣсками и кое-какой мебелью. Время мое проходило въ служебныхъ занятіяхъ, въ чтеніи *Московскаго Телеграфа* и *Сѣверной Пчелы*, лучшихъ въ то время—журнала и газеты, и въ посѣщеніи двухъ, трехъ знакомыхъ помѣщичьихъ домовъ по сосѣдству. Скучать было некогда. Своею судьбою я былъ совершенно доволенъ, придерживаясь правила вообще всѣхъ армейскихъ офицеровъ: довольствоваться тѣмъ, что есть,—правила, извлеченнаго изъ лучшаго между всѣми курсами—курса практической жизни. Поэтому хатку свою, какъ Діогенъ бочку, я считалъ эдемомъ, въ которомъ замкнуто все мое благополучіе и въ которомъ я надѣялся провести наступившую зиму, до весенняго сбора полка, въ мирѣ и тишинѣ.

Не такъ, однакожъ, вышло.

Въ одно пасмурное, настоящее октябрское утро, проснувшись около восьми часовъ, когда въ моей комнаткѣ царствовалъ еще самый романическій сумракъ, я увидѣлъ, что на дворѣ ко

миѣ влетѣлъ сломя голову верховый солдатъ, въ шинели, при саблѣ, съ сумкой на груди, весь мокрый и обрызганный грязью.

Петрушко было угадать, что пріѣхавшій солдатъ былъ съ конной летучей почты, которую кавалерійскіе полки постоянно содержатъ у себя, для взаимныхъ сношеній съ эскадронами. Этихъ солдатъ называютъ въ полкахъ *почтовыми*. Удержимъ это названіе и въ нашемъ разсказѣ.

Почтовый, подѣхавъ къ крылечку избы, началъ мѣшковато слѣзати съ лошади, до того загрязненной, что она казалась вылитой изъ бронзы. Почтовый ворчалъ себѣ что-то подъ носъ и замѣтно былъ въ дурномъ расположеніи духа. Онъ очень невѣжливо выбранилъ свою лошадь и дернулъ поводомъ, безъ всякаго видимаго съ ея стороны проступка.

— Чортъ ты, а не лошадь, прости Господи! сказалъ онъ въ заключеніе: — на жпводерню бы тебя!

Очевидно, что не лошадь была главной причиной негодования солдата, а просто на просто скверная, дождливая погода, пробравшая его до костей.

Появленіе почтоваго въ эскадронѣ—дѣло весьма обыкновенное: всякое приказаніе изъ полковаго штаба пересылается по летучей почтѣ; но появленіе почтоваго въ офицерской квартирѣ, что бываетъ только въ экстренныхъ случаяхъ, потому что всѣ приказы отвозятся къ вахмистру и отъ него уже восходятъ по принадлежности, а главное—стремительное вторженіе почтоваго ко миѣ во дворъ, предвѣщало что-то особенное.

Подстрекаемый нетерпѣніемъ и любопытствомъ, я нарушилъ принятый въ военной службѣ этикетъ, предписывающій офицеру сохранять всегда передъ солдатами подобающую величавость, и выбѣжалъ въ сѣни.

Почтовый уже расчитался окончательно съ своею лошадью, оправился, сколько позволила возможность, и всходилъ на крылечко.

— Что это? спросилъ я, увидя, что почтовый держитъ въ рукѣ какіе-то пакеты.

— Къ вамъ, г. штабсъ-капитанъ! изъ *штату*, *летучка*.

Было одно время, когда солдатамъ нашимъ приказано было титуловать офицеровъ не благородіемъ и высокоблагородіемъ, какъ у насъ это издавна ведется, а по чинамъ, то есть г. полковникъ, г. капитанъ, г. прапорщикъ.

Почтовый подалъ мнѣ два пакета. Къ одному былъ припечатанъ обрывокъ гусиного пера. Это была *летучка*. Во второмъ конвертѣ были газеты.

Отпустивъ тотчасъ же почтоваго къ вахмистру отогрѣться, обсушиться и покормиться, я, немедленно, принялся за чтеніе *депешъ*.

Это было предписаніе полковаго командира, для выигранія времени, прямо на мое имя: чтобы я, съ *полученіи сего* (техническое выраженіе), выступилъ съ полузаскадромъ и слѣдовалъ въ полковой штабъ, оставя на мѣстѣ все лишнія тяжести и взявъ только необходимое для *дальнаго похода*.

Еслибъ въ ту минуту обрушился передо мной потолокъ, я былъ бы меньше изумленъ этимъ разрушеніемъ моего обиталища, чѣмъ неожиданнымъ извѣстіемъ, которое привезла летучка.

Внезапно быстрое выступленіе встревожило меня чрезвычайно. Войска на постоянныхъ квартирахъ, особенно кавалерія, заводятся всегда *должкомъ*. Поэтому не удивительно, что поспѣшное выступленіе отуманило меня. Въ то спокойное время, мы понятія не имѣли о дальнихъ походахъ. Въ продолженіе пятнадцатилѣтняго мира (съ 1815 по 1830 годъ), полкъ нашъ сдѣлалъ только два похода, верстъ по двѣсти каждый, при перемѣщеніи съ однихъ квартиръ на другія. Затѣмъ единственными передвиженіями его были весенніе и осенніе сборы, для смотровъ. Въ кампаніяхъ Персидской 1826 и Турецкой 1828 и 1829 годовъ, онъ не участвовалъ. Полкъ былъ наполненъ офицерами молодыми, неопытными, совершенно незнакомыми съ военнымъ дѣломъ даже теоретически; о практическомъ знаніи нечего и говорить: не было ни одного штабъ-офицера, участвовавшаго въ какой либо войнѣ. Самъ даже полковой командиръ имѣлъ о ней понятіе, почерпнутое только изъ книгъ. Готовиться же къ войнѣ въ мирное время у насъ тогда и въ помышленіи не было: все наше вниманіе было поглощено смотрами и парадомъ, а верхъ тактическаго искусства заключался въ томъ, чтобы не сдѣлать ошибки на полковомъ ученьѣ. Слѣдовательно, выступить съ *полученія сего*, да еще снаряжаясь, какъ сказано было въ предписаніи, въ *дальній походъ*, мнѣ казалось рѣшительно невозможнымъ.

Однакожь, раздумывать было некогда: роковая летучка, на скверной, желто-сѣрой бумагѣ, лежала передо мной и, какъ кошмаръ въ тревожномъ снѣ, неотвязно лѣзла въ глаза.

Прежде всего мнѣ пришло на мысль съѣздить къ эскадронному командиру. Но когда я сообразилъ, что мнѣ нужно протащиться двадцати-пять верстъ по отвратительной проселочной дорогѣ, на тощихъ обывательскихъ клячахъ, по страшнѣйшей грязи, когда вычислилъ, что, при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, я промаюсь цѣлый день только до эскадроннаго двора, слѣдовательно, назадъ пріѣду передъ самымъ выступленіемъ полуэскадрона, которое необходимо было назначить не позже слѣдующаго утра, и что ко времени моего возвращенія всѣ распоряженія по хозяйству во взводахъ будутъ уже кончены, то мнѣ естественно представился вопросъ: зачѣмъ же ѣздить? поговорить, отвести душу? еще наговоримся: черезъ три дня всѣ будемъ вмѣстѣ; до полковаго штаба я долженъ былъ сдѣлать только два перехода.

Итакъ, я рѣшился не ѣздить къ своему командиру и распорядиться всѣмъ по *собственному* усмотрѣнію, надѣясь, не безъ основанія, что командиръ мой, какъ добрый товарищъ и пріятель, одобритъ всѣ мѣры, которыя я заблагоразсужу привести въ исполненіе.

По отдаваніи всѣхъ приказаній, для чего потребовалось часа четыре времени, я принялся отыскивать ключъ къ тому необычайному событію, какое привезла летучка, то есть къ походу. Ключъ могъ отыскаться только, какъ я думалъ тогда по своей незрѣлости, въ газетахъ. Впослѣдствіи я убѣдился, что въ тогдашнихъ нашихъ газетахъ именно ключа-то къ политическимъ происшествіямъ никогда и не находилось.

Тщетно я перечиталъ всѣ три листка газеты, начиная отъ оглавленія статей до приговора цензора: «печатать дозволяется»: никакая свѣтлая мысль не озарила мрака моихъ предположеній и догадокъ. Въ газетахъ, по обыкновенію, повторялось одно и то же рго и contra, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. И теперь, по прежнему, писали объ алжирской экспедиціи Французовъ, о послѣдствіяхъ июльской революціи въ Парижѣ, объ избраніи Франціею новаго короля, о смутахъ въ Бельгій, — словомъ, обо всемъ томъ, о чемъ уже писали три мѣсяца назадъ и что уже было не только не ново, но отчасти и забыто,

— Что жъ это значитъ? разсуждалъ я самъ съ собой.—Куда же мы пойдемъ? Ужъ не во Францію ли?....

При этой мысли у меня, отъ радости, забилося сердце.

Надобно сказать, что мы, молодые военные люди того времени, страстно желали войны, но войны непременно европейской. Прошедшія передъ нашими глазами войны: Персидская и Турецкая, казались намъ лишенными всякой поэзіи, въ особенности мнѣ, еще въ юности восхищавшемуся подвигами нашихъ войскъ въ Германіи и Франціи, — мнѣ, у котораго замиралъ отъ восторга духъ при воспоминаніи, что наши были въ Парижѣ: мнѣ пламенно хотѣлось воевать во Франціи.

II.

29 октября 1830 года, полкъ нашъ выступилъ въ походъ къ западнымъ границамъ имперіи. Маршрутъ былъ данъ въ мѣстечко Киселевичи, Волынской губерніи; дальнѣйшее направленіе было неизвѣстно. Понесся темный слухъ, что насъ поведутъ въ Бельгію, для поддержанія правъ нидерландскаго правительства, отъ котораго Бельгія тогда только что отпала.

Мы выступили въ порядкѣ, съ бодрымъ, веселымъ духомъ.

За два дня до выступленія, мнѣ поручили командованіе эскадрономъ, составлявшимъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, предметъ честолюбивыхъ мечтаній и надеждъ фронтоваго армейскаго офицера.

Тогда надъ Россіей тяготѣло страшное, неотразимое бѣдствіе—холера. Она впервые явилась въ европейскихъ предѣлахъ и, охвативъ уже полгосударства, ознаменовала свое появленіе десятками тысячъ жертвъ. Холера, еще вовсе не понятая, въ предотвращеніе которой не имѣли ни испытанныхъ лекарствъ, ни испытанныхъ предосторожностей, навела всеобщій ужасъ.

На границѣ Черниговской губерніи, куда еще холера не проникла, полкъ остановился, для выдержанія карантинной *обсервации*. Карантины были повсемѣстно учреждены, такъ какъ холера считалась болѣзнію столь же прилипчивою, какъ чума, и никакія предосторожности не считались въ то время излишними.

На границѣ Кіевской губерніи остановили насъ опять, для выдержанія второй *обсервации*.

Былъ декабрь въ началѣ. Уже шесть дней стояли мы на небольшихъ глухихъ деревняхъ близъ Днѣпра. На седьмой, часовъ въ девять утра, поѣхалъ я верхомъ, отъ скуки, а больше для узнанія новостей, въ полковую штабъ, верстъ за пять, къ

пріятелю своему и земляку, нашему полковому казначею. Мы пообѣдали въ пріятельскомъ кружку и послѣ обѣда устѣлись за вистъ. Вдругъ убѣгаетъ, впопыхахъ, писарь.

— Г. поручикъ! сказалъ онъ, обращаясь къ моему пріятелю-казначею: — сейчасъ приказано выступать.

— Какъ выступать? сейчасъ? скоро ночь!

— Вѣрно сейчасъ. Я былъ въ полковой канцеляріи, и при миѣ послали въ эскадроны приказы по летучкѣ.

— Куда жъ выступать?

— Адъютантъ изволили говорить, что въ походъ-съ; дальше, стало быть.

Мы захлопотали. Бесѣда наша внезапно рушилась. Я простился съ товарищами, сѣлъ на коня и отправился въ эскадронъ.

Дорогой я старался разрѣшить свое недоумѣніе: почему намъ вѣрно тотчасъ выступить? мы даже и обсерваціи не кончили. Оставалось еще подъ преобладающимъ вліяніемъ мирнаго направленія, я находилъ такое суетливое распоряженіе очень неосновательнымъ. Я боялся за сытость лошадей.

Въ верстѣ отъ деревни встрѣтилъ меня конный вѣстовой моего эскадрона, нарочно ко миѣ посланный. Онъ подалъ миѣ приказъ, которымъ предписывалось выступить какъ можно *наипозднѣйше* и прибыть къ Дибпру на переправу въ девять часовъ слѣдующаго утра.

Я поскакалъ въ эскадронъ. Уже было четыре часа; приближалась ночь — какіе дни въ декабрѣ!

Отъ переправы черезъ Дибпръ я квартировалъ въ тридцатилити верстахъ. Разсчитывая, что на переходъ этого разстоянія миѣ слишкомъ достаточно будетъ двѣнадцати часовъ, я назначилъ выступленіе въ девять часовъ вечера.

Началась суматоха. Надобно было отправить квартиргеровъ, взять квитанцію, подводу (мы все еще были на мирномъ положеніи), распорядиться продовольствіемъ людей и въ особенности лошадей. Въ кавалеріи лошадь болѣе озабочиваетъ эскадроннаго командира, нежели человекъ: человека легче накормить, чѣмъ лошадь; человекъ и самъ позаботится о себѣ, можетъ сказать, что ему нужно, о лошади же необходимо особенное попеченіе.

Къ девяти часамъ, однакожъ, управились: квартиргеровъ отправили во-время, взяли квитанцію, подводу. Все это легко

сказать, но сдѣлать!... Кто самъ командовалъ эскадрономъ, тотъ знаетъ, легко ли это дѣлается, особенно походомъ.

Въ назначенный часъ я выступилъ. Шелъ всю ночь, — декабрьскую, туманную, холодную ночь! грязь, слякоть — несносно!

День засталъ меня въ восьми верстахъ отъ переправы. Привыкшія къ труду лошади утомились порядочно. Но я пришелъ на пунктъ переправы въ половинѣ девятого.

На переправѣ встрѣтилъ меня полковникъ, пріѣхавшій впередъ, для надзора за порядкомъ. Полковникъ приказалъ мнѣ остановиться у Краснаго Трактира (на берегу Днѣпра), размундштучить и покормить лошадей.

Людямъ я велѣлъ купить водки и булокъ, которыхъ навезли изъ Кіева множество. Самъ я кое-чего перехватилъ въ Красномъ Трактирѣ.

Днѣпръ еще не покрывался льдомъ; но мостъ уже былъ снятъ, потому что вода сильно прибывала. Переправа была неудобна. Полкъ перевозили на шести большихъ паромъ, на каждый становилось до семидесяти лошадей, такъ что въ два рейса переправлялся цѣлый полкъ; но эти рейсы, съ посадкою и высадкою войскъ, продолжались каждый почти по четыре часа. Въ день только и могъ переправиться одинъ полкъ. Паромы большіе, неходкіе, двигались медленно, на веслахъ. Сначала забирали на полверсты вверхъ противъ теченія и потомъ пускались черезъ рѣку. Днѣпръ широкъ и быстръ чрезвычайно. Сильный вѣтеръ еще болѣе затруднялъ переправу.

Когда я пришелъ къ Днѣпру, три эскадрона нашего полка уже становились на паромы. Я долженъ былъ переправиться во второй очереди и начать переправу не ранѣе часа пополудни.

Часовъ въ десять пріѣхалъ на переправу бригадный командиръ. Увидѣвъ на берегу огромную фалангу нашихъ эскадронныхъ обозовъ, онъ тотчасъ же приказалъ все уничтожить и, кромѣ офицерскихъ повозокъ, не имѣть при эскадронахъ ни одной обывательской телеги.

— Да и офицерскія повозки, добавилъ генералъ: — дозволяется имѣть до тѣхъ только поръ, пока не построится выюки.

Это приказаніе чрезвычайно взволновало меня—не за себя: у меня была повозка и приготовлялись выюки, но за своихъ солдатъ. Въ это время подошелъ ко мнѣ полковой адъютантъ.

— Вы, кажется, недовольны, капитанъ, спросилъ онъ: — приказаніемъ уничтожить обозы?

— Да, недоволенъ! отвѣчалъ я еще подъ вліяніемъ досады: — посмотрите, куда все это дѣлать бѣдные солдаты?... да скажите, пожалуйста, что за экстренность такая? Или уже Французы подступили къ Кіеву и мы завтра въ дѣло?...

— Завтра не завтра, а, кажется, будетъ дѣло, возразилъ адъютантъ таинственно: — что-то есть, и очень важное; но на-вѣрное еще ничего не могу сказать. Отсюда мы ѣдемъ съ полковникомъ въ главную квартиру, гдѣ пробудемъ нѣсколько дней. Я извѣщу васъ на дняхъ обо всемъ, что узнаю.

Въ такомъ случаѣ нечего и толковать. Я поблагодарилъ адъютанта за его любезную предупредительность, а самъ сталъ распоряжаться. Надежда на войну тотчасъ же утишила мое негодование.

Я приказалъ снять съ повозокъ солдатскіе мѣшки и распаковать; необходимое положить на сѣдла, а остальное—въ Дигѣпръ!

Какъ вахмистры мои ни сѣтовали на эту мѣру, но обойти ее какимъ либо образомъ было для нихъ невозможно, потому что я велѣлъ при себѣ разбивать мѣшки и объявилъ, что самъ буду назначать, что брать и что бросать.

Съ большимъ сокрушеніемъ солдаты мои принялись за истребленіе своего имущества. Но, по мѣрѣ опустошенія мѣшковъ, сожалѣніе мое къ этому жертвоприношенію становилось слабѣе и слабѣе. Я увидѣлъ, какою невообразимою дрянью были набиты солдатскіе мѣшки. Ихъ наполняли: лоскутья сукна и холста, обрѣзки кожи, поношенные дырлявыя перчатки, старыя голенища, истасканные жилеты, пуговицы, пряжки, колечки, гвоздочки, кусочки обоевъ и тому подобный хламъ; но все это, конечно, было дорого для солдата, потому что составляло его собственность, собранную рачительнымъ трудомъ.

Когда вся рухлядь была разсортирована, я велѣлъ выбросить нѣсколько возовъ дряни въ Дигѣпръ. Солдаты исполнили это съ глубокою скорбью.

Въ утѣшеніе солдатъ за потерю ихъ *сокровищъ*, я сказалъ имъ нѣсколько словъ о необходимости такой жертвы и велѣлъ дать имъ по стакану водки.

Послѣ чарки, они забыли на половину свое горе. Впрочемъ, у нашихъ солдатъ таковъ духъ: прикажутъ, такъ онъ и съ жизнью разстанется безъ особенной печали.

Кто подъѣзжалъ къ Кіеву съ сѣверной стороны, тотъ знаетъ, на какой живописной мѣстности раскинутъ этотъ издревле знаменитый городъ, бывшій свидѣтелемъ и великой славы и тяжкаго порабоженія Россіи. Вѣроятно, каждый знакомый съ исторіею Кіева, глядя изъ-за Днѣпра на его златоверхіе храмы, гордо возносящіе въ небо свои главы, не разъ задумывался надъ превратной судьбой этого достопамятнаго, *свѣтаго града*, колыбели нашего обширнаго отечества. Я много разъ бывалъ въ Кіевѣ, но каждый разъ, подъѣзжая къ нему изъ-за Днѣпра, благоговѣйно проникаю мыслію въ его вѣковую, маститую древность, а взоромъ люблюсь на его настоящую величавую красоту.

И теперь, погрузившись въ задумчивость, я долго любовался Кіевомъ и потомъ долго смотрѣлъ, не отводя глазъ, на его угрюмыя твердыни, хорошо мнѣ знакомыя, мрачныя стѣны которыхъ я оставилъ только годъ тому назадъ....

Въ часъ пополудни, эскадронъ мой началъ устанавливаться на паромы. Переправа была не безопасна. Осенній, порывистый вѣтеръ разсердилъ Днѣпръ не на шутку. Почернѣвъ отъ злости, онъ бушевалъ всею своею мочью; но, вѣроятно, по причинѣ быстрого своего теченія, онъ не волновался, какъ другія большія рѣки, ровными валами, а какъ-то своеобразно кидался снизу вверхъ: то поднимался холмами, какъ-будто дышалъ тяжело, то ниспадалъ въ глубокія котловины. Судоходцы подобное качанье очень выразительно называютъ *толчей*. И точно, паромы наши, хоть они были и велики, толкло и подбрасывало порядкомъ; а непривыкшія къ подобнымъ путешествіямъ лошади, дрожая отъ страха, билась и металась по парому. Отъ толкотни, паромы такъ иногда накренились, что я опасался, что ихъ захлеснетъ волной.

Однакожь, часовъ около четырехъ дня, я былъ уже за Днѣпромъ и весело, съ пѣсенниками, вступалъ въ Кіевъ. Пѣсенниковъ былъ у меня большой, и очень хорошій хоръ, снабженный всѣмъ, что утѣшаетъ солдатъ: рожками, бубномъ, тарелками и прочимъ. Около пѣсенниковъ толпилась куча мальчишекъ и другихъ ротозѣевъ, что меня чрезвычайно забавляло. Впрочемъ, тутъ было и тщеславіе съ моей стороны: я зналъ, что у меня пѣсенники хороши, и не упустилъ случая похвастаться ими гдѣ было можно.

Съ потерпѣніемъ смотрѣлъ я по сторонамъ, отыскивая глазами своего квартиргера, въ полной увѣренности, что черезъ три-четыре версты отъ города будетъ почлегъ. Но вмѣсто квартиргера встрѣчаю вѣстового изъ полковой канцеляріи, съ приказомъ идти до почлега еще *тридцать-пять верстъ!*

У меня волосы дыбомъ стали. Извѣстно, какъ, въ мирное время, у насъ, въ кавалеріи, пѣжать и расслабляютъ безразсудной холей лошадей. Мы, эскадронные командиры, хотя слышали и догадывались, что походъ нашъ не совсѣмъ мирный, но все еще не могли отрѣшиться вдругъ отъ мирныхъ идей; все еще казалось намъ, что, можетъ быть, войны и не будетъ, но смотры и парады будутъ непременно, гдѣ бы ни пришлось намъ остановиться. Поэтому весьма естественно, что мы крѣпко заботились о сытости и вѣшнемъ сбереженіи лошадей. Впрочемъ, и вслѣдствіе сердобольный кавалеристъ, хотя бы онъ и понималъ вредную систему нашего времени истреблять лошадей изнѣшней лѣтвой, все-таки и онъ пришелъ бы въ ужасъ отъ семидесяти-верстнаго перехода, по тяжелой, грязной дорогѣ, безъ приготовленій, почти съ мѣста, на сырыхъ, закормленныхъ лошадяхъ.

Съ досадой въ сердцѣ и почти со слезами на глазахъ пошелъ я далѣе. Теперь я совершенно понималъ, что не безъ причины засуетили насъ и повернули такъ круто; но какая это причина? Отчего адъютантъ ни слова не написалъ мнѣ съ этимъ вѣстовымъ? Впрочемъ, онъ, можетъ быть, и самъ еще ничего не успѣлъ узнать. Тщетно я терялся въ догадкахъ — любопытство мое только больше и больше раздражалось.

Ночь застала меня верстахъ въ десяти за Кіевомъ, — декабрьская, холодная ночь! вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Но уже отрадно было и то, что не было дождя и не лила вода за шею.

Этотъ ночной переходъ, послѣ безсонной проведенной ночи, меня беспокоилъ тѣмъ, что люди будутъ дремать и, качаясь на сѣдлѣ, посадятъ лошадей. Поэтому я приказалъ идти всѣмъ вольно, вразсыпную и непременно разговаривать, пѣть или рассказывать сказки и побасенки. Я самъ развѣзжалъ между рядовъ, болталъ съ солдатами и внимательно наблюдалъ, чтобы нигдѣ отнюдь не молчали. Если солдатъ прижмется, онъ, навѣрное, спитъ сидя на лошади. Распоряженіе это напоминало мнѣ извѣстную строфу изъ «Онѣгина»:

«И хоромъ по наказу пѣли —
Наказъ, основанный на томъ,

Чтобъ барской лоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли.»

Въ одиннадцатъ часовъ прошелъ я Бѣлогородку, гдѣ, во времена княженія Владимірова, были его увеселительные дворцы и гдѣ, въ часы отдохновенія и веселья, раздавался звонъ тяжелыхъ стопъ, наполнявшихся шипучимъ медомъ и смиренною мальвазіею. Въ преувеличивающемъ всѣ видимые предметы ночномъ мракѣ, Бѣлогородка показалась мнѣ необыкновенною. Ея гористая мѣстность, ущелье, гдѣ пролегала дорога, представлялись чѣмъ-то въ родѣ Казбека или Монблана. Воображеніе мое перенеслось въ туманъ волшебной старины, за восемь столѣтій назадъ, и я мечталъ, что на вершинахъ этихъ горъ вижу вышки и терема Владиміровы, въ которыхъ обитали его молодая, прекрасная жены.... Словомъ, я бредилъ наяву.

Въ два часа ночи прибилъ я къ своему почлегу. Это была бѣдная господская деревушка. Солдатамъ нечего было даже поужинать. Въ девять часовъ слѣдующаго дня опять въ походъ. И такъ день за днемъ. Тщетно я разсчитывалъ на дневку: насъ вели съ какой-то лихорадочной поспѣшностію, безъ отдыха. Въ недѣлю я прошелъ двѣсти-восемьдесятъ верстъ. Кто дѣлалъ походы, тотъ знаетъ, какъ велика эта быстрота.

Въ Житомирѣ, эскадронъ мой смотрѣлъ корпусный командиръ, недавно къ намъ назначенный. Смотръ былъ домашній, безъ парада. Когда я подходилъ къ Житомиру, меня встрѣтилъ яѣстовой, съ запиской отъ адъютанта, предупреждавшаго меня о смотрѣ.

Остановясь у заставы, оправясь и очистивъ съ себя и людей налипшіе слои грязи, я вошелъ въ городъ, небольшой, некрасивый, наполненный Жидами. Я не могъ представить себѣ, чтобъ могли быть такіе бѣдные губерніскіе города.

Эскадронъ у меня былъ недурной: люди имѣли осанку смѣлую; лошади, несмотря на форсированные переходы, шли бодро.

Корпусный командиръ стоялъ на крыльцѣ своей квартиры съ небольшою свитой и ждалъ меня.

Удалой мой конь, по всегдашней своей привычкѣ, завидя *начальство*, сталъ рисоваться: послѣ нѣсколькихъ лапсасъ, онъ, какъ разъ противъ корпуснаго командира, выкинулъ самый ловкій пируэтъ (повернулся кругомъ на заднихъ ногахъ).

Корпусный командиръ, увидя гарцованье моей лошади, вскрикнулъ занавальчиво:

— Г. офицеръ! не шалите на своей лошади! Я вамъ говорю, г. офицеръ, не шалите на лошади!

Но лошадь моя нимаю не помышляла о повиновеніи, и во все время, пока проходилъ эскадронъ справа по три, она, стоя возлѣ корпуснаго командира, взвивалась надыбы и выдѣлывала разныя штуки, къ невыразимой моей досадѣ.

Эскадронъ прошелъ.

— Эскадронъ въ порядкѣ, сказалъ корпусный командиръ:— благодарю; но лошадь ваша *не годится*: она слишкомъ бѣшена.

Наконецъ намъ позволили передневать. На дневкѣ я получилъ записку отъ адъютанта. Она объяснила причину нашего летучаго движенія: въ Варшавѣ бунтъ, и мы идемъ усмирять возстаніе.

Итакъ, война! предѣлъ всѣхъ стремленій военнаго человѣка. Мысль о войнѣ какъ-то особенно настраивала и возвышала мой духъ. Теперь я только одного и желалъ — скорѣе въ дѣло. Меня жгло любопытство, миѣ хотѣлось извѣдать на опытѣ: что такое война,—война, о которой я мечталъ еще съ пятнадцатилѣтняго возраста? что такое сраженіе? визгъ ядеръ? свистъ пуль?

За г. Луцкомъ, въ м. Киселинѣ, полкъ нашъ остановился, для приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ.

Составили армію, подъ названіемъ дѣйствующей. Главнокомандующимъ назначили фельдмаршала Дибича, чело котораго украшалось тогда свѣжими лаврами забалканскимъ. Побѣдная звѣзда Дибича ярко блистала по всей Россіи.

Общій восторгъ войскъ привѣтствовалъ новаго вождя, въ великія дарованія котораго всѣ искренно вѣровали.

Духъ въ войскахъ былъ необыкновенный, рвеніе сразиться съ врагомъ неудержимое. Негодованіе на Поляковъ за ихъ возстаніе раздѣляла вся армія, отъ генерала до солдата.

Уносясь въ міръ фантазій о предстоявшей войнѣ, я мечталъ о великихъ подвигахъ съ своимъ эскадрономъ: я разбивалъ цѣлыя польскіе полки; бралъ пушки, знамена; видѣлъ на себѣ штабъ-офицерскіе эполеты, три креста въ петлицѣ и одинъ на шеѣ; видѣлъ, какъ послѣ войны я возвращаюсь на родину, увѣнчанный лаврами, въ лучезарномъ сіяніи славы.... видѣлъ и — увыл...

Вдругъ получаю приказъ, что я предназначаюсь въ старшіе адъютанты корпуснаго штаба....

Я понятія не имѣлъ ни о какихъ штабахъ, всегда чуждался ихъ и обѣгалъ; поэтому можно подтвердить, какъ я былъ удивленъ и огорченъ навшимъ на меня выборомъ, о которомъ никогда ни одна мысль не западала въ мою голову. Я обрекъ себя на фронтную службу, которую несъ съ полною добросовѣстностію.

Съ сожалѣніемъ простился я съ своимъ дорогимъ эскадронъ и со своими золотыми мечтами и отправился въ корпусную квартиру, которая была въ г. Луцкъ. Во всю дорогу меня занимала мысль: по какому случаю я выбранъ въ старшіе адъютанты, я, никому неизвѣстный и не имѣющій ни малѣйшаго покровительства? Разумѣется, я не нашелъ причины, сколько ни ломалъ себя голову.

По пріѣздѣ въ Луцкъ, я прежде всего явился къ дежурному штабъ-офицеру. По случаю войны, начальникъ штаба хотя и былъ назначенъ, но еще не пріѣзжалъ.

Дежурный штабъ-офицеръ принялъ меня весьма привѣтливо.

— Вы, можетъ быть, жалуете объ эскадронѣ? спросилъ онъ.

— Пожалѣлъ, полковникъ!

— Теперь вамъ предстоитъ служба, столько же, если еще не болѣе, полезная и видная. Эскадронныхъ командировъ у насъ много, и отличныхъ, а хорошихъ старшихъ адъютантовъ почти нѣтъ. Командовать эскадронъ можетъ каждый офицеръ, знающій порядочно фронтъ, а старшаго адъютанта до сихъ поръ я не могъ выбрать себя въ сотрудники.

Я поклонился, въ знакъ благодарности за лестный отзывъ. Полковникъ продолжалъ:

— Здѣсь старшій адъютантъ очень добрый и усердный человекъ; но онъ самъ чувствуетъ неспособность свою къ дѣламъ и, конечно, не замедлитъ удалиться. На васъ я надѣюсь: я замѣтилъ любовь вашу къ литературѣ, знаніе языка, что для старшаго адъютанта необходимо....

— Извините, полковникъ, сказалъ я, краснѣя отъ похвалы:— что позволю себѣ сдѣлать вопросъ: гдѣ вы могли замѣтить все это? мнѣ казалось, что вы меня едва знаете.

— Извините, я знаю васъ лучше, чѣмъ вы думаете: я читалъ со вниманіемъ, даже съ удовольствіемъ, ваши отвѣтные пункты въ судную комиссію по дѣлу о дуэли; но это еще не все: я знакомъ и съ вашей *Лиліей*....

Вся кровь кинулась мнѣ въ лицо отъ этого неожиданнаго открытія. Такъ это ты, милая Лилія, подумалъ я, открыла мнѣ

путь къ должности, на которую всегда такъ много искателей! Ты даже составила мнѣ маленькую извѣстность.

Обстоятельство это необходимо объяснить.

Я содержался въ крѣпости. Случай этотъ описанъ въ статьѣ моей «Дуэль», напечатанной въ «Сѣверной Пчелѣ» 1858 года, №№ 1—9. Во время заключенія своего, чтобъ облегчить томившую меня скорбь, я искалъ развлеченія въ запискахъ литературныхъ. Но возвращеніи въ полкъ, я встрѣтилъ въ немъ двухъ новыхъ товарищей, прибывшихъ въ мое отсутствіе. Оба они страстно любили литературу и также пописывали.... Мы скоро подружились. Тогда въ русской литературѣ господствовала мода на альманахи, и мы вздумали составить свой *полковой альманахъ*. Сотрудниковъ явилось довольно. Я избранъ былъ редакторомъ. Такимъ образомъ, у насъ составилаcя объемистая книжечка, наполненная разными статьями въ прозѣ и многими стихотвореніями. Съ общаго согласія, мы назвали ее *Лилией* своего полка. Книжечку переписали, красиво переплели и, какъ редактору, отдали ее въ мое распоряженіе. Печатать же мы не только намѣренія не имѣли, но даже книжечку эту хранили, какъ тайну, въ своемъ литературномъ кружку. Но одинъ изъ нашихъ адептовъ, взявъ книжечку прочесть, завезъ ее въ губернской городъ, гдѣ была корпусная квартира, и выдалъ нашу тайну.... Измѣну свою онъ скрылъ отъ насъ, и я былъ убѣжденъ, что никто изъ постороннихъ о существованіи *Лилии* не знаетъ, какъ вдругъ такимъ непредвидѣннымъ случаемъ обнаружился предатель!

Но могъ ли я, сидя въ крѣпости и марая отъ скуки бумагу, предвидѣть, что это маранье сдѣлаетъ радикальный переворотъ въ моей службѣ?

Дежурный штабъ-офицеръ взялъ меня съ собой, чтобъ представить корпусному командиру, тому самому, который въ Житомирѣ распекъ меня за лошадь.

Какъ жертва на закланіе, шелъ я на представленіе это. Послѣ встрѣчи въ Житомирѣ, корпусный командиръ казался мнѣ страшнымъ лицомъ. Какъ я буду служить при такомъ взыскательномъ, суровомъ начальникѣ, думалъ я, и какъ другіе служатъ при такихъ важныхъ лицахъ? какъ они ихъ не боятся? Мнѣ представлялась служба эта безконечною цѣнью принужденія и вытяжки. Но съ тѣмъ вмѣстѣ я видѣлъ, что дежурный штабъ-офицеръ шелъ къ генералу очень спокойно, безъ страха; по приходѣ въ квартиру корпуснаго командира, онъ прямо, безъ доклада, от-

правился къ нему въ кабинетъ, оставя меня въ залѣ. Стало быть, это не такъ страшно? Или эти избранныки, что служатъ при большихъ лицахъ, одарены такими особенными способностями, что для нихъ служба эта вовсе не тяжела?

Мое невѣдѣніе скоро, однакожъ, разрѣшилось: черезъ нѣсколько времени, когда я ближе узналъ эту военно-придворную службу, я увѣдѣлъ, что она хотя, точно, имѣетъ свои споровки и требуетъ нѣкоторыхъ способностей и такта уживчивости, но особеннаго ничего.

Уединеніе мое въ залѣ было нарушено приходомъ какого-то генерала, въ золотомъ эксельбантѣ, высокаго ростомъ, съ смѣлымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Я никогда не видалъ этого генерала, но догадался, что это Гейсмаръ, герой послѣдней Турецкой войны. Это былъ, дѣйствительно, онъ. Мнѣ очень понравилась его воинственная наружность. Не знаю, почему, въ его военной отвагѣ я находилъ что-то общее съ Мюратомъ.... развѣ потому, что оба были до безразсудства храбры. Гейсмаръ, взглянувъ на меня и отвѣтивъ на мой поклонъ, быстро прошелъ также прямо въ кабинетъ корпуснаго командира. Тамъ громко заговорилъ онъ и говорилъ что-то долго.

Наконецъ потребовали и меня въ кабинетъ. Я вошелъ не совсѣмъ спокойно.

Убранство кабинета было самое бивуачное: ни одной вещицы, ничего не нужнаго. Корпусный командиръ былъ нездоровъ и лежалъ въ постели, въ халатѣ. Гейсмаръ и дежурный штабъ-офицеръ стояли вблизи.

Я вошелъ, поклонился и остановился у двери.

Корпусный командиръ, приподнявшись немного на руку, сказалъ мнѣ ласково:

— Здравствуйте! Подойдите ближе. Фамилія ваша?

Я сказалъ.

— Мнѣ рекомендовали васъ за хорошаго и способнаго офицера...

Я поклонился.

— Надѣюсь, что вы оправдаете рекомендацію. Намъ нуженъ старшій адъютантъ: согласны вы занять это мѣсто?

— За честь поставлю....

— Очень радъ! Такъ эта статья улажена; о другомъ и говорить нечего. Гдѣ вы воспитывались?

— Дома.

— По это все равно; дѣло въ томъ, чтобъ мы нашли въ васъ надежнаго помощника.

— Приложу все стараніе.

— Очень хорошо! оставайтесь же здѣсь.... До свиданія!

Я ушелъ, восхищенный благосклоннымъ пріемомъ. Теперь корпусный командиръ показался мнѣ совершенно другимъ человекомъ, нежели въ Житомирѣ.

Повелѣніе о началіи военныхъ дѣйствій не замедлилось. 18 января 1831 г., мы выступили во Владиміръ-Волинскій.

Здѣсь мнѣ приказано было вступить въ должность старшаго адъютанта. До того времени определенной обязанности я не имѣлъ. Мнѣ давали разные дѣла, — вѣроятно, для испытанія. Я обдумывалъ ихъ какъ умѣлъ. На каждомъ шагу я встрѣчалъ затрудненіе отъ своей неопытности и совершеннаго незнакомства отношеній большихъ лицъ между собою. Но я ходилъ въ штабъ, справлялся, спрашивалъ, перечитывалъ прежнія дѣла. Въ штабѣ я часто встрѣчалъ дежурнаго штабъ-офицера и очень рѣдко старшаго адъютанта, съ которымъ мнѣ какъ-то и собственно было часто встрѣчаться, потому что я считалъ себя какъ бы виновнымъ передъ нимъ. Хотя и не по своему желанію, по я все-таки пріѣхалъ — столкнуть его съ мѣста.

Вступя въ должность, я нашелъ множество неисполненныхъ бумагъ. Для перваго дебюта, я трое сутокъ просидѣлъ за работой, почти не ложась спать.

Во Владиміръ пріѣхалъ назначенный къ намъ въ начальники штаба молодой генералъ. Меня представили ему уже въ качествѣ старшаго адъютанта.

Чиновникамъ штаба дали конвойныхъ казаковъ; на мою долю пришелся расторопный и сметливый донецъ.

22 января пришли въ Устилугъ, послѣдній пограничный пунктъ.

Отсюда я увидѣлъ равнины царства Польскаго, покрытыя лѣсами, усаженные деревнями, дачами, усадьбами. Прекрасный, живописный край! Вездѣ, на возвышенныхъ точкахъ, стояли длинныя шесты, съ пучками насмоленной соломы наверху. Это были маяки, которые, при вступленіи нашихъ войскъ, должны были запалывать по всему царству.

Отъ вражеской земли отдѣляла теперь насъ небольшая рѣка Бугъ. Долго стоялъ я на высокомъ ея берегу и съ неопредѣленной грустной мыслью смотрѣлъ на снѣжную даль и на пред-

лежащее намъ поприще войны. Что ждетъ меня за этимъ рубежемъ? перейду ли я его обратно? или уже мигъ не суждено видѣть родное небо?...

На другое утро еще до разсвѣта мы должны были перейти границу.

III.

24 января, въ три часа ночи, отрядъ нашъ собрался на берегу Буга. Наканунѣ еще, во всѣхъ частяхъ войскъ, были отслужены молебны.

Войска приготовились къ бою: зарядили орудія, зажгли палинки, вынули сабли. Выѣхалъ и корпусный командиръ.

Тихо, безъ шума, двинулись мы походной колонной, по шестн, въ пограничную заставу, и ступили на вражескую землю.

Путь нашъ начинался длинной довольно узкой гатью, черезъ болотистые протоки Буга, и потому только и можно было идти отдѣленіями.

Переходъ чрезъ границу былъ такъ быстръ и внезапенъ, что жители не успѣли даже зажечь маяковъ, чтобъ дать вѣсть о нашемъ приходѣ.

Отрядъ нашъ состоялъ изъ одной кавалеріи, регулярной, и казаковъ, всего около четырехъ тысячъ съ половиной, при 24 пушкахъ, наполовину батарейныхъ. Онъ составлялъ самое крайнее звено лѣваго фланга арміи.

Мы уже отошли версты три — непріятеля не видно; прошли цѣлый переходъ — нигдѣ ни одного непріятельскаго солдата.

Первый ночлегъ былъ въ небольшомъ городкѣ Грубешовѣ. Здѣсь жители встрѣтили насъ съ хлѣбомъ-солью, съ хоругвями и со всевозможнымъ торжествомъ.

На другой день выступили къ Люблину. Въ Грубешовѣ, для поддержанія сообщеній, учредили этапъ, на которомъ оставили взводъ драгунъ, при офицерѣ.

Вездѣ принимали насъ съ почетомъ и восторгомъ, — искреннимъ или только наружнымъ, трудно было угадать. На всѣхъ переходахъ мы учреждали этапы и оставляли по взводу драгунъ.

Въ Краснотавѣ оставлены были, подъ командой генерала, Драгунскій полкъ, сотня казаковъ и четыре орудія.

Отряду этому поручалось: наблюдать за кр. Замостьемъ, прикрывать наши этапы, поддерживать безопасность сообщеній и

удерживать въ повиновеніи жителей кралъ. Порученіе, по правдѣ сказать, немного сложно: и едва ли исполнимое для силъ такого незначительнаго отряда.

Отдѣленіемъ этого отряда мы ослабили себя слишкомъ на тысячу человѣкъ.

Въ Люблинѣ простояли три дня и 3 февраля пришли въ Пулавы, уже лежащія на р. Вислѣ.

До сихъ поръ ничего похожаго на войну не было: мы шли какъ по мирной странѣ; однакожь, войска располагались на ночлеги бивуаками, соблюдая всѣ военныя предосторожности на мѣстѣ и на походѣ: высылали разъѣзды и патрули, ставили вѣдеты и двигались съ авангардомъ и арріергардомъ.

Въ Пулавахъ только въ первый разъ увидѣли мы непріятельскихъ солдатъ на другомъ берегу Вислы, и то въ небольшомъ числѣ; они гордо расхаживали по берегу, брали во все горло Русскихъ и за сто сажень стрѣляли въ насъ изъ пистолетовъ! Выстрѣлы ихъ едва были слышны, а пули не долетали до половины рѣки.

5 февраля, перешли мы Вислу, по льду, съ немалыми предосторожностями, потому что ледъ былъ уже не надеженъ.

Въ какихъ силахъ былъ непріятель за Вислой, мы не знали; но намъ приказано было перейти Вислу, и мы, съ своими ничтожными силами и съ огромной фалангой обозовъ, въ которой везли двухнедѣльный запасъ продовольствія для отряда, перешли рѣку, оставя ее за собой въ тылу.

Направленіе взяли къ Варшавѣ. На переходѣ, казаки привели плѣнныхъ: офицера и двадцать рядовыхъ. Это были первые непріятельскіе солдаты, которыхъ увидѣлъ я вблизи. Офицеръ со слезами жаловался на жестокое съ нимъ обхожденіе казаковъ. Они прибили его и отняли у него часы и деньги. Скюртку на немъ былъ изорванъ и лицо въ кровавыхъ пятнахъ.

Я искренно былъ тронутъ несчастіемъ офицера, но помочь ему не могъ. Корпусный командиръ приказалъ, однакожь, отобрать у казаковъ часы и деньги и возвратить офицеру.

Плѣнные показали, что армія мятежниковъ сосредоточена на шоссе близъ Сѣдльца, что за Вислой нигдѣ нѣтъ значительныхъ непріятельскихъ силъ, что только по городамъ и мѣстечкамъ стоятъ небольшія команды, наблюдающія за ускореніемъ сборовъ посполитаго рушенья (поголовнаго вооруженія), потому что временное правительство возставшихъ Поляковъ призвало къ

вооруженію всю Польшу. Команда, взятая въ плѣтъ, принадлежала къ этому же разряду.

Въ тотъ же день пришли мы въ Козеницу. На другой день былъ сдѣланъ сильный погонъ къ Радому (главный городъ воеводства): тамъ найдены были небольшіе запасы аммуниціи и оружія; все это было истреблено. О непріятелѣ же нигдѣ никакого слуха.

Но 6 февраля получено было два самыхъ печальныхъ извѣстія.

Первое: въ тылу нашемъ и на нашихъ сообщеніяхъ, въ г. Грубешовѣ, гдѣ, какъ выше сказано, учрежденъ былъ этапъ, взять въ плѣтъ весь драгунскій взводъ, съ офицеромъ. Изъ Замостья пришелъ польскій эскадронъ и безъ всякаго затрудненія взялъ слабую команду, которая и отступить не успѣла. Молодой, неопытный офицеръ, хотя и храбрый, понятія не имѣлъ о военныхъ предосторожностяхъ. Онъ расположился какъ на мирныхъ квартирахъ, а когда былъ внезапно захваченъ, растерлся и отдался въ руки непріятелю. Подобныхъ потерь, въ продолженіе войны 1831 года, мы понесли немало, и все, по большей части, оттого, что наши офицеры, и даже штабъ-офицеры, не довольно были знакомы съ основными правилами военной науки.

Второе извѣстіе было еще прискорбнѣе. Генералъ Гейсмаръ, герой Боженшты, гдѣ онъ, въ 1828 году, смѣлымъ ударомъ разгромилъ, съ шестью тысячами, двадцати-пяти тысячный корпусъ Турокъ, — этотъ храбрый генералъ, у котораго былъ такой же кавалерійскій летучій отрядъ, какъ и у насъ, разбитъ Дверницкимъ, 2 февраля, при Сточкѣ, и потерялъ восемь орудій изъ бывшихъ у него двѣнадцати.

Итакъ, война вспыхнула мгновенно. Неблагопріятное ея для насъ начало сильно потрясло наше военное самолюбіе. Пораженіе Гейсмара въ особенности было прискорбно, потому что онъ претерпѣлъ его по собственной винѣ, отъ излишней своей самонадѣянности. Не испытавъ дотолѣ неудачъ, онъ находилъ все возможнымъ для своего неукротимаго мужества и никакое предпріятіе не считалъ неисполнимымъ. Такъ онъ дѣйствовалъ и подъ Сточкомъ. Несмотря на предупрежденіе авангарднаго начальника, что непріятель очень силенъ, онъ не отмѣнилъ своего намѣренія. Упрекнувъ съ пренебреженіемъ начальника авангарда въ чрезмѣрной осторожности, онъ атаковалъ противника смѣло и рѣшительно. Считая отрядъ своего врага толпой *рукав-*

ки (новонабранная пѣхота), онъ былъ увѣренъ, что однимъ взмахомъ сабли разгонитъ шайку бунтовщиковъ, какъ это разъ ему и удалось. Въ этой увѣренности онъ не могъ и думать о возможности неуспѣха и не только не обезпечилъ себѣ пути отступленія, какъ дѣлаетъ каждый менѣе самонадѣянный начальникъ, но, напротивъ, боялся, что непріятель отъ страха убѣжитъ и лишитъ его лавроваго вѣнка. Съ этой мыслью онъ приказалъ генералу Пашкову атаковать непріятеля съ фронта, съ конно-егерскимъ полкомъ, при четырехъ орудіяхъ, а самъ, тоже съ конно-егерскимъ полкомъ и восемью орудіями, пошелъ въ обходъ, заботясь больше о томъ, чтобъ не ускользнулъ отъ нѣбна ни одинъ непріятельскій солдатъ. Пашкову никакихъ указаній обстоятельно дано не было, и ему больше ничего не оставалось, какъ исполнить въ точности данное приказаніе. Онъ двинулся, прошель лѣсъ, потомъ болотистую рѣчку, по узкой длинной гати, по которой только и можно было идти отдѣленіями по три; но, миновавъ эти дефиле, былъ встрѣченъ въдесятеро сильнѣйшимъ противникомъ, ожидавшимъ его въ стройныхъ массахъ. Тогда результатъ боя не могъ быть сомнителенъ: Пашковъ, выдержавъ мужественно первый натискъ, былъ задавленъ многочисленностію и, видя, что непріятель двинулъ въ тылъ его пѣхоту, чтобъ отрѣзать его отъ гати и тѣмъ отнять у него послѣднюю возможность къ отступленію, принужденъ былъ идти назадъ по тѣмъ же тѣснинамъ, по которымъ шелъ съ затрудненіями и не преслѣдуемый непріятелемъ: другаго пути не было. Естественно, что подобное отступленіе не могло обойтись безъ большихъ потерь.

О Гейсмарѣ, между тѣмъ, не было никакого извѣстія. Пашковъ перешелъ уже обратно бѣдственную гать, какъ Гейсмаръ, сдѣлавъ большой усиленный обходъ, по лѣсамъ и чрезъ болотистую рѣчку, показался во флангъ непріятеля, иди на него рысью, въ неразвернутыхъ еще массахъ. Дверницкій, отправивъ въ преслѣдованіе Пашкова нѣсколько уланскихъ эскадроновъ, всѣми остальными силами, сдѣлавъ перемѣну дирекціи, быстро ударилъ на Гейсмара, когда тотъ началъ еще только строиться въ боевой порядокъ, мгновенно опрокинулъ не устроившіеся эскадроны и взялъ шесть пушекъ, къ двумъ отбитымъ у Пашкова. Дѣло, на обонхъ пунктахъ, кончилось менѣе, чѣмъ въ часъ времени.

Дверницкій, упоенный первымъ, неожиданнымъ и никогда не предполагаемымъ успѣхомъ, удовольствовался своей побѣдой, проведя нѣсколько дней въ ликованьяхъ, и не преслѣдовалъ отступавшіе полки.

Мы отъ души негодовали на несчастный исходъ дѣла подъ Сточкомъ. Это была первая встрѣча нашихъ войскъ съ непріелемъ, и эта встрѣча ознаменовалась такимъ прискорбнымъ неуспѣхомъ, котораго вѣроятность подлежала большому сомнѣнію, хотя непріятель былъ и сильнѣе насъ, еслибъ повели дѣло осторожно и осмотрительно. Вся вина пала на войска; но это укоръ незаслуженный. Дѣйствительно, бывшіе въ дѣлѣ полки дотолѣ не видали боевыхъ сѣтъ и были составлены, по большей части, изъ молодыхъ солдатъ, но эти солдаты рвались въ бой и молодецки встрѣтили первый ударъ. Ихъ сломила — не робость ихъ, а несоразмѣрное превосходство непріятеля. За чтò жь винить войска? Поведите ихъ иначе, и они не понесли бы пораженія.

Дѣло подъ Сточкомъ мгновенно вознесло Дверницкаго на степень народнаго героя въ Польшѣ. Даже въ нашей арміи стали на него смотрѣть какъ на опаснаго для насъ противника.

Такъ въ военное время составляется извѣстность воина: одно удачное, счастливое дѣло покрываетъ его славой; молва упрочиваетъ за нимъ эпитетъ способнаго генерала, — эпитетъ, достигающій въ удѣлѣ немногимъ. Исторія съ признательностію вноситъ на свои несокрушимыя страницы знаменитое имя, и потомство съ уваженіемъ произноситъ его. Но не всегда побѣдный вѣнокъ украшаетъ чело вдохновенное: часто, по своенравію судьбы, онъ обвиваетъ самую обыкновенную голову.

Дѣло подъ Сточкомъ показало, что сопротивленіемъ мятежниковъ управлять опытная рука. При слабыхъ своихъ средствахъ, сравнительно съ средствами Россіи, они, въ борьбѣ съ этимъ исполиномъ, нашли еще возможность одержать успѣхъ, — хотя временный, безплодный, но все-таки успѣхъ.

Но вліяніе сточковскаго дѣла больше всего отразилось на нашихъ конно-егерскихъ полкахъ. Оно было началомъ неблаговоленія къ нимъ Государя. Конные егеря было любимое войско Императора Александра Павловича. Онъ самъ часто носилъ мундиръ гвардейскихъ конныхъ егерей. Полки конно-егерскіе были въ двадцатыхъ годахъ отличные; составъ офицеровъ — превосходный. Чтò не могло, по небогатому состоянію, слу-

жить въ гвардіи, служило въ конныхъ егеряхъ. Почти двойной комплектъ офицеровъ былъ въ каждомъ полку, и хотя въ однихъ чинахъ сидѣли по восьми и по девяти лѣтъ, но никто не думалъ оставлять полка. Доказательство, что служить было пріятно.

Невзгоды на конныхъ егерей начались съ 1828 года, т. е. съ Турецкой войны. Въ этой войнѣ, первая конно-егерская дивизія потеряла почти всѣхъ лошадей, не отъ битвъ, а отъ ложной системы сбереженія лошадей въ мирное время, — системы, господствовавшей тогда во всѣхъ конно-егерскихъ полкахъ. Лошади до того были изнѣжены и разслаблены недостаткомъ движенія, что не могли вынести трудовъ и лишеній Турецкой кампаніи. Дивизія, возвратясь изъ Турціи, едва ли имѣла по два полныхъ эскадрона въ полку.

Бѣды второй дивизіи начались подъ Сточкомъ. Здѣсь первая бригада понесла въ дѣлѣ большую потерю. Разстройство второй бригады, не бывшей подъ Сточкомъ, хотя и участвовавшей потомъ въ дѣлахъ противъ непріятеля, произошло отъ другихъ причинъ: у нея, во первыхъ, разбѣжались лошади во время расположенія на бивуакахъ. Ночью, когда все улеглось спать, лошади, чего-то испугавшись, вырвали слабыя веревочныя коновлазы и шарахнулись. На другой день много ихъ переловили; но много и пропало. Во вторыхъ, на отдѣльномъ отброшенномъ отъ арміи посту, былъ взятъ въ плѣнъ цѣлый дивизионъ второй бригады. Результатомъ всего этого было то, что къ концу войны дивизія едва могла насчитать по три комплектныхъ эскадрона въ каждомъ полку.

Всѣ эти обстоятельства, повидимому, были поводомъ къ расформированію конно-егерскихъ полковъ, которое вскорѣ послѣ Польской кампаніи и воспослѣдовало.

Между тѣмъ, появленіе наше за Вислой и въ Радомѣ сильно встревожило временное правительство мятежниковъ. Не зная, вначалѣ, численности перешедшихъ за Вислу войскъ, оно предписало всѣмъ начальствующимъ, формировавшимъ ополченія въ воеводствахъ, позаботиться о своемъ спасеніи. Но на слѣдующій день, узнавъ отъ жителей — своихъ надежнѣйшихъ шпионовъ — какими ничтожными силами мы привели въ страхъ треть царства и даже самую Варшаву, оно приняло мѣры истребить нашъ отрядъ до послѣдняго человѣка.

Не предчувствуя, какая грозная туча собиралась надъ головой нашего отряда, мы спокойно стояли въ Козеницѣ. Шестое

число прошло безъ особыхъ происшествій; наступило и седьмое. Все было спокойно, и о непріятелѣ ни малѣйшаго слуху.

Съ нетерпѣніемъ ждали мы извѣстій изъ главной квартиры, не получавшихся уже нѣсколько дней. Посланные отъ насъ офицеры съ донесеніями: первый — о вступленіи въ Царство, и второй — о переходѣ Вислы, еще не возвращались. Не знали даже, гдѣ и главная квартира. Полагали, что она скоро будетъ въ Варшавѣ.

Мы начали побаиваться за безопасность нашихъ сообщеній. Взятіе въ Грубешовѣ взвода и побѣда Дверницкаго подъ Сточкомъ пробуждали невольное безпокойство за непрочность сношеній. Жители, оставшіеся въ домахъ (многіе разбѣжались), долготѣ кроткіе и смиренныя, стали какъ-то смѣлѣе смотрѣть. Замѣтно было, что они ждутъ чего-то радостнаго для себя; но, выказывая самое полное работѣнство передъ нами, они хранили глубокое молчаніе. За Вислой, мы не встрѣчали уже въ народѣ той покорности, какую видѣли въ мѣстахъ, ближайшихъ къ предѣламъ Россіи. Или, быть можетъ, успѣхъ Дверницкаго отуманилъ надеждами духъ народный?

Утромъ 7 февраля, занимаясь въ штабѣ дѣлами, я узналъ отъ офицеровъ, приходившихъ ко мнѣ по разнымъ надобностямъ, что за Вислой, вдали, слышна сильная канонада изъ орудій.

По всѣмъ соображеніямъ, это сражалась наша главная армія (послѣ узнали, что это было дѣло подъ Вавромъ). Мы знали, что армія идетъ на Варшаву по шоссе, и эта канонада свидѣтельствуешь, что наступленіе продолжается, но непріятель далъ отпоръ.

Подстрекаемый любопытствомъ и увлеченъ свободною минутою, я, часа въ два пополудни, ушелъ въ поле. Погода стояла сухая: снѣга уже не было.

Отойдя съ версту отъ мѣстечка, я сталъ прислушиваться: нигдѣ никакого гула; кругомъ мертвая тишина. Я прилежъ къ землѣ, приложивъ ухо—тоже ничего не слышно. Досадно! Уже я хотѣлъ идти назадъ, какъ вдругъ, очень лѣвственно, раздался выстрѣлъ изъ орудія. Эхо съ шумомъ понесло звукъ выстрѣла по окрестнымъ лѣсамъ и повторило его нѣсколько разъ. Вскорѣ другой выстрѣлъ, третій, и началась канонада.

— Что за причина? подумалъ я. Это вовсе не такъ далеко и не такъ глухо, какъ говорили мнѣ.

Я даже видѣлъ за ближнимъ лѣсомъ дымъ выстрѣловъ, который исполненскими кольцами поднимался къ небу, крутился въ воздухѣ и потомъ разстилался скатертью надъ синевой лѣсовъ.

По совершенной своей неопытности въ военномъ дѣлѣ, я не могъ толкомъ сообразить причины выстрѣловъ, и потому, стоя спокойно, съ жадностію и наслажденіемъ, какъ новичекъ, слушалъ перебаты по окрестностямъ первыхъ *боевыхъ* выстрѣловъ, которые дотолѣ слышалъ только, и то рѣдко, на практической артиллерійской стрѣльбѣ.

Вдвугъ вижу, въ сторонѣ, болѣе, чѣмъ за версту, несутся, по дорогѣ къ мѣстечку, во весь опоръ отъ того мѣста, гдѣ шла канонада, два всадника на сѣрыхъ лошадяхъ. Зрѣніе у меня было хорошее: я рассмотрѣлъ, что это офицеръ и солдатъ того полка, который стоялъ въ авангардѣ, верстахъ въ четырехъ отъ мѣстечка, именно тамъ, гдѣ были выстрѣлы.

Теперь я понялъ, въ чемъ дѣло: авангардъ нашъ атакованъ! Но откуда такъ внезапно явился непріятель? О немъ и слуху не было.

Я поспѣшилъ назадъ къ мѣстечку. Тамъ всюду страшная суета: трубачи мчатся по мѣстечку, труби во всю мочь тревогу. Люди бѣгаютъ: кто хватается оружіе, кто лошадь; иной ничего не хватается, а, растерявшись, бросается, какъ угорѣлый, то туда, то сюда. Лошади, вырвавшись, скачутъ по улицамъ, инная съ сѣдломъ подъ брюхомъ, инная вовсе безъ сѣдла. Все кипитъ, все въ суматохѣ! Я бросился къ себѣ на конюшню: проворный казакъ осѣдлалъ уже и мою и свою лошадь. Копались только люди съ вьюками. Забѣжали въ штабъ: бумаги уже были прибраны; писаря сѣдлали своихъ лошадей (писаря были въ ту войну верхами); фуришаты впрягли лошадей въ повозки. Черезъ десять минутъ я вышелъ уже на площадь со всей своей командой и со вьюками.

Между тѣмъ, на площадь мѣстечка со всѣхъ сторонъ неслись войска: кавалерія, артиллерія, казаки; инные въ порядкѣ, цѣлыми частями, другіе кучками и поодиначкѣ, кто какъ могъ и какъ успѣлъ. Шумъ, бѣготня, грохотъ оружія! Больше всѣхъ шумѣли деньщики, таща на длинномъ поводѣ своихъ неповодливыхъ, навьюченныхъ лошадей; а лошади, какъ бы въ насмѣшку надъ своими гонителями, шли себѣ не сгибая, пога за погу.

Выѣхалъ корпусный командиръ, нѣсколько смущенный отъ неожиданной атаки. Онъ немедленно сталъ распорядиться: че-

тыре эскадрона, съ двумя орудіями, послалъ въ подкрѣпленіе авангарду, который состоялъ изъ одного полка, четырехъ орудій и сотни казаковъ; обозы и выюки, къ невыразимой радости денщиковъ, отправилъ назадъ, въ общій вагенбургъ, стоявшій верстахъ въ восьми назадъ; для прикрытія вагенбурга командировалъ два эскадрона.

Такимъ образомъ, въ нашихъ *главныхъ силахъ* осталось всего на все шесть драгунскихъ эскадроновъ, съ четырнадцатью орудіями, и полкъ казаковъ.

Съ этими ничтожными силами (около 1,500 человекъ) мы вышли за мѣстечко и стали на позицію, съ твердымъ намѣреніемъ принять бой.

Мы развернулись въ одну линію; двѣнадцать батарейныхъ орудій стало на позицію. Прислуга стояла у орудій, съ зажженными пальниками, готовая къ бою, ожидая только роковой команды: *первое!* Два орудія, подъ прикрытіемъ казаковъ, были въ резервѣ.

Мы еще вовсе не знали, въ какихъ силахъ былъ непріятель, какія именно войска насъ атакуютъ и откуда они такъ неожиданно явились. Нѣкоторые, попроницательнѣе, утверждали, что это Дверницкій. Другіе доказывали, что Дверницкій, вѣроятно, преслѣдуетъ разбитаго Гейсмара.

Изъ авангарда другаго донесенія еще не было. Первое, уже извѣстное, вслѣдствіе котораго мы вышли по тревогѣ на позицію, было только о томъ, что авангардъ атакованъ; но въ какихъ силахъ былъ непріятель, не зналъ ни офицеръ, прискакавшій изъ авангарда.

Канонада въ авангардѣ продолжалась, но неровно: раздастся вдругъ нѣсколько выстрѣловъ и потомъ продолжительное молчаніе...

Положеніе нашего отряда, отброшеннаго отъ арміи, обремененнаго большимъ обозомъ, было крайне затруднительно. Мы везли съ собой двухнедѣльный запасъ продовольствія и разные госпитальныя принадлежности, потому что ни магазиновъ, ни госпиталей въ нашемъ тылу учреждено не было. Обозъ состоялъ не менѣе, какъ изъ трехсотъ повозокъ. Отдѣленные отъ главныхъ своихъ силъ Вислой, переправа черезъ которую, по непрочности льда, становилась съ каждымъ днемъ опаснѣе, мы могли быть окончательно уничтожены даже не очень значительной массой, потому что сила нашего отряда, перешедшаго че-

резъ Вислу, не превосходила трехъ тысячъ двухсотъ или трехсотъ человекъ, съ двадцатью орудіями. Мы могли потерять и артиллерію свою и весь обозъ.

Главная армія, на пути слѣдованія къ Варшавѣ, была задерживаема сопротивленіемъ Поляковъ, и оттого ходъ ея былъ медленъ. Отрядъ же нашъ, не встрѣчая преградъ, шелъ безостановочно и, такимъ образомъ, очутился за Вислой въ то время, когда армія была еще подъ Калушинымъ, и каждый шагъ свой брала съ бою.

Теперь намъ предлежалъ расчетъ за свое чересчуръ отважное движеніе. Какъ-то разочтемся!

Едва мы устроились на позиціи возлѣ Козеницы, какъ солнце стало садиться. Канонада въ авангардѣ совершенно прекратилась. По дорогѣ показались раненые и плѣнные.

Отъ плѣнныхъ узнали, что мы атакованы Дверницкимъ и Серавскимъ; что силы ихъ простираются до 10,000, при 16 орудіяхъ, въ числѣ которыхъ были и отбитыя подъ Сточкомъ; что у Дверницкаго отрядъ составленъ изъ резервныхъ баталіоновъ и эскадроновъ (лучшія войска въ польской арміи), а у Серавскаго — рухавка и кракусы.

Итакъ, вотъ гроза, которая въ тишинѣ собиралась надъ нами. Корпусный командиръ послалъ въ авангардъ адъютанта узнать, что тамъ дѣлается, и съ тѣмъ вмѣстѣ передать авангарду приказаніе отступить къ главнымъ силамъ отряда.

Каждую минуту мы ждали нападенія. Впереди нашей позиціи былъ большой лѣсъ, скрывавшій отъ насъ дѣйствія и непріятеля и нашего авангарда. По дорогѣ, между тѣмъ, непрерывно тинулись раненые. Плѣнныхъ было мало. Наши раненые говорили, что авангардъ держится, но что ему очень трудно, что непріятельская сила велика.

Съ трепетнымъ, грустнымъ любопытствомъ разсматривалъ я раненыхъ. Раны, болѣею частію, были у нашихъ отъ пикъ, а у Поляковъ отъ сабель; нѣкоторыя изъ сабельныхъ ранъ были ужасны. Онѣ свидѣтельствовали, что наши солдаты дрались съ островежніемъ, и могучіе удары ихъ напоминали баснословную мощь древнихъ сказочныхъ богатырей. Тяжело раненыхъ несли на носилкахъ, а прочіе шли пѣшкомъ. Вскорѣ изъ-за лѣса показался нашъ авангардъ; онъ шелъ спокойно, никѣмъ не преслѣдуемый....

«Что за диво?» думали мы: «что жъ это значитъ?»

Начальникъ авангарда отделился отъ колоннъ своего отряда и, подѣхавъ къ корпусному командиру, передалъ ему подробности дѣла. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, эти подробности:

До двухъ часовъ полудня авангардъ стоялъ спокойно. О непріятелѣ — никакого извѣстія. Не было ни проѣзжаго, ни прохожаго, чтобъ разспросить о чемъ нибудь: окрестность какъ будто вымерла. Часа въ два за полдень прискакалъ съ аванпостовъ урядникъ съ донесеніемъ, что по дорогѣ отъ Варшавы показались колонны войскъ.

Около трехъ часовъ началась первая атака. Ее повелъ полкъ кракусовъ вило, нерѣшительно. Съ первыхъ же выстрѣловъ нашей артиллеріи полкъ оробѣлъ и остановился. Вслѣдъ за нимъ посланъ былъ второй полкъ кракусовъ же. Этотъ пошелъ смѣлѣе. Батарея наша изъ четырехъ орудій, подпустила его на близкую дистанцію, открыла огонь картечью.... Кракусы заволновались, смѣшались, повернули назадъ и побѣжали. Все поле покрылось трупами убитыхъ людей и лошадей. Едва очистилось мѣсто, какъ снова атаковалъ первый полкъ кракусовъ. Теперь онъ шелъ уже смѣлѣе. Но его постигла та же участь, какъ и второй полкъ: картечь на близкой дистанціи также смѣшала его, сбила и обратила въ бѣгство. Оба кракусскіе полка сильно потерпѣли.

Между тѣмъ, за бѣжавшими кракусами выстрѣлились подошедшіе свѣжіе эскадроны уланъ. Кракусы устроились. Масса непріятелей росла съ каждой минутой. Уже показалась пѣхота, выдвинулась на позицію артиллеріи. Пѣхота начала строиться въ дивизіонныя колонны, а артиллерія открыла огонь изъ двѣнадцати орудій. Наша артиллерія отличалась выстрѣлами съ батареи. Прислуга управлялась, какъ на маневрахъ, спокойно, хладнокровно. На батареѣ нашей распоряжался самъ ротный командиръ, подполковникъ Бутовичъ, храбрый офицеръ и отличный артиллеристъ. Непріятель, видя, что перевѣсъ въ численности артиллеріи не приноситъ ему пользы, рѣшился взять нашу батарею кавалерійскою атакой. Въ атаку пошли уланы.

Польскіе уланы, какъ и венгерскіе гусары, издавна славятся своею смѣлостію въ бою. У Наполеона они всегда были въ авангардѣ и отличались молодечествомъ. И теперь, какъ въ былыя времена, они шли рысью, стройно, твердо. Начальники и офицеры на своихъ мѣстахъ, какъ на ученьѣ. Нельзя было не любо-

ваться этой атакой. Картечь паша вырывала цѣлые ряды атакующихъ; но уланы, смыкаясь, шли смѣло впередъ. Не доходя саженъ пятидесяти, полковой командиръ, ѣхавшій впереди полка, командовалъ звонкимъ, мягкимъ голосомъ, въ карьеръ. Едва онъ произнесъ команду, картечь сняла его съ лошади: онъ палъ на мѣстѣ; но стремленіе, данное предсмертнымъ его словомъ, возымѣло свое начало: уланы понеслись «маршъ-маршъ» и съ крикомъ «ура!» отчаянно бросились на прикрытіе и на батарею, которою сразу и овладѣли....

Драгуны, двинувшись сами впередъ, встрѣтили уланъ въ упоръ. Тогда произошла схватка, которую трудно изобразить. Все смѣшалось въ нестройную толпу: билась ожесточенно не только оружіемъ, но эфесами, банниками, даже кулаками. Число польскихъ уланъ удвоилось, потому что и другой полкъ ихъ подоспѣлъ и старался обскákatъ нашихъ съ тыла. Непріятель лѣвъ бѣшено; батарея была въ его рукахъ; у насъ оставалось въ резервѣ всего только два эскадрона. Эти два эскадрона, остатки нашихъ силъ, видя, что враги одолеваютъ, отважно ринулись въ сѣчу и вырвали два орудія, которыя непріятель уже увозилъ съ собой. Другихъ двухъ орудій не было средствъ спасти. Они достались непріятелю; съ ними взять въ плѣнъ и полковникъ Бутовичъ, едва живой отъ множества нанесенныхъ ему ранъ.

Въ продолженіе этого побоища, непріятель остальными своими силами охватилъ наши фланги и заходилъ въ тылъ; пѣхотой онъ занялъ лѣсъ, которымъ легко было отрѣзать намъ отступление, потому что онъ протягивался по флангу нашей позиціи до единственной дороги, остававшейся свободною для отступления. Въ это время подошло къ нашимъ подкрѣпленіе, посланное, какъ мы видѣли выше, изъ Козеницы, и тотчасъ же вступило въ дѣло; бывшія при немъ два орудія открыли живой огонь. Но подкрѣпленіе это только поддержало немного общее противъ насъ движеніе, а остановить его не могло.

Положеніе авангарда съ каждой минутой становилось опаснѣе; черезъ четверть часа онъ долженъ былъ быть окруженъ и запертъ какъ въ ящикъ. Отступать, въ виду торжествующаго, многочисленнаго непріятеля, слабому отряду, при двухъ только пушкахъ (двѣ отнятыя обратно у непріятеля не могли дѣйствовать, потому что остались безъ прислуги), отступать въ такой неблагоприятный моментъ весьма затруднительно. Пораженіе

казалось неизбежнымъ. Но вдругъ, къ величайшему нашему изумленію, непріятель, среди полнаго своего торжества, началъ отступать. Всѣ массы его, пѣхота, кавалерія,—все поспѣшно двинулось назадъ и безостановочно, вытянувшись въ походную колонну, потянулось по дорогѣ къ Варшавѣ.

Явленіе это до того было странно и необъяснимо, что начальникъ авангарда не вѣрилъ глазамъ своимъ. Сначала онъ подумалъ, не скрывается ли въ этомъ движеніи какой нибудь хитрости, но скоро убѣдился, что это самое безхитростное отступление.

Въ это время пріѣхалъ адъютантъ корпуснаго командира, съ приказаніемъ отойти авангарду къ главнымъ силамъ, и авангардъ отступилъ.

Когда авангардный начальникъ кончилъ свой рассказъ, рѣшено было сдѣлать рекогносцировку, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ отступленіи непріятеля.

Начальникъ штаба взялъ сотню казаковъ, нѣсколькихъ ординарцевъ, офицера генеральнаго штаба и меня. Мы тотчасъ же отправились на большихъ рысяхъ.

По нашему пути мѣстами попадались брошенные трупы солдатъ и нашихъ и польскихъ. Это были тяжело раненные, умершіе на носилкахъ.

Мы проѣхали лѣсъ; намъ стали попадаться разбросанныя по полю и по дорогѣ ружья, сабли, икин, подсумки, кивера. Мы приближались къ мѣсту боя.

И вотъ оно открылось во всей своей ужасающей красотѣ: убитые люди, лошади лежали здѣсь и тамъ и группами и поодиночкѣ. Между убитыхъ бродили полуживыя раненыя лошади; иная тащила за собой раздробленную ядромъ ногу, у другой была оторвана морда. Раскиданное въ разныхъ мѣстахъ оружіе сверкало отъ луннаго свѣта, который озарилъ землю, потому что наступилъ уже вечеръ и луна была въ полномъ сіяніи. Среди поля возвышалось два подбитыхъ зарядныхъ ящика, печально склонившихся на бокъ.

Мы всѣ невольно были остановлены этимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ и безмолвно смотрѣли на угрюмое поле смерти.

Картина побоища была такъ страшно восхитительна, такъ нова для меня, что я минутъ десять жадно любовался ею, забывъ все на свѣтѣ. Въ особенности при лунномъ мерцаніи, картина эта представлялась еще болѣе мрачною и потрясающею.

Я видѣлъ потомъ большія поля битвъ, видѣлъ тысячи убитыхъ и раненыхъ, но не скажу, чтобъ эти картины значительныхъ размѣровъ поражали сильнѣе мое воображеніе, чѣмъ это маленькое поле,—вѣроятно, потому, что я впервые въ жизни видѣлъ подобное позорище смерти.

Мѣсто созерцаемаго мною боя охватывало пространство болѣе квадратной полуверсты. Оно усыяно было убитыми, раскиданными въ самыхъ фантастическихъ группахъ. Значительнѣйшая часть убитыхъ обозначалась черными точками. Это были Поляки въ своихъ темно-синихъ мундирахъ. Довольно было и сѣроватыхъ точекъ: это—наши, въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ.

Верстахъ въ двухъ за мѣстомъ битвы, мы увидѣли вдали, за перелѣсками, бивуачные непріятельскіе огни. Остановились и стали прислушиваться. Смѣшанный гулъ лагерный доносился къ намъ довольно явственно. Проѣхавъ еще съ версту, мы увидѣли весь непріятельскій бивуакъ, бывший верстахъ въ двухъ отъ насъ. Дальше ѣхать уже не слѣдовало: иначе, мы бы наткнулись на непріятельскіе ведеты. Впрочемъ, расположеніе вражескаго стана можно было и отсюда хорошо рассмотреть.

Начальникъ штаба взялъ зрительную трубу, слѣзъ съ лошади и долго смотрѣлъ на огни лагерные, по которымъ, даже и ночью, можно хорошо видѣть, что дѣлается въ лагерѣ.

— Они расположились на ночлегъ, сказалъ начальникъ штаба, какъ бы разсуждая самъ съ собой:—и я убѣжденъ, что они ничего не предпримутъ въ продолженіе ночи и, вѣроятно, завтра же уйдутъ къ Варшавѣ, гдѣ они нужнѣе, чѣмъ здѣсь; иначе, имъ не было ни малѣйшей нужды отступать. Нашъ же отрядъ для нихъ ни въ какомъ случаѣ не страшенъ; они начали отступление безъ всякихъ предосторожностей, въ полной увѣренности, что мы не осмѣлимся ихъ преслѣдовать. Такъ мнѣ кажется; но увидимъ, что будетъ завтра.

Окончивъ обозрѣніе, мы отправились назадъ шагомъ, толкуя между собой о происшествіяхъ того дня, такъ неожиданно достигшихъ насъ.

Часовъ около десяти возвратились мы къ отряду. Войска оставались еще на позиціи, и корпусный командиръ былъ при нихъ. Послѣ короткаго совѣщанія, распорядились такимъ образомъ:

На позиціи оставили арріергардъ и приказали: лошадей не размундштучивать, людямъ не раздѣваться и огней не раскла-

дывать. Корпусный командиръ опасался ночнаго нападенія и отступленіе непріятеля считалъ только военной хитростью. Начальникъ штаба былъ противнаго мнѣнія; но его мнѣніе имѣло только значеніе совѣщательное, а приводилось въ исполненіе приказаніе старшаго. Казачій полкъ отправили впередъ и приказали ему не спускать непріятеля съ глазъ. По всѣмъ направленіямъ послали разъѣзды. Остальныя войска отошли за мѣстечко и стали на позицію, не разводя также огней; людямъ дозволено раздѣться, размушштучить и покормить лошадей, но быть готовыми къ бою.

Штабъ отправился также за мѣстечко и расположился въ крайнихъ избышкахъ, обитатели которыхъ разбѣжались по лѣсамъ, какъ только прослышали, что Русскіе перешли Вислу. Съ этихъ брошенныхъ избышекъ солдаты поснимали крыши и повыломали въ нихъ двери на топливо и подстилку, пока простояли трое сутокъ около мѣстечка.

Едва мы расположились, какъ я долженъ былъ приняться за писаніе разныхъ распоряженій на слѣдующій день; мы также всю ночь были насторожѣ и, какъ сказочные герои, спали однимъ только глазомъ.

Ночь прошла благополучно. Рано утромъ дали знать съ казачьихъ аванпостовъ, что непріятель еще до свѣта снялся съ лагера и направился къ Варшавѣ.

Теперь положительно утвердился на той мысли, что Варшава или взята, или обложена нашими войсками и Поляки рѣшились дать послѣдній, отчаянный отпоръ, для чего и потребовали Дверницкаго.

Но это было только предположеніе, а для дѣйствій нужны факты, а фактовъ не было, потому что изъ главной арміи уже около пяти дней никакихъ извѣстій не получалось.

Осторожный командиръ нашъ рѣшился не трогаться съ мѣста и оставаться въ выжидательномъ положеніи до полученія какихъ нибудь указаній.

На другой день возвратился изъ главной квартиры нашъ офицеръ, посланный съ донесеніемъ о переходѣ Вислы. Офицеръ объявилъ, что главная армія сосредоточена у Вавра и готовится къ генеральному сраженію.

Мечта о взятіи Варшавы, такъ утѣшавшая наше воображеніе, исчезла.

Теперь, естественно, возникъ вопросъ: почему и для чего отступилъ Дверницкій, упустивъ случай одержать блистательнѣйшую надъ нами побѣду? Вѣроятно, ему приказали спѣшить сколько можно къ генеральному сраженію, которое готовится подъ Варшавой?

Но на слѣдующій день разрѣшилось все недоумѣніе и открылась причина непостижимаго для насъ отступленія Дверницкаго. Ловкіе шпіоны—Жидки узнали всю подноготную.

Вотъ чтò случилось: во время дѣла при Нововѣси (возлѣ этой деревни былъ атакованъ 7 февраля нашъ авангардъ), Дверницкому дали знать, что въ мѣстечкѣ Карчевѣ, верстахъ въ сотрокѣ у него въ тылу, Русскіе перешли Вислу въ *большихъ* силахъ.

Дверницкій, какъ частный отрядный начальникъ, не могъ знать обстоятельно движеній нашихъ войскъ. Поэтому, предположивъ, что переправившіяся въ Карчевѣ войска отправлены въ обходъ на Варшаву и, по всей вѣроятности, должны заключать въ себѣ значительную массу, онъ основательно былъ встревоженъ подобнымъ извѣстіемъ. Онъ тотчасъ сообразилъ, что движеніе это отрѣзываетъ его отъ главныхъ силъ арміи и становится въ промежутокъ нашихъ войскъ, поэтому и послѣшилъ отступленіемъ. Удовольствовавшись пріобрѣтенными уже трофеями, онъ, какъ мы видѣли, поспѣшно остановилъ свои атаки, готовыя нанести окончательный ударъ сначала авангарду, а потомъ всему нашему отряду, прервалъ дѣло въ самомъ разгарѣ, стянулъ войска и отступилъ быстро къ Варшавѣ.

Переправившіеся въ Карчевѣ въ *большихъ* силахъ Русскіе, была — сотня казаковъ, явившаяся за Вислу пофуржировать. Это безотчетное удалство казаковъ спасло отрядъ нашъ отъ конечнаго истребленія.

Открытіе дѣйствительной причины отступленія Дверницкаго не обрадовало насъ. Теперь не сомнѣвались, что, узнавъ о своей опрометчивой ошибкѣ, Дверницкій постарается исправить ее тѣмъ, что безъ малѣйшаго промедленія ударить снова на насъ.

Мы, однакожь, продолжали стоять не трогаясь съ мѣста и ничего не предпринимая. Намъ, конечно, благоразуміе всего было отступить за Вислу; но отступать безъ видимой и крайней причины казалось неловкимъ. О движеніяхъ же Дверницкаго никакихъ свѣдѣній не было. Онъ такъ далеко отступилъ, что

казаки не могли слѣдить за нимъ. Имъ нельзя было удалиться отъ отряда на большое пространство.

Между тѣмъ, Дверницкій, на другой же день своего отступленія, узнавъ, какъ легкомысленно онъ поддался заблужденію, и тотчасъ же снова оборотился на насъ. Свѣдавъ отъ переметчика, что мы все еще стоимъ у Козеницы, онъ предпринялъ обойти насъ съ тыла, стать на нашихъ сообщеніяхъ и, приперевъ къ Вислѣ, забрать руками весь нашъ отрядъ.

Переметчикомъ былъ унтеръ-офицеръ 1 польскаго уланскаго полка, взятый нами въ плѣнъ въ дѣлѣ при Нововѣси. Онъ былъ дворянинъ, умный и бойкій молодой человѣкъ, говорилъ недурно по русски. Когда, послѣ дѣла, его, въ числѣ прочихъ плѣнныхъ, привели въ корпусный штабъ, онъ попросилъ позволенія видѣть корпуснаго командира. Генералъ принялъ его. Плѣнный объявилъ, что въ мятежническихъ войскахъ онъ служилъ по принужденію, что онъ всегда былъ истинно преданъ и вѣренъ законному правительству и что, въ доказательство того, онъ и теперь проситъ принять отъ него вѣроподданническую присягу и дозволить стать въ ряды русскихъ войскъ, хотя бы солдатомъ.

Это выраженіе преданности было для всѣхъ насъ весьма пріятно. Его обласкали, привели къ присягѣ и дали ему полную свободу. О поступкѣ его представили главнокомандующему съ величайшей похвалой. До полученія же разрѣшенія, молодаго человѣка оставили при штабѣ и даже поручили ему переписку на польскомъ языкѣ, которая съ каждымъ днемъ тогда умножалась въ штабѣ и для которой именно недоставало свѣдущаго человѣка. Нашъ же юноша прекрасно зналъ языкъ и отлично каллиграфировалъ.

Первые два дня онъ неусыпно трудился въ штабѣ, на третій день исчезъ. Сначала не обратили на это вниманія: такъ всѣ вѣрили въ благородство повоображеннаго. Но когда онъ не явился до полудня, начали беспокоиться и подозрѣвать, не ушелъ ли онъ къ непріятелю, который, какъ стало казаться это несомнѣннымъ, вѣроятно, очень близко и можетъ такъ же внезапно атаковать насъ, какъ и три дня тому назадъ. Усилили предосторожности, подтвердили войскамъ быть въ готовности. Всѣ оставались въ тревожномъ ожиданіи.

Передъ вечеромъ, шпіоны дали знать о намѣреніи Дверницкаго обойти насъ. Дверницкій былъ только въ десяти верстахъ

и уже приводилъ въ исполненіе свой планъ. Въ слѣдующую ночь или рано утромъ онъ, навѣрное, атаковалъ бы нашъ отрядъ.

Не теряя ни минуты, мы по тревогѣ снялись съ позиціи и направились ближайшимъ путемъ, по глухимъ, едва проходнымъ дорогамъ, къ Вислѣ.

Въ ту же ночь мы начали переправляться за рѣку, по льду.

IV.

Съ утра того дня, въ который мы двинулись къ Вислѣ, пошелъ мелкій, частый дождь, цѣлый день безпрерывно и ровно точившійся, какъ бы пропускаемый сквозь сито. Земля разбухла и превратилась въ сплошную трясицу. Мы шли къ переправѣ по океану грязи. Отъ спораго дожда ледъ на Вислѣ разрыхлялъ до того, что мы съ великими усиліями и опасностію переправляли свою артиллерию и обозы.

Какъ ни спѣшили, но переправу едва могли окончить въ полтора сутокъ, переходя и день и ночь. Орудія и повозки везли на рукахъ по настланнымъ доскамъ и соломѣ, для чего разобрали избушку, найденную въ лѣсу недалеко отъ мѣста переправы. Избушка эта, въ благословенные дни мира, служила, вѣроятно, убѣжищемъ лѣсовщикамъ и рыбакамъ; она была построена чистенько изъ досокъ, обмазанныхъ глиной, и предназначалась преимущественно для лѣтняго жилья.

На Вислѣ были уже большія подлиныя окранны; черезъ нихъ устроили гатки. Лошадей переводили поодиначкѣ въ поводу. Медленность въ переправѣ была неизбежна; остановки встрѣчались на каждомъ шагу; тяжелыя, казенныя фуры, биткомъ набитыя, грузли, а иногда проваливались сквозь ледъ. Требовалось продолжительное время для ихъ вытаскиванія.

Между тѣмъ, во время переправы, мы каждую минуту ждали нападенія съ тыла; но, по какому-то чуду, этого не случилось. Полагать надобно, что непріятель, потерявъ нашъ слѣдъ, не могъ скоро попасть на пунктъ нашей переправы, которую мы выбрали въ глухомъ безлюдномъ мѣстѣ, окруженномъ лѣсами. Впрочемъ, и то нужно сказать, что по разступившейся тогда грязной хляби и не было ни малѣйшей возможности двигаться не только быстро, даже какъ нибудь. Только крайность и могла принудить къ движенію, изнурявшему людей и убивавшему лошадей.

Переправа наконецъ совершилась съ полнымъ успѣхомъ: ни одного колеса, ни одного гвоздя не утрачено. Перейдя Вислу, мы вздохнули свободнѣе.

Предполагалось на другой день дать войскамъ отдыхъ, а потомъ размѣстить попросторнѣе, даже по квартирамъ, въ томъ мѣстѣ, что Висла, по непрочности льда, составляла, до времени своего вскрытія, неодолимую преграду непріятелю для нападенія на насъ. Казалось очевиднымъ, что Дверницкій не рѣшится на переправу вслѣдъ за нами, по основательному опасенію, что она съ каждымъ днемъ представляетъ больше затрудненій и опасности.

Въ дѣлѣ при Ноповѣси взятъ былъ въ плѣнъ раненый адъютантъ Дверницкаго, молодой человекъ, красивой наружности. Когда мы стояли въ Козеницѣ, онъ лежалъ больно, страждущій, въ крестьянской избѣ, на крестьянской постели. Голова его была въ бинтахъ, сквозь которые мѣстами просачивалась кровь. У него было семь сабельныхъ ранъ на головѣ. Нѣсколько насъ, товарищей, ходили навѣстить его. Онъ тяжело стоналъ, но былъ въ памяти. На предлагаемыя пособія онъ благодарилъ насъ по французски, слабымъ и едва слышнымъ голосомъ.

При отступленіи изъ Козеницы, мы взяли съ собой и раненаго адъютанта; но онъ не выдержалъ трудностей похода: по переходѣ Вислы, онъ умеръ.

Послѣ переправы, мы прошли черезъ м. Маціовицы, гдѣ, въ 1791 году, взятъ въ плѣнъ Русскими даровитый предводитель польскихъ конфедератовъ Костюшко. Мы прошли чрезъ самое поле, гдѣ было сраженіе.

Хотя мы и были увѣрены въ безопасности своей отъ нападенія на правомъ берегу Вислы, однакожь, на всякій случай, оставили на ней, въ качествѣ арріергарда, драгунскій полкъ, съ двумя орудіями и сотнею казаковъ. Остальные войска расположились бивуаками возлѣ небольшой деревеньки, верстахъ въ двухъ отъ Вислы. Среди клейкой, полуаршинной грязи стали устроить бивуакъ. Дождь пересталъ сочиться только съ утра настоящаго дня, а до того утра, въ продолженіе двухъ сутокъ, неутомимо орошалъ насъ *благодѣльной* влагой.

Уже смеркалось. Лошадей размундштучили, дали овса изъ саквъ. Солдаты отправились въ деревню разбирать избы и заборы на шалаши и на дрова. Я приказалъ построить шалаши и для себя.

Охотнѣ бы я помѣстился въ какой нибудь избежкѣ той деревни, возлѣ которой мы остановились; но это было невозможно, потому что въ деревнѣ уцѣлѣло только около десятка домовъ, занятыхъ генералами и почетными лицами штаба. Остальные дома были разобраны до основанія. Сохранились въ цѣлости только печи, съ своими высокими трубами, жалобно возносившимъ къ сѣрымъ облакамъ осиротѣлое чело.

Въ деревенькѣ, о которой идетъ рѣчь, жителей не было ни души: все разбѣжалось по лѣсамъ или въ мѣста отдаленныя отъ войны. Единственнымъ представителемъ ея населенія былъ какой-то смѣльчакъ, Жидъ, шинкарь деревенскій.

Для шалаша моего бросили на *зыбкое лоно* грязи огромный ворота, служившія многіе годы защитой отъ дождей и снѣговъ какому-то сараю, вѣроятно бы, еще на долго сохранившему свое смиренное бытіе, еслибъ не постигла его разрушительная гроза военная. Эти ворота послужили основаніемъ для сооруженія, изъ жердей и соломы, довольно уютнаго шалаша, съ настилкою, хотя и не очень сухою, но, по крайней мѣрѣ, не тонувшею въ пучинѣ грязи.

Вьюкъ былъ при мнѣ, и я съ наслажденіемъ мечталъ о томъ, что напьюсь чаю, съ сухимъ пшеничнымъ хлѣбомъ, приобретеннымъ еще въ Козеницѣ.

Дровъ нанесли множество. Собственноручно я развелъ порядочный костеръ огня и велѣлъ согрѣть чайникъ.

Наступила ночь. Къ моему костру прибрело нѣсколько близкихъ моихъ товарищей. Усѣвшись по турецки, т. е. поджавъ подъ себя ноги, въ кружокъ, на соломенномъ *padé*, мы жадно любовались, какъ возбuditельно кипѣлъ и пѣнился нашъ чайникъ, вблизи котораго слуга мой раскладывалъ, на кожаной вьючной покрывкѣ, сахаръ и чай, въ бумажныхъ оберткахъ, и вытиралъ представителя всего моего сервиза — единственный серебряный стаканъ. Стаканъ этотъ исполнялъ многостороннія обязанности: онъ служилъ, кромѣ прямаго своего назначенія, и чайной чашкой, и рюмкой, и бокаломъ, а иногда разливной ложкой и подъ-часъ тарелкой. На походномъ вьюкѣ помѣщается только самое необходимое; о перевозкѣ лишней вещи и подумать было нельзя. Поэтому, если на бивуакахъ собирались у кого нибудь изъ товарищей пить чай, то каждый являлся съ своимъ стаканомъ.

Несмотря, однакожь, на всѣ эти неудобства и недостатки,

мы, молодые офицеры, не притязательные къ прелестямъ жизни, были равнодушны ко всѣмъ прихотямъ случая. Иной мирный сподвижникъ благоустройства и порядка смотрѣлъ бы на такіа лишенія какъ на кару небесную, а мы, не вкусившіе благъ спокойной, правильной жизни, были довольны настоящимъ и, толкая между собой о суетѣ міра и о превратностяхъ войны, считали себя счастливейшими изъ смертныхъ.

Шинель моя была въ грязи отъ нижняго края полъ до воротника; ноги мокрыя и окоченѣлыя отъ плетокъ до колѣнъ. Пока я былъ въ движеніи, холодъ дѣйствовалъ на меня слабо; но, когда стали на мѣсто, я ужасно продрогъ. Бивуачный огонь и чай согрѣли и просушили меня. У моего расторопнаго казака, къ живѣйшему нашему удовольствію, оказался жареный гусь, котораго онъ стигнулъ гдѣ-то, по праву войны и реквизиціи. Этого благодѣтельнаго гуся мы убрали съ такимъ наслажденіемъ и вкусомъ, за которые иной гастрономъ отдастъ бы годъ жизни. Подобное наслажденіе доступно только при бивуачномъ огнѣ, послѣ двухдневнаго поста.

Теперь, когда благотворная теплота проникла въ мои члены, я, одолеваемый непобѣдимымъ сномъ, кинулся въ шалашъ, на сырую солому, и заснулъ какъ убитый.

Черезъ часъ меня разбудили; но мнѣ стоило великаго усилія очнуться и встать. Нужно было отдавать приказаніе. Къ счастью, оно было уже приготовлено заблаговременно и одобрено; оставалось только продиктовать: въ настоящую минуту я не сумѣлъ бы связать двухъ словъ.

Я перешелъ въ большую клуню (родъ хлѣбной рѣжки), бывшую въ концѣ деревушки. Тамъ помѣщалось дежурство, съ писарями, фуражатами и прочимъ нестроевымъ штатомъ. На серединѣ клуни устроенъ былъ изъ досокъ предлинный столъ *на курыхъ ножкахъ*; поставленные подъ него чурбаны, брусья, камни и все удободвижное и удобопереносимое давало столу видъ неровной плоскости, какъ будто изволнованной какой нибудь вулканической подземной силой. Впрочемъ, у стѣнки красовался и настоящій столикъ, общепринятой формы и даже со всѣми *четырьмя* ножками, хотя одна изъ нихъ была на четверть короче остальныхъ своихъ подругъ. Столикъ этотъ, необыкновенно счастливо уцѣлѣвшій отъ бивуачнаго крушенія, предназначался для начальствующихъ. Клуня освѣщалась салными свѣчами, воткнутыми и въ расщелину деревяннаго бруска, и въ

бутылочное горло, и во все, гдѣ только обрѣталась шель или пустота, могла удержатъ свѣчу въ вертикальномъ положеніи. На почетномъ столникѣ стояли, однакожь, двѣ свѣчи въ *подсвѣчникахъ*, тщательно сберегаемыхъ отъ походнаго разрушенія въ казенномъ письменномъ ящикѣ штаба. Около большого стола, имѣвшаго высоту въ три четверти аршина, трудились офицеры и писаря, иные сидя на землѣ, протянувъ ноги, другіе стоя на коленяхъ.

Въ клунѣ я нашелъ офицеровъ отъ всѣхъ частей нашего отряда, прибывшихъ за приказаніемъ. Тотчасъ же я предложилъ каждому изъ нихъ занять возможно удобное положеніе для писанія, самъ же я возсѣлъ за почетный столникъ, и началась диктовка.

Сонъ такъ одолѣвалъ меня, что, продиктовавъ нѣсколько словъ, я засыпалъ сиди. Необходимо было, однакожь, превозмочь себя: съ самымъ отчаяннымъ надъ собою успіемъ я передалъ приказаніе, подписалъ его въ дюжинѣ экземпляровъ и отпустилъ офицеровъ. Но приниматься за дальнѣйшую обычную работу я, отъ двухночной бессонницы и отъ чрезвычайнаго утомленія, не чувствовалъ ни малѣйшей охоты и не имѣлъ къ тому ни силъ, ни способности.

Съ неизобразимою радостію добрался я до своего отраднаго убѣжища и, въ чемъ былъ, въ шинели, при саблѣ, бросился, съ чувствомъ нѣги, на солому. Но тотчасъ заснуть, какъ я рассчитывалъ и несомнѣнно былъ убѣжденъ, я никакъ не могъ: переходъ отъ клуны къ шалашу предательски похитилъ мой сладкій вожделѣнный сонъ.

Въ военное время, фронтовой офицеръ, не командующій частью, пріѣхавъ на бивуакъ, думаетъ только о себѣ и о своемъ успокоеніи. Солдаты построить ему шалашъ, принесутъ дровъ, соломѣ и прочаго, приберутъ и накормятъ лошадь; деньщикъ согрѣетъ чайникъ; сберутся товарищи; пьютъ чай, ромъ; курятъ, играютъ въ карты, говорятъ все, что пріѣдетъ въ голову, откровенно, безцеремонно; отъ души смѣются и шутятъ; братски дѣлятъ между собой свой сѣдобный запасъ и, въ заключеніе, безпечно засыпаютъ на буркѣ или на шинели, какъ пришлось, не думая о грядущемъ днѣ.

Обязанности фронтоваго офицера заключаются въ парадѣ: на аванпосты, въ разъѣздъ, въ караулъ, на фуражировку и проч. Всѣ эти обязанности, по правдѣ сказать, всегда непріятны и не

всегда безопасны; но, во первыхъ, онѣ достаются не каждый же день, и, во вторыхъ, послѣ отбытія своей очереди, офицеръ ни о чемъ не думаетъ, ничего знать не хочетъ. У него одна дума: вступить въ бой и отличиться.

Не то старшій адъютантъ. Онъ идетъ переходъ, какъ и всѣ, при войскахъ, верхомъ, и, такъ же, какъ и всѣ, устаетъ и нуждается въ отдыхѣ. Но отдыхъ далекъ отъ него: едва съ коня, какъ онъ берется за перо, пишетъ приказанія, составляетъ разные распоряженія, которые, по случайностямъ войны, мѣняются иногда черезъ два часа, отписывается бумаги и работаетъ до глубокой ночи, а часто и всю ночь.

Бываетъ такъ, что вся переписка по какому нибудь распоряженію кончена; предписанія готовы къ отправленію или даже отправлены. Вдругъ, вслѣдствіе какихъ нибудь свѣдѣній о неприятелѣ, дѣлается другое распоряженіе, иногда совершенно противорѣчащее первому. Весь предшествовавшій трудъ пропалъ: начинается новая пениципиа работа, кончаемая съ разсвѣтомъ, когда уже въ лагерь все поднялось и готовится исполнить то, надъ чѣмъ старшій адъютантъ трудился цѣлую ночь. Время ушло, войска выступаютъ, отдыхать некогда, и старшій адъютантъ, вмѣсто успокоенія, садится на лошадь прямо изъ-за письменнаго стола и отправляется въ дѣло противъ неприятеля.

Въ такія ночныя бдѣнія, мнѣ самому случалось часто оставлять на полчаса работу, совершаемую въ сараѣ, въ палаткѣ или въ холодной избѣ, иногда безъ оконъ и дверей, посреди разгуливающего пронзительнаго сквознаго вѣтра, леденящаго кровь и задувающего свѣчи, оставлять работу по необходимости, для того, чтобъ оскѣжить отуманенную голову. Среди глубокой ночи выхожу на воздухъ, жадно вдыхаю живительную стихію. Вокругъ меня все покоится глубокимъ сномъ, который для пныхъ, не далѣе, какъ завтра, изъ временнаго, превратится въ вѣчный; изрѣдка фырканье лошадей, говоръ патрулей, оклики часовыхъ раздаются въ тишинѣ ночи; а я, съ отягченной головою, истомленными членами, брожу какъ привидѣніе между спящими, завистливо мечтая о наслажденіи отдыха.

Въ ту ночь, о которой веду разсказъ, благодѣтельная судьба, казалось, желала утѣшить меня отраднымъ исключеніемъ: я отдѣлался рано; экстренныхъ распоряженій на ту пору не случилось, и, какъ уже сказано, я великолѣпно покоился на соломенномъ ложѣ

Было часовъ одиннадцать. Ночь темная, сырая, холодная. Бивуачный шумъ постепенно утихалъ; кое-гдѣ раздавались еще голоса, отдававшіе приказаніе или возбуждавшіе бдительность; солдаты еще переговаривались между собой; лошади ѣли кормъ. Этотъ лагерный говоръ, этотъ ровный, непрерывистый шумъ, въ полѣ, ночью, на воздухѣ, имѣетъ удивительную силу наводить сонъ. Подъ вліяніемъ этого жужжанья, полъ обаяніемъ своихъ мечтаній и молодыхъ надеждъ, я начиналъ крѣпко засыпать.

Вдругъ, въ арріергардѣ, грянулъ выстрѣлъ изъ орудія, за нимъ другой; еще нѣсколько выстрѣловъ. Я вскочилъ.

Въ лагерѣ затрубили тревогу.

— Мунштучъ! одѣвайся! живо! раздавались голоса, мѣшавшаяся съ рѣзкимъ зыкомъ трубъ.

Крикъ, гамъ, суета, брзгъ оружія.

— Лошадь! закричалъ и я своему казаку.

Черезъ десять минутъ подвели лошадь. Выѣхалъ корпусный командиръ; штабъ тотчасъ присоединился къ нему. Мы всѣ, съ казачьимъ конвоемъ, поѣхали на рысяхъ въ арріергардъ. Войска стали сниматься съ лагеря и выходить на сборные пункты.

Темнота страшная: въ двухъ шагахъ ничего не видно.

Лошади наши грузно шли по грязи; но мы, однако, ѣхали рысью.

Канонада прекратилась. Изрѣдка слышались ружейные выстрѣлы; но скоро все смолкло.

Черезъ четверть часа мы были уже въ арріергардѣ.

— Что за тревога? спросилъ корпусный командиръ начальника арріергарда.

— На той сторонѣ показалась непріятельская пѣхота — казаки, бывшіе за рѣкой, привезли это извѣстіе — поэтому я и открылъ огонь.

— А развѣ ледъ еще держитъ?

— Казаки переѣзжали безъ особеннаго труда.

— Стало быть, Висла намъ не защита, сказалъ корпусный командиръ въ полголоса, какъ бы про себя: — первый морозъ, и непріятель перейдетъ. Но гдѣ теперь эта пѣхота? спросилъ онъ громче.

— Ничего не видать, отвѣчалъ начальникъ арріергарда: — или ушла, или скрывается въ лѣсу.

— Послать свѣтяція ядра! крикнулъ генераль.

Черезъ минуту загремѣли выстрѣлы. Ядра, вспыхнувъ какъ факелы, перелетѣли черезъ рѣку и довольно ярко освѣтили окрестное пространство.

Противолежащій берегъ покрытъ былъ мѣстами не крупнымъ лѣсомъ; но не только въ лѣсу, и на открытыхъ мѣстахъ не видно было ни одного человѣка.

— Это демонстраціи, сказалъ корпусный командиръ начальнику штаба по французски. Непріятель, навѣрное, перейдетъ Вислу завтра или послѣ-завтра, пока еще ледъ держитъ. Ему легче перейти, чѣмъ намъ: у него нѣтъ обозовъ. Я не имѣю силъ воспрепятствовать его переправѣ; будемъ только высматривать и поостережемся. Я думалъ, что Дверницкій оставитъ меня въ покоѣ; но ему, конечно, досадно, что онъ выпустилъ насъ изъ рукъ подлѣ Козеницей, — теперь хочетъ возвратить потерянное. Но Дверницкому не провести меня: я хорошо его знаю.

— Намъ бы лучше отойти отъ береговъ, замѣтилъ начальникъ штаба.

— Я такъ и думаю. Разошлите приказанія отступать на Люблинъ. Первый переходъ: одной колонніе въ Мѣховъ, другой въ Барановъ.

Тотчасъ же, по указанію начальника штаба, ординарцы повезли во всѣ части словесныя приказанія — отступать не медля.

Арріергарду приказано отойти на то мѣсто, гдѣ было за часъ передъ тѣмъ наше бивуакированіе, а казакамъ оставаться на Вислѣ до разсвѣта, наблюдая за непріятелемъ въ оба глаза и посылая разъѣзды во всѣ направленія по Вислѣ и даже за Вислу.

Мы поѣхали назадъ. Не проѣхали версты, какъ сзади насъ, въ арріергардѣ, послышался ружейный залпъ.

— Я убѣжденъ, вскрикнулъ корпусный командиръ: — что это драгуны разряжаютъ ружья! Не могутъ никакъ отстать отъ мирныхъ привычекъ! а, между тѣмъ, безъ нужды тревожатъ войска. Надобно замѣтить это полковымъ командирамъ, добавилъ генералъ, обращаясь къ начальнику штаба: — и напомнить имъ, что они на войнѣ, а не въ дивизионномъ кампаметѣ.

Въ это время кто-то подъѣхалъ къ нашей свитѣ и громко спросилъ:

— Гдѣ корпусный?

— Здѣсь! отвѣчало нѣсколько голосовъ: — а ты кто?

— Казакъ.

— Сюда, казакъ! крикнулъ генералъ.

Казакъ подѣхалъ.

Хотя ночь была очень темна, однакожь, видно было, что лошадь казака шаталась отъ усталости и паръ валилъ съ нея клубами.

— Ты откуда?

— Изъ Пулавы, ваше превосходительство!

— Зачѣмъ?

— Бѣжалъ отъ плѣна.

— Чтѣ за вздоръ! отъ какого плѣна?

— Точно такъ, ваше превосходительство! насилу ноги унесъ.

— Да чтѣ случилось?

— Поляки все забрали....

— Какъ забрали?...

Генералъ остановился и за нимъ вся свита и конвой.

— Точно такъ, ваше превосходительство! все забрали: и шкадронъ, и наши десятки, и сотника, и капитана, и всѣхъ господъ офицеровъ....

— Чтѣ ты вздоръ говоришь?

— Нѣтъ, безотмѣнно такъ! всѣхъ на всѣхъ! кажись, и шандаръ взяли; сдается, только я и ушелъ.

— Вотъ еще бѣда! сказалъ корпусный командиръ, замѣтно встревоженнымъ голосомъ: — но, вѣрно, плохо стояли? спали?

— Никакъ нѣтъ! стояли справно, бикеты держали въ акуратъ; да Поляки напали обманнымъ образомъ, изъ такого вишь мѣста, гдѣ ходить — прости Господи! — развѣ только нечистая сила. Вишь, они какъ-то прошли подъ землей, а провели ихъ обыватели.

Но вмѣсто казака мы докончимъ:

Надобно сказать, что въ Пулавахъ, по просьбѣ владѣлицы этого мѣстечка, извѣстной магнатки польской, княгини Чарторижской, былъ поставленъ залогъ, изъ драгунскаго эскадрона, при которомъ былъ штандартъ и тридцать казаковъ. Залогъ ставится для предупрежденія набѣговъ и утѣшеній со стороны войскъ. Княгиня Чарторижская, не увѣренная въ благочиніи нашихъ казаковъ, обезпечила себя противъ набѣдовъ ихъ залогомъ, но, при первомъ же случаѣ, чтобъ доказать свой патріотизмъ отчизнѣ, отдала на жертву своихъ охранителей. Она, конечно, не предполагала, что въ Пулавы лѣятся когда нибудь польскія войска; но они явились. Чтѣ ей оставалось дѣлать?

Защищать Русскихъ? Но черезъ это она предала бы въ яростную месть изступленныхъ своихъ соотчичей все достояніе свое и свой великолѣпный дворецъ, обиталище ея знаменитыхъ предковъ. Ослѣпленные фанатики, конечно, не задумались бы въ выборѣ ни на минуту: вся эта почтенная старина, всѣ дорогіе для воспоминаній книжныя предметы были бы расхищены, истреблены и преданы огню и мечу. Поэтому книжныя рѣшилась на мѣру болѣе выгодную и менѣе честную — рѣшилась выдать головою свой русскій залогъ. Съ ея согласіемъ, жители провели въ мѣстечко, на разсвѣтъ, польскую пѣхоту и кавалерію, скрытыми и, какъ тогда говорили, подземными путями, бывшими подъ садомъ и паркомъ дворца. Эскадронъ, захваченный врасплохъ, не могъ долго сопротивляться, хотя и защищался упорно. Въ полчаса времени все было кончено: чтò осталось въ живыхъ, взято въ плѣнъ. Эскадроннаго командира взяли на чердакѣ его квартиры, въ халатѣ, съ солдатскимъ ружьемъ; онъ, съ драгунами своей конюшни, отстрѣливался оттуда довольно успѣшно. Въ квартирѣ эскадроннаго командира былъ и штандартъ, при которомъ стоялъ часовой. Часоваго убили, а штандартъ схватили съ торжествомъ и ликоваціями. О приобрѣтеніи этого трофея возглашали тогда во всѣхъ польскихъ газетахъ, какъ о выигранномъ генеральномъ сраженіи.

— Надобно, однакожь, сказалъ корпусный командиръ, выслушавъ рассказъ казака: — взяться горячо за это дѣло, и тотчасъ же, по горячимъ слѣдамъ. Надобно сейчасъ послать туда расторопнаго и дѣльнаго офицера, который сдумѣлъ бы разобратъ дѣло.

— Не прикажете ли старшаго адъютанта?

— И прекрасно! это будетъ для него военно-юридическій урокъ на практикѣ.

Корпусный командиръ подозвалъ меня къ себѣ.

— Вы слышали, въ чемъ дѣло? спросилъ онъ: — отправляйтесь же. Если удачно исполните все порученіе, ждетъ васъ награда. До свиданія!

Генералъ тронулся съ мѣста, и за нимъ отправился весь штабъ. Одинъ я остался въ полѣ.

Но взводъ драгунъ, при офицерѣ, и тридцать черноморскихъ казаковъ, при урядникѣ, назначенные составлять мой отрядъ, стояли неподалеку, ожидая моихъ приказаній.

Ко мнѣ еще подъѣхалъ начальникъ штаба, далъ нѣсколько

совѣтовъ и наставленій насчетъ того, чтобъ вести себя осторожно, потому что я очень легко могъ столкнуться съ непріятелемъ, и поручалъ скорѣе кончать дѣло въ Пулавахъ.

— Мы очень будемъ интересоваться вашими дѣйствіями, сказалъ онъ въ заключеніе: — потому что дѣло, какъ вы сами видите, особенно важно и имѣетъ многостороннее значеніе: тутъ нужны и сабля, и перо, и полицейская споровка. Поэтому вы тотчасъ же дайте вѣсть о себѣ, какъ только прійдете въ Пулавы, а другую вѣсть пришлите, когда кончите дѣло. Для передачи извѣстій оставьте въ Бобровникахъ нѣсколько человѣкъ драгунъ. Въ Пулавахъ они вамъ не столько будутъ нужны, какъ казаки. До свиданія!

По отѣздѣ начальника штаба, ко мнѣ явились офицеръ и урядникъ, главные начальники моего воинства. Я подѣхалъ къ людямъ, поздоровался и принялъ ихъ подъ команду.

Мѣстность я зналъ плохо: карты у меня тогда еще не водилось, проводниковъ нѣтъ. Я за бокъ казака, который ушелъ изъ Пулавъ и теперь, слѣзши съ своей лошади, заботливо ухаживалъ за нею, болтая съ своими товарищами о томъ, какъ онъ шнырялъ по Пулавамъ между Поляковъ и какого набрался тамъ страха.

— Ну-ка, любезный! сказалъ я казаку:—въ походъ со мной!

— Ваше благородіе! помилуйте! завопилъ казакъ: — я самъ измаялся, а лошадь еще горше. Ни у меня, ни у ней сегодня вортухонь бы что ни на есть,—что называется, ни росинки! цѣлый день ѣхалъ — погоня боялся; вереть, чай, сорокъ отмахнулъ! да она, бѣдняжка, таперича версты не пройдетъ: совсѣмъ пристала! да я и дороги не знаю: я ѣхалъ почестъ что цѣликомъ по солнцу. Ужь сдѣлайте отеческую милость, заставьте вѣчно Бога молить! ослобоните: сѣ, ей, не могу! и радъ бы душою.

Убѣдясь правдивымъ представленіямъ казака, я согласился на его просьбу.

Пришлось и мнѣ идти на удачу, но только не по солнцу, а развѣ по звѣздамъ; да и тѣ заволокло тучами.

V.

Я досталъ свои репетирные часы, подавилъ пружинку: пробило двѣнадцать съ половиною.

— Справа по трѣ! маршъ! казаки впередъ, драгуны за казаками!

Въ этомъ порядкѣ я тронулся и пошелъ цѣлкомъ по прямому направленію къ Вислѣ и потомъ берегомъ ея. Пулавы стоятъ при этой рѣкѣ; слѣдовательно, она могла служить лучшимъ указателемъ моего пути, пока не настанетъ утро, а утромъ я надѣялся выбраться на дорогу.

Лошадь у меня была добрая. Хотя въ тотъ день она уже прошла верстъ тридцать, но отдыхъ на бивуакѣ и гарнецъ овса такъ освѣжили ее, что она, какъ бы послѣ продолжительной холы на конюшнѣ, шла гордо, съ фырканьемъ, зорко смотря впередъ и чутко прядя ушами.

Ночь была до того темна, что я могъ только видѣть своего сѣраго коня, на которомъ ѣхалъ. Воинство мое двигалось во мракѣ, черными неопредѣленными тѣнями, точно толпа призраковъ. Оно шло въ глубокой тишинѣ, которую нарушало толькобряцанье оружія и глузданье по грязи лошадиныхъ ногъ.

Воображеніе, всегда являющееся съ непрошенными услугами уму, тревожному страхомъ, особенно ночью, рисовало самыя поразительныя картины: уже мнѣ казалось, что врагъ слѣдитъ за мной по пятамъ; что вдали движутся какія-то черныя массы; что массы приближаются ко мнѣ. Всмотриваюсь, и вижу какъ будто всадниковъ и даже — съ пиками!... такъ и чудится непріятель! Но опомнюсь — видѣніе исчезнетъ, и все, по прежнему, черно и мрачно.

Смѣшно и досадно на самого себя.

Повременамъ мнѣ становилось такъ грустно, что я готовъ былъ плакать. Я вспоминалъ родныхъ, тихій домашній кровъ, вспоминалъ лучшіе дни своей жизни, сравнивалъ ихъ съ настоящимъ положеніемъ и горько сожалѣлъ о прошедшемъ.

Я шелъ, какъ уже сказано выше, берегомъ рѣки. Ея сѣренькій ледъ тянулся изгибами вдаль, какъ лента, и, бѣлѣя во тьмѣ ночи, посреди черныхъ береговъ, служилъ мнѣ путеводителемъ.

Продолжая шествіе по берегу, я твердо былъ увѣренъ, что не сойду съ пути; но я шелъ цѣлкомъ по пашнямъ, по лѣсамъ, по оврагамъ. Ручьи съ шумомъ падали въ обрывы и промоины, а лошади по брюхо грузли въ топляхъ и лощинкахъ. Безпрерывныя переправы очень замедляли мое путешествіе.

Такъ я прошелъ верстъ семь. Небо стало проясняться, пока-

зались звѣзды, начало подмерзать. Съ проясненіемъ воздуха и на душѣ стало легче.

Наконецъ я выбрался на дорогу. Она и недалеко была отъ меня, да, но темнотѣ, я никакъ не могъ попасть на нее.

Выйдя изъ района своихъ войскъ, я принялъ необходимыя предосторожности въ слѣдованіи: у меня былъ и авангардъ и аррьергардъ, а на мѣстахъ безлѣсныхъ даже и боковые патрули.

Офицеръ былъ у меня храбрый и страстный къ военному дѣлу. Онъ теперь давно уже генералъ и съ достоинствомъ проходить свое многотрудное и славное поприще. Казаки—расторопны, драгуны—безотвѣтные исполнители того, что прикажутъ.

Наша казачья, какъ извѣстно всему міру, не даромъ заслужили свою знаменитость: сметливѣе, расторопнѣе и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, смѣлѣе и дерзкѣе ихъ, нѣтъ нигде и нигдѣ; но стойкостью они не отличаются. Умереть, стоя бесполезно на мѣстѣ, по ихъ понятіямъ, не есть доблесть. Геройство у нихъ считается высокимъ достоинствомъ; но они видятъ его только въ удаливствѣ, въ смѣлыхъ наѣздахъ, въ неожиданомъ налетѣ на врага. Ускользнуть отъ непріятеля, какимъ бы то ни было средствомъ, ставится ими въ добродѣтель, а не въ стыдъ: казакъ знаетъ, что, пока онъ цѣлъ, онъ тысячу способовъ придумаетъ ко вреду непріятелю, поэтому и бережетъ себя тщательно.

Чтобъ испытать своихъ казаковъ, я спросилъ:

— А что, ребята, если нападетъ на насъ эскадронъ Поляковъ, управимся мы съ нимъ?

— Еще бы! плѣвое дѣло.

— А два?

— Да и съ двумя потягаемся.

— Молодцы!

Но въ этой юркости казачей я видѣлъ больше хвастовства и не вѣрилъ словамъ; драгуны, хладнокровно и безмолвно ѣхавшіе, какъ-то болѣе подавали на себя надежды, въ случаѣ опасности.

Часамъ къ тремъ показался на небѣ блѣдно-желтый мѣсяцъ, бывшій уже въ послѣдней четверти. Стало довольно свѣтло и морозило порядочно: грязь замѣтно погустѣла.

Разсвѣло; было часовъ шесть утра; морозъ усиливался. Пришли къ деревнѣ.

Въ деревнѣ не замѣтно было никакого разрушенія; дома цѣлы, а, между тѣмъ, она казалась какъ будто вымершею: ни ма-

лѣйшаго въ ней движенія! Въ ту пору года и въ тотъ часъ утра, надъ деревнями разстилаются обыкновенно клубы дыма, слышится лай собакъ, крикъ пѣтуховъ; здѣсь же все было пусто и безжизненно.

Я послалъ въ деревню патруль для развѣданій, а самъ оставался.

Вокругъ меня повсюду тишина могильная; но вдали я слышалъ какой-то непонятный шумъ, глухо разносившійся въ свѣжемъ воздухѣ. Я заключилъ, что это журчатъ ручьи. Послѣ я узналъ, что шумъ этотъ происходилъ отъ движенія непріятельскихъ войскъ, шедшихъ почти параллельно со мной, по другой сторонѣ Вислы.

Влѣво отъ меня, на версту разстояніи, печально зеленѣлъ неопознанный сосновый лѣсъ; вправо — несчаныя, холмообразныя равнины, покрытыя кустарникомъ; вдали — Висла.

— Ваше благородіе! вскрикнулъ внезапно мой казачій урядникъ: — извольте-ка взглянуть!

При неожиданномъ восклицаніи урядника, я, погруженный въ задумчивое созерцаніе унылой природы, меня окружавшей, невольно вздрогнулъ. Подъ вліяніемъ мысли о столкновеніи съ непріятелемъ, которая давила меня всю ночь, я подумалъ, что передо мной несмѣтная сила. Но это было только человѣкъ шесть непріятельскихъ кавалеристовъ, которые стремилавъ усакали изъ деревни по направленію къ Вислѣ.

— Должно быть, непріятель недалеко отсюда, замѣтилъ я своему товарищу: — когда эти господа не побоялись провести здѣсь ночь?

— Вѣроятно.

— Едва ли удастся намъ безпрепятственно добраться до Пулавъ, а если и удастся, то не знаю, успѣемъ ли мы что нибудь тамъ сдѣлать. Эти испуганные наѣздки дадутъ знать о нашемъ появленіи, поднимутъ тревогу, и противъ насъ, конечно, будутъ приняты мѣры.

— Ваше благородіе! вскрикнулъ опять урядникъ: — вонъ кто-то выѣхалъ изъ лѣсу, верхомъ!

Лѣсъ, какъ я сказалъ, былъ въ верстѣ отъ меня.

Я послалъ въ лѣсъ двухъ казаковъ.

Привставъ на стременахъ и пригнувшись къ передней лукѣ, казаки взяли пикъ на перевѣсъ и шибкой рысью помчались, приѣхавъ мѣрно на сѣдлѣ. Всадникъ, выѣхавшій изъ лѣсу, увидя

несущихся на него казаковъ, быстро повернулъ назадъ и исчезъ въ лѣсу. Но отъ казаковъ трудно уйдти или скрыться: кого нужно, они найдутъ на днѣ морскомъ.

Черезъ пять минутъ казаки мои выѣхали изъ лѣсу уже *отро-смъ*. За дальностію разстоянія, я не могъ рассмотреть, кого они подцѣпили, но видѣлъ только, что они не очень вѣжливо побуждали всадника къ ускоренію хода: на долю его выпало дюжины полторы добрыхъ толчковъ тупымъ концомъ пикъ. Съ приближеніемъ казаковъ, я увидѣлъ, что они сопровождали Жидъ, вовсе не воинственной наружности. Онъ ѣхалъ верхомъ на тощей клячкѣ.

— Какая это деревня? спросилъ я Жидъ, когда казаки поставили его передо мной лицомъ къ лицу.

— Бобровники, отвѣчалъ Жидъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Далеко ли отсюда до Пулавъ?

— Двѣ или три мили, — навѣрное не знаю.

— Есть ли тамъ Поляки?

— Не знаю.

— А здѣсь? между Бобровниковъ и Пулавъ?

— Не знаю.

— Да что жъ ты, Иуда, все не знаешь да не знаешь: вѣдь ты съ той же стороны ѣхалъ?

— Не знаю: я никого не видалъ.

— А! ты не хочешь говорить! такъ я развѣжу тебѣ языкъ.

— Ей-Богу, наислѣбнѣйшій князь! я ничего не знаю, завопилъ Жидъ, помертвѣвъ отъ страха.

— А вотъ узнаешь! Эй, казаки! закричалъ я, притворяясь взбѣшеннымъ: — допросить его!

Мгновенно казаки сорвали Жидъ съ лошаденки и начали безжалостно стегать нагайками.

Пронзительные крики и моленья Жидъ звонко раздавались по морозному воздуху и раздирали мнѣ душу.

— Наислѣбнѣйшій пане еперале! ей-Богу, я ничего не знаю; я не изъ Пулавъ ѣду, а ваши казаки, не знаю, за какую вину, *милости* меня! кричалъ отчаянно Жидъ, ёжась въ три погибели отъ cadaго удара нагайки и усиливаясь представить изъ себя сколько можно уменьшенную цѣль для своихъ истязателей.

Мнѣ стало жаль бѣднаго Жидъ, и я приказалъ кончить противную для меня экзекуцію.

— Откуда же ты ѣдешь? спросилъ я Жидъ.

— Изъ Ванволицы, отвѣчалъ онъ, обливаясь слезами: — тамъ у меня родные; я выѣхалъ еще до свѣта и нигдѣ Поляковъ не видалъ.

— Убирайся же скорѣе, чтобъ опять казаки не *знали*.

Жидъ кинулся мнѣ въ ноги, поцѣловалъ полу моей шинели и, въ безумной радости, вскочивъ на свою кляченку, погналъ ее во всю мочь на прежнюю дорогу.

— Вотъ пріятности войны! сказалъ я своему товарищу: — за что мы мучили бѣднаго Жиды?

— Тутъ и не Жидамъ достается.

Между тѣмъ, казаки привели другаго Жиды.

— Ты откуда?

— Здѣшній! держу корчму въ Бобровникахъ.

— Не слыхалъ ты, гдѣ Поляки?

— А вотъ сейчасъ усакало отъ меня семь кракусовъ, со страху, какъ увидали пановъ; они говорили, что Поляки еще за Вислой, но хотятъ переправиться. Сегодня подморозило и ледъ скрѣпчалъ, такъ...

— Эти кракусы изъ отряда Дверницкаго?

— Такъ есть, вельможный пане!

— Зачѣмъ они были здѣсь?

— Пограбить немножко нашего брата, Еврея. Они вездѣ таскаются; намъ отъ нихъ просто бѣда! и теперь, когда бъ не паны, эти гунтстваты мнѣ много бы шкеры натворили; но они не успѣли похозяйничать: только что пріѣхали...

— Такъ, стало, Поляки близко отсюда?

— Висла недалеко, а Поляки за Вислой.

Свѣдѣнія эти хотя лишили меня послѣдней надежды на успѣшное исполненіе порученія, однакожъ, я считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать твердо до тѣхъ поръ, пока не остановятъ дѣйствительныя препятствія. Необходимо было идти поспѣшнѣе, потому что до Пулавъ оставалось еще верстъ пятнадцать, а время было уже около семи часовъ. Безъ малаго часъ я проѣзжалъ возлѣ Бобровниковъ въ распробахъ и поискахъ.

Въ Бобровникахъ, для передачи извѣстій о своихъ дѣйствіяхъ, я оставилъ, согласно приказанію начальника штаба, пять драгунъ, при унтеръ-офицерѣ.

Давъ нужныя наставленія драгунамъ насчетъ ихъ обязанностей, а Жиду объявивъ, къ величайшему его удовольствію,

что за все, что возьмутъ у него драгуны, онъ получить *пененды*, я отправился къ своей цѣли.

Возлѣ Бобровниковъ протекаетъ небольшая, но быстрая и глубокая рѣка Вепржъ. Я перешелъ чрезъ нее по льду, совершенно безопасно.

Дорога шла большею частію сосновымъ лѣсомъ; по замерзшему песку (дорога была песчаная) идти было очень легко, и я шелъ усиленнымъ шагомъ.

Были, однакожъ, остановки отъ излишней осторожности моихъ казаковъ. Каждый шумъ, каждое движеніе, даже полетъ птицы, — все пробуждало ихъ обычную подозрительность. Сзади меня то и дѣло повторялось:

— Ваше благородіе! извольте прислушаться! ваше благородіе! позвольте осмотрѣть! тамъ что-то такое... какъ будто...

Сначала, имѣя высокое мнѣніе о предусмотрительности и ловкости казаковъ въ экспедиціяхъ, подобныхъ моей, я безусловно слѣдовалъ ихъ совѣтамъ: при каждомъ предложеніи остановиться и развѣдать, я останавливался и посылалъ на развѣдыванія. Подозрительность казаковъ сообщилась и мнѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ я былъ подъ вліяніемъ сильнѣйшаго безпокойства, хотя и казался спокойнымъ. Отдѣляясь отъ своихъ слишкомъ на двадцать верстъ, я съ каждымъ шагомъ впередъ приближался къ опасности и удалялся отъ надежды на спасеніе, въ случаѣ столкновенія съ сильнымъ противникомъ. Когда же, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ остановокъ, я увидѣлъ, что если я буду поощрять чрезмѣрную осторожность казаковъ, то прежде вечера не прійду въ Пулавы, тогда я приказалъ казакамъ рѣшительно замолчать.

— У меня есть свои глаза и свои уши, сказалъ я имъ въ заключеніе.

Послѣ этого я уже шелъ спокойно и безостановочно.

Въ верстѣ съ небольшимъ отъ Пулавъ была корчма. Въ ней нашелъ я отставнаго солдата польскихъ войскъ. Ихъ называютъ въ Польшѣ ветеранами. Наружность этого ветерана была почтенная и благообразная. Грудь его украшали русскія медали. Онъ внушалъ довѣріе къ заслуженному воину. Я рассуждалъ, какъ казалось, здраво, что старый солдатъ, Полякъ, носящій русскіе знаки отличія, желаетъ, конечно, представить, при такихъ смутахъ въ краѣ, очевидное ручательство въ своей вѣрно-

сти Русскимъ. Поэтому, я съ полной довѣрчивостію и началъ съ нимъ разговоръ.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о его службѣ, о времени полученія знаковъ, я спросилъ:

— Есть ли въ Пулавахъ Поляки?

— Ни одного солдата.

— Вчера же только взяли тамъ нашъ эскадронъ. Ты, я думаю, слышалъ объ этомъ?

— Какъ не слышать: все знаю!

— Такъ куда же они дѣвались?

— Вчера еще убрались за Вислу.

— Правда ли, что жители провели польскія войска и даже сами помогали истребленію нашего эскадрона?

Ветеранъ какъ-то странно моргнулъ глазами, но отвѣчалъ твердо:

— Правда.

— Скажи же, пожалуйста, ты здѣсь живешь близко и долженъ, конечно, знать: кто именно изъ жителей главные виновники въ этомъ дѣлѣ?

— Э, пане пулковнику! отвѣчалъ ветеранъ, перемѣняясь въ лицѣ: — тутъ всѣ виноваты.

Въ Польшѣ ничего не значитъ накинута изъ лести нѣсколько чиновъ разомъ; поэтому и ветеранъ, не обвиняясь, называлъ меня полковникомъ.

— Ну, хорошо! Теперь скажи мнѣ еще: гдѣ Дверницкій съ своимъ отрядомъ?

— Дверницкій за Вислой.

— Знаю; да гдѣ именно?

— Этого не знаю.

— Я слышалъ, что онъ хочетъ переправиться на эту сторону?

— Кто? Дверницкій? не вѣрьте, пане полковникъ: это басни.

— А если я знаю навѣрное?

— Не можетъ этого быть! Дверницкій теперь, чай, спитъ еще у какого нибудь папа... прокутивши ночь... и плотно поужинавши.

— Развѣ онъ любитъ кутнуть?

— Еще какъ!

— Какже онъ командуетъ войскомъ?

— Не онъ командуетъ, а имъ командуютъ! У него такіе командиры, что онъ радъ не радъ, а слушается.

— Какіе жь командиры?

— Да у него жь такі, въ войскѣ: при немъ немало сорванцовъ отъ народоваго сейма, изъ вольной, неподлеглой шляхты! Бѣднаго старика совѣмъ скрутили; дѣлають, что хотятъ. Я знаю довольно Дверницкаго: толстый, невзглядный; ему бы побѣждать хорошенько, а не съ Русскими драться!

— Однакожъ, онъ хорошо дерется.

— Куда ему! такъ, посчастливилось...

— Такъ ты рѣшительно говоришь, что въ Пулавахъ нѣтъ польскихъ войскъ?

— Рѣшительно.

— А за Пулавами?

— Про это не знаю...

И ветеранъ опять заморгалъ глазами.

— Говори правду.

— Пусть Богъ убьетъ меня на мѣстѣ, если лгу!

Некогда и бесполезно было мнѣ толковать много съ ветераномъ, потому что отвѣты его слишкомъ были неудовлетворительны; надобно было спѣшить въ Пулавы.

Постепенно открывалась предо мной Висла и ея противолежащій берегъ, покрытый лѣсомъ. Я приблизился къ цѣли своего командированія.

Казакъ, дотолѣ ѣхавшіе безмолвно, не могли никакъ выдержать наложеннаго на нихъ запрещенія. Одинъ изъ нихъ вскрикнулъ торопливо:

— Ваше благородіе! за Вислой Поляки! ей, ей, Поляки! вонъ! извольте посмотрѣть: вонъ одинъ выскочилъ изъ лѣсу, вонъ другой!

Какъ я ни напрягалъ зрѣніе, но ничего не видалъ.

— Вамъ и деревья кажутся Поляками.

— Какъ угодно: извольте вѣрить или нѣтъ, а мы въ этихъ случаяхъ никогда не ошибаемся.

Подходи къ заставѣ, я увидѣлъ, что народъ толпами бѣжитъ изъ Пулавъ за Вислу...

Это непріятно подѣйствовало на меня. Вѣроятно, казаки правы, и за Вислой непріятель, къ которому и бѣгутъ жители.

Дорога въ Пулавы шла такимъ острымъ угломъ, что я никакъ не могъ видѣть, что дѣлается въ мѣстечкѣ.

Авангардъ мой, подойдя къ заставѣ, остановился. Прискакалъ оттуда казакъ.

— Ваше благородіе! сказалъ онъ: — въ мѣстечкѣ бѣготня и суматоха. Возлѣ костела пропасть народу и всѣ *лехтирують* за Вислу.

— А войско есть?

— Не видать.

— Ну, такъ впередъ!

Я вошелъ въ Пулавы.

Длинная прямая улица, тянувшаяся вдоль рѣки, застроенная отъ берега домами, скрывала отъ меня все зарѣчное пространство. Я видѣлъ только, въ верстѣ отъ себя, костель съ площадью, на которой черпѣлись массы народа, суетившагося и бѣгавшаго, въ страхѣ и смятеніи, какъ муравьи въ своей муравейной кучѣ, когда какой нибудь шалунъ засунетъ въ нее для потѣхи палку; но что дѣлалось за Вислой, я видѣть не могъ. Пройдя съ четверть версты улицей, я очутился на пустоши, на которой съ прибрежной стороны домовъ не было. Висла открылась передо мной совершенно.

За Вислой, противъ Пулавъ, лежитъ деревня Гура. Въ этой деревнѣ черпѣлись въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ стан вороновъ, эскадроны польской кавалеріи. Въ прямомъ направленіи они были отъ меня не болѣе полуверсты. Я насчиталъ ихъ восемь эскадроновъ.

Я невольно остановился, а за мной и весь мой отрядъ. Теперь я положительнѣе удостовѣрился, что мои разысканія въ Пулавахъ рѣшительно невозможны: надобно было подумать о томъ, какъ бы выпутаться изъ настоящихъ, не совсѣмъ хорошихъ обстоятельствъ.

Въ эту опасную минуту, скажу безъ хвастовства, во мнѣ совершился удивительный переломъ: когда я шелъ въ Пулавы и дѣйствительной опасности еще не видалъ, я страшился ея больше, чѣмъ теперь, когда она настала. Теперь возвратилось ко мнѣ полное спокойствіе духа и хладнокровіе.

Хотя непріятель былъ въ двадцать разъ многочисленнѣе меня, но я считалъ стыдомъ отступать безъ видимой причины, и потому, рѣшась показать видъ, что я и самъ довольно силенъ и составляю только передовую партію большаго отряда, я стоялъ на мѣстѣ и съ равнодушіемъ наблюдалъ, что предприметъ врагъ мой.

Между тѣмъ, казаки суетились и юлили около меня, повторяя:

— Ваше благородіе! прикажите отступать.

— Приказываю молчать! стоять смирно и ждать приказанія! слышите?

Казаки присмирѣли.

Когда я показался въ пустоши, непріятельскіе кавалеристы были спѣшны. При моемъ появленіи, они всполошились. Я услыхалъ лютвенно команду ихъ: «на конь!» видѣлъ, какъ они торопливо сажались и строились на площадкѣ передъ рѣкою.

Вотъ отъ нихъ отдѣлился эскадронъ и рысцой, справа по одному, сталъ переходить Вислу на мою сторону, но не туда, гдѣ я стоялъ, а къ костелу, подальше отъ меня. Вслѣдъ за первымъ, началъ переходить и другой эскадронъ.

Я стоялъ, не трогаясь.

Передній эскадронъ, перейдя безпрепятственно, въ продолженіе пяти-шести минутъ, рѣку по подмерзшему льду, довольно скоро выстроился возлѣ костела, въ походную колонну, по шести, и въ этомъ порядкѣ пошелъ на меня легкой рысью.

Кавалерія была съ пиками; но я не разсмотрѣлъ еще, уланы это или кракусы.

Второй эскадронъ, очевидно назначенный въ подкрѣпленіе первому, переходилъ рѣку шагомъ и строился также возлѣ костела, но гораздо медленнѣе. Полагали, вѣроятно, что для уничтоженія моей частички достаточно и одного эскадрона.

— Вотъ теперь отступать, сказалъ я казакамъ: — по *шагомъ*! Боже сохрани, если кто нибудь изъ васъ юркнуетъ впередъ: велю застрѣлить въ догонку.

Казаковъ поручилъ я своему товарищу, за казаками, въ нѣкоторомъ разстояніи, велѣлъ идти драгунамъ, а самъ, съ урядникомъ и двумя казаками, пошелъ сзади драгунъ.

Пока я дѣлалъ эти распоряженія, непріятель безостановочно приближался ко мнѣ.

Я началъ отступать шагомъ, не торопясь, безъ суеты, по той же длинной улицѣ, по которой вошелъ въ Пулавы.

Мнѣ не было надобности оглядываться назадъ для наблюдений за непріателемъ: мои конвойные исполнили эту обязанность лучше меня самого.

— Вотъ идутъ, идутъ, говорили они поминутно: — вотъ близко!... ну, вотъ они!...

Тутъ я оглянулся. Непріятель былъ отъ меня не болѣе, какъ во ста саженьяхъ, и, къ величайшему моему удивленію, шелъ, такъ же, какъ и я, шагомъ.

Каждую минуту я ждалъ, что онъ кинется на меня съ тыла; но онъ не кидался.

«Вѣроятно», подумалъ я, «онъ не рѣшается атаковать меня въ тѣсной улицѣ, гдѣ только и можно было идти отдѣленіями по шести; по чтѣ будетъ, когда выйдемъ въ поле?...»

Уже я, миновавъ заставу, вышелъ на равнину; саженьяхъ въ полтораста отъ заставы начинался лѣсъ — я подошелъ къ лѣсу. Въ это время, непріятель, развернувъ эскадронъ, пошелъ на меня рысью.

Я остановился и постропля команду свою во фронтъ, чтобы принять ударъ.

Товарищу своему поручилъ я дѣйствовать съ казаками во флангъ и въ тылъ непріятеля; самъ, съ драгунами, приготовился отразить атаку.

Я не могъ быть увѣренъ въ успѣхѣхъ при своей малочисленности, но ждалъ атаки съ самоотверженіемъ, рѣшась умереть, но не бѣжать.

Не доходя сажень пятидесяти до меня, непріятель вдругъ остановился. Это было такъ близко, что я видѣлъ лица своихъ враговъ. Тутъ я рассмотрѣлъ, что это были кракусы.

Ожидая каждую секунду атаки, я разтѣжжалъ по фронту и ободрялъ своихъ солдатъ. Но непріятель стоитъ неподвижно.

— Чтѣ за диво!

Я также стоялъ. Мнѣ не было ни пользы, ни нужды атаковать своего противника.

Такъ мы оба стояли другъ передъ другомъ минутъ пять, съ любопытствомъ наблюдая одинъ другаго.

До сихъ поръ, припоминая тотъ тревожный моментъ, я не могу постигнуть, чтѣ именно было причиной, что Поляки, при явномъ перевѣсѣ своемъ въ силахъ, не истребили, не растерзали моей слабой партіи. Неужели, и въ самомъ дѣлѣ, удержало ихъ мое гордо-хладнокровное отступленіе, моя рѣшимость встрѣтить напоръ ихъ, когда я остановился у лѣса? Или, судя по моимъ неторопливымъ движеніямъ, не подумали ли они, что въ лѣсу, за мной, скрывается засада и что я только заманиваю ихъ? Или, наконецъ, что, не надѣясь на свои силы, эскадронъ этотъ поджидалъ прибытія другаго, чтобъ ударить совокупно? Всего этого я и до сихъ поръ рѣшительно не понимаю.

Надобно было, однакожъ, придумать какой нибудь способъ выйти изъ своего страннаго положенія. Единственное средство

къ спасенію было, конечно — отступленіе. Но и отступить неловко, когда въ пятидесяти саженихъ стоитъ непріятель и стережетъ каждое мое движеніе. Можетъ быть, онъ только этого и ждетъ, — ждетъ, чтобъ ринуться на меня, когда я тронусь съ мѣста.

Но медлить было невозможно: каждая секунда бездѣйствія усиливала мою опасность. Слѣдовало на что нибудь рѣшиться тотчасъ же, пока не подошелъ другой непріятельскій эскадронъ. Тогда, быть можетъ, и не удастся уже выпутаться изъ бѣды.

Положась на свою звѣзду, я рѣшился отступить. Сначала велѣлъ отойти сажени на сто казакамъ и остановиться, потомъ отошелъ самъ съ драгунами и примкнулъ къ казакамъ.

Непріятель стоялъ на мѣстѣ.

Въ это время показались флюгера другаго непріятельскаго эскадрона, выходившаго изъ Пулавской заставы.

Сдѣлавъ первый шагъ къ отступленію, я уже не останавливался. Дорога хотя шла лѣсомъ, но для моихъ движеній была достаточно просторна. Сначала я отступалъ эшелонами, но, отдалясь отъ непріятели сажень на триста, пошелъ обыкновенной походной колонной.

Противникъ мой, несмотря на удвоеніе своихъ силъ, все-таки не рѣшился меня атаковать. Полюбовавшись нѣсколько времени моимъ отступленіемъ, онъ также вытянулся въ походную колонну и пошелъ вслѣдъ за мной, шагомъ, издали наблюдая меня и не тревожа нисколько.

Не тѣмъ бы, вѣроятно, кончилось, еслибъ передо мной, вмѣсто кракусовъ, были уланы!

Я дошелъ до корчмы, гдѣ разговаривалъ съ ветераномъ. Я ѣхалъ сзади съ своимъ конвоемъ. Пройдя корчму, я оглянулся на своихъ преслѣдователей. Вдругъ вижу, что ветеранъ, выйдя изъ корчмы и осматриваясь робко по сторонамъ, поспѣшно повернулся навстрѣчу къ своимъ землякамъ.

Я очень злился на ветерана, и какъ Поляки были еще далеко, то я могъ успѣть сказать два слова своему благопріятелю. Я быстро налетѣлъ на него.

— Здравствуй, пріятель! спасибо за правдивыя извѣстія.

Ветеранъ поблѣднѣлъ.

— Пане пулковнику! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — я виноватъ, убейте меня!...

— Ты этого стоишь, мерзавецъ! но я не хочу марать рукъ твоей нечистой кровью, потому что ты носишь русскіе кресты.... ба! да гдѣ жь они?... О, уже надѣлъ польскіе!... Да ты безчестнѣй всякаго жида! вотъ ужь по истинѣ, и *нашимъ* и *вашимъ*!

Я повернулъ лошадь и догналъ свою команду.

Ветеранъ стоялъ нѣсколько минутъ, опустил голову и не трогаясь съ мѣста, потомъ пошелъ, но не навстрѣчу землякамъ, а назадъ въ корчму. Неужели въ немъ проснулась совѣсть? Едва ли. Я думаю, скорѣе страхъ: онъ видѣлъ, что я былъ все-таки ближе отъ него, чѣмъ Поляки, и могъ схватить или убить его прежде, нежели ему дали бы помощь.

Между тѣмъ, Поляки подошли къ корчмѣ. Половина ихъ спѣшилась; другая осталась на лошадяхъ. Повидимому, они располагали *отдохнуть*. Обо мнѣ, какъ кажется, они забыли, потому что дали мнѣ полную свободу отступать, и я уже былъ отъ нихъ почти за версту.

Но я все еще не вѣрилъ, что такъ легко раздѣляюсь съ своимъ врагомъ; все еще казалось мнѣ, что мой, повидимому, не храбрый противникъ имѣетъ какую нибудь тайную, злославленную мысль. Развѣ онъ не могъ, зная по лѣсамъ всѣ тропинки, обогнать меня и внезапно атаковать съ фланга или съ тыла и окружить совершенно? Огромные лѣса, по которымъ шла дорога, скрыли бы всѣ его движенія. Впрочемъ, онъ имѣлъ всю возможность, полчаса назадъ, уничтожить меня прямо, безъ всякихъ маневровъ, и если не сдѣлалъ того прежде, то, по теоріи вѣролпностей, тѣмъ скорѣе не сдѣлаетъ теперь.

Вниманіе мое было, однакожъ, насторожѣ; но я прошелъ уже верстъ пять отъ корчмы, а нападенія нѣтъ, — стало быть, его и не будетъ.

Между тѣмъ, лошади наши стали утомляться; даже мой конь, всегда ретивый и рылый, шелъ тупо и терпѣливо сносилъ поталкиванье шпорой, которой онъ вообще терпѣть не могъ.

Отдыхъ былъ также необходимъ и для людей. Со вчерашняго вечера они прошли безостановочно верстъ пятьдесятъ. Непозбѣжно было идти до деревни или до корчмы, гдѣ бы можно было покормить людей и купить сѣна. Овесъ былъ въ саквахъ, а люди имѣли при себѣ только сухари.

За полверсты въ сторонѣ я увидѣлъ дворъ, съ небольшимъ господскимъ домомъ, и подъѣхалъ къ нему, съ намѣреніемъ отъ

дохнуть; но въ домѣ было пусто, печально, стекла выбиты, рамы выломаны, двери сорваны съ петель; вездѣ слѣды насильственнаго разрушенія. Чья недоброжелательная рука опустошаетъ, во время войны, какъ будто для забавы, для наслажденія, мирныя жилища обывателей?

Не встрѣчая нигдѣ пристанища для отдыха, я долженъ былъ идти до Бобровниковъ, несмотря на утомленіе людей и лошадей.

Въ Бобровникахъ расположился я въ жидовской корчмѣ; прежде всего отправилъ съ драгуномъ записочку къ начальнику штаба, написанную карандашомъ, на клочкѣ бумаги. Содержаніе записки было коротко, какъ телеграфическая депеша. Я писалъ, что непріятель воспрепятствовалъ мнѣ произвести слѣдствіе въ Пулавахъ, что я долженъ былъ отступить и что подробности экспедиціи объясню лично.

Застраховавъ себя отъ нечаяннаго нападенія ведетами, я обратилъ вниманіе на утоленіе голода, который жегъ какъ огонь мою внутренность. Когда я объявилъ Жиду, что онъ за все получитъ деньги, то у него, не знаю уже откуда, явились баранъ, курица и яйца. Барана я отдалъ командѣ, а остальное потребили мы съ товарищемъ.

Часа въ четыре, расплатившись съ Жидомъ, я выступилъ и въ семь часовъ нашелъ свой штабъ въ Мѣховѣ; тотчасъ же явился къ корпусному командиру, гдѣ былъ и начальникъ штаба, объяснилъ подробно причину не успѣха своей экспедиціи и получилъ благодарность за свое хладнокровное дѣйствіе.

На другой день мы продолжали отступленіе къ Люблину.

VI.

При выходѣ изъ Мѣхова, получено было извѣстіе, что Дверницкій наканунѣ переправился черезъ Вислу въ Пулавахъ. Переправу онъ началъ въ десять часовъ утра. Въ Пулавы я пришелъ въ половинѣ девятаго. Кракусы, которыхъ я видѣлъ въ Гурахъ (деревня за Вислой, противъ Пулавъ), по всей вѣроятности, составляли авангардъ польскаго отряда. Прійди я часомъ позже въ Пулавы, я столкнулся бы со всѣми силами Дверницкаго. Тогда, конечно, не удалось бы мнѣ такъ дешево отдѣлаться.

Послѣ переправы, Дверницкій остановился въ Пулавахъ, вслѣдствіе полученнаго имъ извѣстія о разгромѣ Поляковъ подъ Гроховымъ.

17 февраля и мы узнали, что польская армія разбита подъ Гроховымъ на голову и въ беспорядкѣ бѣжала въ Варшаву.

Адъютантъ корпуснаго командира, ѣздившій въ главную квартиру съ донесеніемъ о дѣлѣ при Потовѣси 7 февраля, участвовалъ въ гроховской битвѣ, находясь при начальникѣ главнаго штаба арміи. Онъ-то и привезъ вѣсть объ этой побѣдѣ. Съ жадностью слушали мы любопытныя подробности кровопролитнаго боя. Не буду описывать его, потому что онъ уже прекрасно описанъ въ «Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ», гдѣ желающіе могутъ съ удовольствіемъ прочесть живое изображеніе этой битвы; но передамъ только тогдашнія сужденія объ этомъ сраженіи знатоковъ военного дѣла. Оуждали, во первыхъ, атаку Ольховой рощи, хотя она и составляла ключъ позиціи. Говорили, что ее можно было взять безъ потери пяти тысячъ человѣкъ, простымъ обходнымъ движеніемъ въ лѣвый флангъ непріятеля; впрочемъ, находили какую-то политическую причину этой фронтальной атаки. Во вторыхъ, сильно досадовали, что не была поддержана блистательная атака Малороссійскаго Кирасирскаго полка. Эта безпримѣрная атака принесла бы удивительные результаты: она, безъ сомнѣнія, принудила бы польскія войска положить оружіе. Но, въ третьихъ, болѣе всего негодовали на то, что главнокомандующій не преслѣдовалъ разбитой непріятельской арміи и на ея плечахъ не вошелъ въ Варшаву. Тогда побѣда была бы полная и рѣшительная.

Адъютантъ, уѣхавшій изъ главной квартиры на другой день послѣ гроховской битвы, говорилъ, что Варшава, не сегодня — завтра, будетъ просить пощады и что война кончена. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ онъ, всѣ были увѣрены въ главной квартирѣ.

Увѣренность въ окончаніи войны сообщалась и намъ; но за этой увѣренностію послѣдовало скорое разочарованіе.

18 февраля мы пришли въ Люблинъ. Въ тотъ же день и Дверницкій выступилъ изъ Пулавъ по люблинскому шоссе.

Движеніе его впередъ свидѣтельствовало, что война не кончилась; но скоро другія событія показали, что она только началась, и началась именно оттого, что не сдумали воспользоваться плодами гроховской побѣды.

Аррьергардъ нашъ, изъ драгунскаго полка, двухъ сотенъ казаковъ и пяти орудій, подъ командой генералъ-маіора Кавера, стоялъ на шоссе, въ Куровѣ, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Люблина.

Другой эшелонъ аррьергарда, изъ драгунскаго же полка и трехъ орудій, стоялъ въ пяти верстахъ за первымъ.

Надобно добавить, что отрядъ нашъ усилился: оставленные въ Красноставѣ, какъ выше сказано, драгунскій полкъ, сотня казаковъ и четыре орудія вошли въ его составъ.

Въ Люблинѣ мы немного отдохнули. Въ продолженіе дня 18 февраля и утра 19-го, все было спокойно; о непріятелѣ было извѣстно только, что онъ тронулся изъ Пулавъ.

Вдругъ, въ два часа пополудни, 19-го, во дворъ корпуснаго командира примчались, во весь опоръ, два всадника, обрызганные съ ногъ до головы грязью. Лошади ихъ едва дышали отъ усталости.

Это были: начальникъ аррьергарда Каверъ и его адъютантъ.

Начальникъ аррьергарда попросилъ, чтобъ его тотчасъ же допустили къ корпусному командиру, несмотря на слой грязи, обильнѣвшей его лицо, изъ-подъ которой сверкали только его дикіе, полупомѣшанные взгляды.

Просьбу исполнили. Корпусный командиръ принялъ Кавера въ кабинетѣ. Что они тамъ говорили, неизвѣстно. Мы, стоявшіе въ залѣ, слышали только, что корпусный командиръ отчего-то сильно и горячо возвышалъ голосъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь изъ кабинета отворилась: вышелъ корпусный командиръ, гнѣвный и встревоженный.

— Прикажите трубить тревогу! сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ адъютантамъ: — да попросить ко мнѣ начальника штаба.

Все въ мигъ засуетилось.

Черезъ полчаса мы уже выступили изъ Люблина, со всѣми остальными войсками, и стали впереди Венявы, на довольно хорошей позиціи.

Смеркалось. Сталъ накрапывать меленькій дождичекъ.

Начальникъ штаба, съ небольшимъ конвоемъ, поскакалъ впередъ взглянуть, что тамъ дѣлается, а мы узнаемъ, между тѣмъ, съ чего поднятъ такую тревогу Каверъ.

Вотъ что случилось.

19 февраля, утромъ, арріергардъ Кавера былъ атакованъ, опрокинутъ и потерялъ три орудія.

Не буду описывать подробностей дѣла. Оно было ведено дурно. Начальникъ до того потерялъ голову, что, какъ мы видѣли, самъ прискакалъ возвѣститъ о своемъ пораженіи, полагая, вѣроятно, что изъ цѣлаго отряда онъ только и уцѣлѣлъ. Каверъ, какъ тогда говорили, былъ въ болѣзненномъ состояніи. Иначе, впрочемъ, нечѣмъ и объяснить его страннаго бѣгства, въ то время, когда его никто не преслѣдовалъ. Въ лихорадочномъ бреду не удивительно, что ему мерещился вездѣ преслѣдующій непріятель. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого поступка было немедленное удаленіе Кавера изъ арміи.

Нельзя не упомянуть о необыкновенномъ героизмѣ, въ дѣлѣ подъ Куровымъ, артиллерійскаго офицера, командовавшаго тремя орудіями, бывшими въ первой линіи арріергарда. Къ сожалѣнію, въ запискахъ моихъ не сохранилось фамиліи этого офицера. Онъ успѣлъ сдѣлать только по два выстрѣла изъ своихъ орудій, картечью, по атаковавшемъ непріятелѣ, и хотя картечь много надѣлала бѣдъ въ рядахъ противниковъ, но атаки не остановила: непріятель сѣлъ на орудія. Офицеръ, съ прислугой, защищался башиками и саблями; но въ пять минутъ польскіе уланы перекололи нашу прислугу пиками, а офицеръ, видя неизбежную потерю орудій, бросился на одно изъ нихъ, обхватилъ его руками и не хотѣлъ сдаваться. Въ этомъ беззащитномъ положеніи остервенѣвшіе польскіе солдаты искололи офицера пиками, и онъ скатился съ орудія мертвымъ.

Еще надобно замѣтить обстоятельство, хотя въ сущности и маловажное, но имѣвшее на куровское дѣло рѣшительное вліяніе.

Первая линія арріергарда стояла по обѣимъ сторонамъ шоссе, на выѣздѣ изъ Курова къ Пулавамъ; орудія помѣщались на самомъ шоссе. Позицію защищала болотистая непроходимая рѣчка. Черезъ рѣчку тянулся длинный, не очень широкій мостъ, упиравшійся прямо въ заставную рогатку, которая была передъ линіею войскъ въ сорока или пятидесяти саженьяхъ. Лучшей оборонительной позиціи, кажется, и желать было невозможно. Для удержанія напора непріятеля проще всего было бы сбросить съ моста нѣсколько настилочныхъ досокъ; но начальникъ арріергарда не догадался этого сдѣлать. Было еще другое средство если не удержать, то, по крайней мѣрѣ, задержать непріятеля. Это средство заключалось въ томъ, чтобъ просто опустить

рогатку; но и того не сдѣлали: о рогаткѣ вспомнили тогда уже, когда непріятельскіе уланы неслись въ карьеръ по мосту.

Не говорю о результатахъ защиты, когда бы мостъ былъ разобранъ; но если бы даже заставная рогатка была опущена, то исходъ дѣла, конечно, былъ бы благопріятнѣе. Пусть непріятель поднимаетъ рогатку подъ картечными выстрѣлами! Похитивъ изъ рядовъ сотни людей, картечь, безъ сомнѣнія, сильно расхолодила бы жаръ нападающихъ.

Начальникъ штаба нашелъ отступившіе полки за Ястковымъ, въ устройствѣ и порядкѣ. Непріятель стоялъ въ Маркушевѣ. Приказавъ, въ случаѣ натиска, отступать полкамъ къ главнымъ силамъ отряда, начальникъ штаба пріѣхалъ назадъ уже ночью.

Войска остались на бивуакахъ, а мы пріютились въ крайнихъ хаткахъ селенія, не смѣя и подумать о томъ, чтобъ раздѣться.

На другой день, еще до разсвѣта, выѣхали мы на позицію. Утро было холодное, туманное; мелкій дождичекъ не переставалъ во всю ночь. Поля разступились въ хляби; только по шоссе и можно было ѣхать.

Корпусный командиръ отправился въ арріергардъ, въ сильныхъ выраженіяхъ изъяснилъ свое неудовольствіе полкамъ и, обращаясь къ офицерамъ, спросилъ:

— Чѣмъ вы загладите свою ошибку?

— Въ первомъ же дѣлѣ будемъ драться на смерти! отвѣчали офицеры.

— Въ такомъ случаѣ, мирюсь съ вами.

Полки эти отлично служили потому до самаго окончанія войны. Вообще, мы убѣждены, что неудачи въ дѣлахъ происходятъ, по большей части, не отъ недостатка храбрости въ войскахъ, а отъ неумѣнья повести ихъ въ дѣло. Въ особенности умѣнье это необходимо съ нашимъ русскимъ солдатомъ. Онъ храбръ до самоотверженія, когда храбрость поддерживается разумно направленнымъ приказаніемъ начальника.

Между тѣмъ, дождь все шелъ спорѣе и промочилъ насъ, какъ говорится, до костей. Не говорю о шинели, все бѣлье на мнѣ было мокро до послѣдней нитки.

Я чувствовалъ, что не только члены—вся внутренность моя коченѣетъ отъ холода. Необходимо было согрѣться. Водки достать было нетрудно: я выпилъ и началъ отогрѣваться. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, мнѣ страшно захотѣлось ѣсть. Я обратился къ

своему казаку, запасливости котораго не разъ уже спасала меня, въ трудныхъ обстоятельствахъ, отъ голода. Казакъ безмолвно вытащилъ изъ тороковъ двухъ жареныхъ куръ. Гдѣ и когда онъ доставалъ все это, не умѣю понять, но, когда бы я ни отнесся къ нему съ вопросами, нѣтъ ли чего нибудь съѣстнаго, всегда находилъ у него готовый запасъ.

Не могу передать, съ какимъ наслажденіемъ истребили мы, съ нѣкоторыми изъ товарищей, эту военную добычу! Отъ пернатыхъ не осталось ни косточки.

Теперь мнѣ было море по колено! Ледяное ожесточеніе дождя казалось мнѣ сущимъ вздоромъ.

Время перешло за полдень. Непріятель не показывался.

Къ двумъ часамъ дождь пересталъ. Только неповоротливая, влажная облака тяжело двигались въ туманномъ воздухѣ, помрачавшемъ свѣтъ дневной до того, что день казался сумерками.

Всѣ досадовали, что непріятель томить насъ напраснымъ ожиданіемъ. Наконецъ, часа въ три, прискакалъ изъ арріергарда казакъ.

— Идетъ! сказалъ онъ.

Съ возвышенности своей позиціи мы увидѣли чернѣвшія вдали непріятельскія колонны. Казаки отступали. Драгунскіе полки, бывшіе въ арріергардѣ, еще прежде появленія непріятеля примкнули къ отряду и стояли на позиціи въ общей массѣ.

Увидѣвъ нашъ отрядъ въ общемъ сборѣ, непріятель остановился. Онъ медлитъ, поджидаетъ свои войска; развернуться по грязи хотя и трудно, но онъ развертываетъ кавалерію; вотъ выдвигаетъ впередъ по шоссе свою артиллерію, ставитъ батарею на позицію; вотъ закрутился клубомъ дымъ — выстрѣлъ, и ядро съ визгомъ шлепнулось въ грязь, посреди нашихъ колоннъ, разметавъ вокругъ себя брызги.

Мы отвѣчали сильной канонадой изъ батарейныхъ орудій. Гранаты съ провзительнымъ воемъ понеслись въ ряды враговъ.

Мы имѣли значительный перевѣсъ въ численности артиллеріи. Снаряды наши наносили замѣтный уронъ непріятелю; его же шестифунтовые ядра безвредно проносились надъ нашими головами или, не долетая, падали въ грязь.

Непріятель, удостовѣрясь, что онъ атакой съ фронта не можетъ вытѣснить насъ изъ нашей крѣпкой позиціи, несмотря на превосходство своихъ силъ, послалъ въ обходъ половину своихъ войскъ, и затѣмъ все-таки онъ остался вдвое сильнѣе насъ.

Понявъ намѣреніе непріятеля, корпусный командиръ приказалъ отступать.

Войска начали отходить эшелонами, стройно, въ порядкѣ, отстрѣливаясь на каждомъ шагѣ. Непріятель, впрочемъ, не сильно и напиралъ.

Главная забота наша была въ томъ, чтобъ пройти засиѣтло городъ, который удержать за собой, при своемъ малосиліи, мы никакъ не могли. При слабомъ преслѣдованіи, намъ это удалось совершенно,

Городъ, бывшій за часъ передъ тѣмъ въ нашей власти, какъ побѣдителей, теперь оставался нами, какъ побѣжденными. Мы проходили по его улицамъ съ чувствомъ оскорбленнаго военного самолюбія. Стало смеркаться. Мы прошли по большому деревянному мосту черезъ рѣку Быстрицу, при которой стоитъ Люблинъ и которою мы располагали прикрыться. Аррьергардъ оставленъ былъ за Быстрицей. Ему приказали, въ случаѣ натиска, отступать также за Быстрицу и тотчасъ зажечь мостъ, для истребленія котораго заблаговременно уже былъ подложенъ, въ большомъ количествѣ, хворостъ съ соломою.

Войска отряда расположились за Быстрицей на бивуакахъ, по колѣно въ грязи.

Наступила темная, туманная ночь, сырая и холодная.

Шалашей не строили, огней не разводили. Только для корпуснаго командира принесли изъ ближней деревни нѣсколько вязанокъ соломы и сѣна, дюжины двѣ бревенъ и досокъ отъ заборовъ. Все это свалили на грязь, подмостили и только для него развели большой огонь. Онъ легъ на кучу сѣна, и скоро сюда собрались всѣ генералы и штабы отряда.

Корпусный командиръ спокойно рассказывалъ разные случаи изъ войны съ Французами въ 1807 году, которая начата была также въ зимнюю пору и въ этомъ отношеніи имѣла много общаго съ настоящей кампаніей. Онъ сравнивалъ теперешнее наше положеніе съ тогдашнимъ и, между прочимъ, рассказывалъ слѣдующій случай.

— Ночь эта, началъ онъ:—напоминаетъ мнѣ дѣло подъ Мурнгеномъ 13 января 1807 г. Помню даже число: такъ это дѣло для меня памятно. Я служилъ въ Сумскомъ Гусарскомъ полку и командовалъ лейбъ-эскадрономъ. Послѣ отступленія отъ Пултуска, когда Наполеонъ размѣстилъ войска свои по квартирамъ, Бенигсенъ вздумалъ воспользоваться разобщеннымъ положе-

ніемъ непріятеля и разбить корпуса его поодиначкѣ. Тогда была у всѣхъ одна мечта: захватить Наполеона врасплохъ и бить его по частямъ, потому что въ массѣ одолѣть его было невозможно. Эта метода, конечно, очень хороша, но только не всегда была успѣшна съ Наполеономъ, который въ военномъ дѣлѣ ни на какую ловушку не поддавался. Всѣ наступательныя дѣйствія, какія предпринимали мы противъ Наполеона, воображая, что онъ стоитъ разиня ротъ, кончались тѣмъ, что мы сами едва унесли ноги. Напримѣръ, въ шестомъ году, въ самомъ началѣ кампаніи, при наступленіи къ Сохочину, мы едва не растерли всей арміи. Только геройская оборона Остермана подъ Чарновымъ, да невылазная грязь, вотъ какъ теперь, передъ нами, которая отнимала у Наполеона возможность двигать войска съ его обыкновенной быстротой, — только это и спасло армію. Въ досадѣ, Наполеонъ называлъ тогда польскую грязь пятой стихіей. Замедленіе Наполеона дало возможность нашимъ, блуждавшимъ безцѣльно, полкамъ кое-какъ стянуться къ Пултуску и Голымину. Въ двѣнадцатомъ году мы тоже попробовали было поймать Наполеона врасплохъ и двинулись къ Руднѣ, да чуть не потеряли черезъ это Смоленскъ и сообщеніе съ Москвой. Эти наступленія, съ рѣшительнымъ и прозорливымъ противникомъ, нелегки: ихъ надобно предпринимать съ большой осмотрительностью, а ужъ если предприняли, такъ надобно дѣйствовать очертя голову, быстро, смѣло, не топтаться на мѣстѣ. Но повторяю, что это задача нелегкая. Беннгсенъ обольстился мыслью поколотить Наполеона и также двинулся впередъ. Сохочинскій урокъ, который за мѣсяцъ передъ тѣмъ данъ былъ предмѣстнику Беннгсена, казалось, еще не могъ забыться; но — или чужіе уроки не назидательны, или подобныя дѣйствія были тогда въ модѣ — мы увлеклись искушеніемъ, хотя и мало имѣли ручательства въ успѣхѣ. Сначала мы наступали безпрепятственно; но скоро, по нѣсколькимъ авангарднымъ стычкамъ, Наполеонъ проникъ наше намѣреніе. Тогда хотя наступленіе наше не имѣло такого неблагопріятнаго исхода, какъ прежде, но не принесло и пользы: не разбивъ никого, мы должны были сами отступать, по сквернымъ дорогамъ, съ неизбежными въ такихъ случаяхъ потерями. Сверхъ того, принуждены мы были выдержать кровопролитнѣйшее сраженіе (подъ Прейсишъ-Эйлау), которое также не принесло никакихъ плодовъ, а, между тѣмъ, погубило десятки тысячъ храбрыхъ... Но обращаюсь къ морунгенскому дѣлу. Полкъ

нашъ, при этомъ наступленіи, о которомъ я сейчасъ говорю, составлялъ второй эшелонъ авангарда, подъ командой Анрена, генерала съ большими военными достоинствами. Онъ тутъ же, подъ Морунгеномъ, и убитъ. Первымъ эшелономъ командовалъ Марковъ, который также пользовался въ арміи извѣстностію храбраго и распорядительнаго генерала. Въ Морунгенѣ Марковъ столкнулся съ слабымъ французскимъ отрядомъ и уничтожилъ его; но черезъ два часа передъ нимъ развертывались уже массы цѣлаго корпуса Бернадота. Марковъ успѣлъ занять, верстахъ въ двухъ передъ Морунгеномъ, выгодную позицію и съ мужествомъ оборонялся, до поздняго вечера, противъ многочисленнаго и искуснаго непріятеля. Но все-таки онъ былъ бы истребленъ, еслибъ не спасъ его особенный счастливый случай. Въ этомъ счастливомъ случаѣ полкъ нашъ игралъ первую роль. Бернадотъ, въдесятеро сильнѣйшій, уже обошелъ оба фланга Маркова и готовился раздавить его своими массами, какъ вдругъ доносить ему, что Русскіе въ Морунгенѣ, въ тылу... Изумленный Бернадотъ самъ удостовѣряется въ этомъ по перестрѣлкѣ, которая загорѣлась въ Морунгенѣ. Это было уже вечеромъ. Не видя, за темнотою, въ какихъ силахъ явился неожиданный противникъ, Бернадотъ, разумѣется, оставляетъ Маркова въ покоѣ и обращаетъ двѣ трети своихъ силъ назадъ, въ Морунгенъ, гдѣ уже мы побѣдоносно хозяйничали. Какъ же мы попали въ Морунгенъ, я самъ не понимаю. По приходѣ въ Либштатъ, верстахъ въ двѣнадцати отъ Морунгена, полкъ нашъ и еще какой-то драгунскій—помнится, Курляндскій—отправили къ Морунгену. Мы слышали, что Марковъ уже тамъ, но что онъ дерется, того не знали. Вѣтеръ бушевалъ съ такой силой, что мы за пять верстъ не могли слышать канонады. Полкъ нашъ не попалъ на прямую морунгенскую дорогу, а взялъ лѣво и, обогнувъ дугу верстъ въ двадцать, пришелъ, когда уже совсѣмъ смерклося, безпрепятственно въ Морунгенъ, съ совершенно противоположной стороны отъ Либштата. Ничего не зная, не видя, что дѣлается въ двухъ верстахъ передъ нами, мы смѣло вторгнулись въ Морунгенъ. Тамъ нашли разныя нестроевыя команды, обозы, экипажи начальниковъ, команды больныхъ, плѣнныхъ, — словомъ, все, что остается въ тылу, когда войско идетъ въ дѣло. Все это въ мгновеніе разобрали по рукамъ, разогнали, разметали и надѣлали такой кутерьмы, что эти заполошныя команды отдавались намъ, какъ сонныя куры. Я, съ своимъ эскадрономъ, въ упоеніи

побѣды, пронесся черезъ все мѣстечко и, преслѣдуя бѣжавшія толпы, выскакалъ въ либштатскую заставу... Вдругъ со всѣхъ сторонъ ринулись на меня Французы и въ тотъ же моментъ меня окружили... Это были передовыя войска Бернадота, спѣшившія на выручку своихъ въ Морунгенъ. Тутъ мы страшно схватились въ рукопашный бой. Я силился пробиться; но французскіе гусары дали мнѣ ранъ десятокъ по головѣ... я безъ чувствъ свалился съ лошади и очнулся—въ плѣну у Французовъ. Однакожь, послѣ, я съ радостію, узналъ, что эскадронъ мой все-таки пробился, хотя и съ большимъ урономъ. Такъ вотъ какой случай напомнила мнѣ нынѣшняя ночь.

Любопытный рассказъ генерала заставилъ насъ забыть на время непріятности нашего положенія; но это обольщеніе скоро разсѣялось.

Люблинъ, въ прямомъ направленіи, былъ отъ насъ не болѣе версты. Раскидывался на высотахъ, онъ во мглѣ ночи обрисовывался на горизонтѣ черными очертаніями нестройной массы домовъ, костеловъ и садовъ. Вотъ несутся изъ города торжествующіе клики — знакъ, что вступаетъ въ него побѣдитель... Слышимъ звонъ въ колокола, пальбу, неистовое «ура». Это жители встрѣчаютъ нашего врага...

Вдругъ на выѣздѣ изъ города, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нашъ арріергардъ, раздался шумъ, подобный шуму прорвавшейся плотины, смѣшанный съ крикомъ тысячи голосовъ. Непріятель неистово кинулся на нашъ арріергардъ, опрокинулъ его и преслѣдовалъ по шоссе. Шумъ становился слышнѣе и слышнѣе и несяся прямо на насъ. Черезъ нѣсколько минутъ вспыхнула мостъ и яркимъ блескомъ освѣтилъ окрестность. Въ то же время спѣшенные драгуны, застѣнные по берегу р. Быстрицы, открыли по наступавшему непріятелю ружейный огонь; загремѣли орудія.

Картина была неизобразимо прекрасная: гулъ скачущей по шоссе и чрезъ мостъ кавалеріи, смѣшанный крикъ множества голосовъ, ружейная пальба, сверкавшая во мракѣ ночи яркими звѣздочками, зыкъ пушечныхъ выстрѣловъ, покрывавшихъ всю эту трескотню, пылающій мостъ, фигуры всадниковъ, рисовавшіяся на огнѣ пламенными очертаніями,—все это наводило ужасъ, но и приводило въ восторгъ.

Мы крѣпко боялись, что, при сильной мокротѣ, мостъ не загорится и Поляки прорвутся за Быстрицу; но они, доскакавъ до

пылавшаго моста, гдѣ ихъ встрѣтили дружно картечью и пулями, остановились и отошли изъ-подъ выстрѣловъ.

Аррьергардъ нашъ, между тѣмъ, опять устроился, и черезъ полчаса, на всемъ пространствѣ, водворилась такая тишина, какъ будто здѣсь не было души человѣческой. Только слышно было, какъ войска наши выходили изъ грязнаго логовища на шоссе и продолжали отступленіе по дорогѣ къ Краснотаву.

Долго видѣлся въ тылу нашемъ пылающій мостъ, и пальба не разъ возобновлялась на берегу рѣки.

Мы шли безостановочно. Въ два часа ночи пришли къ разоренной деревнѣ и стали бивуаками. Корпусный командиръ, со всемъ своимъ штабомъ, помѣстился въ большой пустой корчмѣ, въ одной комнаткѣ которой уцѣлѣла какимъ-то чудомъ оконная рама, дверь и даже больше половины оконъ. Эту комнату и занялъ генералъ. Въ прочихъ жилыхъ помѣщеніяхъ все было опустошено, и вѣтеръ свободно разгуливалъ по обширному строенію, завывая на разные голоса.

Затопили каминъ — въ Польшѣ вездѣ есть каминны, и во многихъ мѣстахъ они замѣняютъ печи — принесли соломы. Все повалилось на отдыхъ, а начальникъ штаба, оберъ-квартирмейстеръ, дежурный штабъ-офицеръ и я принялись за составленіе на слѣдующій день диспозицій и приказаній. Черезъ часъ и начальствующие отправились на покой, а я остался для передачи всѣхъ распоряженій, письменно, прибывшимъ для того отъ войскъ офицерамъ. Когда я отпустилъ ихъ и кончилъ всѣ работы, уже разсвѣтало.

Я нашелъ себѣ какой-то чурбанъ, положилъ его подъ голову и, совсѣмъ одѣтый, но не совсѣмъ обсохшій, заснулъ тотчасъ же сномъ праведника.

На другое утро мы продолжали отступленіе и отступали еще трое сутокъ, тревожимые непріятелемъ уже слабѣе прежняго. На четвертый день мы свернули съ шоссе влѣво; Дверницкій же продолжалъ идти по шоссе, не обращая на насъ вниманія и не боясь, что мы можемъ атаковать его во флангъ или въ тылъ. У него, какъ ниже увидимъ, была другая, болѣе важная цѣль, нежели преслѣдованіе нашего отряда. Теперь же онъ шелъ къ крѣпости Замостью.

Освобожденные отъ преслѣдованія, мы вздохнули легко и свободно. Первый ночлегъ былъ уже не на бивуакахъ, а въ теплой избѣ. Этого счастья нельзя выразить словами.

Скоро мы узнали еще неутѣшительныя новости: главная квартира наша, простоявъ нѣсколько дней на побѣдныхъ поляхъ гроховскихъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, что Варшава падетъ къ ногамъ побѣдителя, поняла наконецъ тщетность своихъ надеждъ. Надобно было поправить ошибку и вознаградить потерянное время. Рѣшили перенести войну на лѣвый берегъ Вислы. Съ этой цѣлью армія двинулась къ Шенницъ, гдѣ уже заблаговременно устраивали переправу. Передъ Варшавой оставленъ былъ корпусъ Розена, понесшій значительный уронъ въ сраженіи подъ Гроховымъ и черезъ то ослабѣвшій въ составѣ. Полагали, что Поляки, оглушенные недавнимъ погромомъ, не осмѣлятся дѣйствовать наступательно. Въ этомъ убѣжденіи и для большаго удобства въ продовольствіи, Розенъ размѣстился просторно и часть корпуса расположилъ даже по квартирамъ. Но Поляки не сидѣли сложа рукъ: едва армія наша удалилась, какъ генералиссимусъ польскихъ войскъ, Скржинецкій, рѣшился на смѣлый и хорошо рассчитанный шагъ. Съ превосходными силами онъ напалъ внезапно на Розена и подъ Дембе-Вельки разбилъ его. Успѣхъ этотъ ободрилъ упавшій духъ Поляковъ и воспламенилъ угасшія ихъ надежды. Съ усиленною энергіею они схватились за средства къ продленію борьбы. Одержанный успѣхъ на главномъ пунктѣ дѣйствій пробудилъ въ нихъ увѣренность въ своихъ силахъ и поколебалъ вѣрованіе въ непобѣдимость своихъ могущественныхъ противниковъ. За первой удачей они ждали и многихъ.

VII.

27 февраля, рано утромъ, сдѣлавъ въ три перехода фланговое движеніе, мы снова подступили къ Люблину съ сѣдлечкой дороги.

Движеніе это, по справедливости, слѣдуетъ назвать искуснымъ и смѣлымъ, потому что оно произведено почти въ глазахъ противника спльнаго и упоеннаго успѣхомъ.

Утро 27 было холодное; подморозило столько, что мы свободно могли развертываться и дѣйствовать.

Въ какихъ силахъ былъ непріятель въ Люблинѣ, достовѣрно не знали, но слышали, что Дверницкій не раздроблялъ своего отряда, направляясь къ Замостью. Слѣдовательно, большихъ силъ ожидать мы не могли.

Подходя къ городу, мы видѣли съ высотъ, что нѣсколько десятковъ непріятельскихъ кавалеристовъ улепетывали отъ насъ во весь опоръ въ противоположную заставу, по дорогѣ въ Краснотавъ. Изъ этого заключили, что въ городѣ немного войскъ. Однакожъ, мы подходили съ осторожностію.

Въ передней колоннѣ было 2 драгунскихъ полка и 12 батерейныхъ орудій. Колонну велъ начальникъ штаба.

Драгунъ спѣшили и вмѣстѣ съ артиллеріей подвели къ заставѣ, безъ всякаго препятствія. Здѣсь остановились.

Въ городѣ была тишина могильная. Его можно было счесть оставленнымъ жителями, еслибъ только на главной улицѣ, противъ которой мы остановились, не собралась, въ полуверстѣ отъ насъ, порядочная толпа любопытныхъ. Солдатъ ни въ городѣ и нигдѣ не видно было ни одного человѣка.

Изъ толпы отдѣлились два всадника, съ привязанными къ палкамъ бѣлыми платками. Всадники поспѣшно ѣхали къ намъ, подымая, по инстинкту самохраненія, сколько можно выше привязанные къ палкамъ символы мира, изъ естественнаго желанія, чтобъ въ нихъ не стрѣляли.

— Это парламентары! пронеслось по нашимъ рядамъ.

Подѣхали два какихъ-то обывателя, въ мундирахъ, блѣдые отъ страха, и униженно просили начальника штаба не стрѣлять, потому что въ городѣ никакихъ войскъ нѣтъ. Начальникъ штаба отправилъ ихъ далѣе, къ корпусному командиру.

Когда слышали, что въ городѣ войскъ нѣтъ, то одинъ изъ полковыхъ командировъ, спрося позволенія начальника штаба и взявъ съ собой адъютанта, ординарцевъ и трубача, отправился въ городъ, съ намѣреніемъ узнать отъ жителей нѣкоторые подробности. Не проѣхавъ онъ двухсотъ шаговъ, какъ изъ одного дома сѣѣлами выстрѣлъ. Полковникъ схватилъ себя за лѣвую щеку.... онъ былъ раненъ, но чрезвычайно счастливо: пуля только оцарапала щеку. Кровь потекла ручьемъ — полковникъ тотчасъ воротился.

Начальникъ штаба, увидѣвъ рану полковника, вспицѣлъ справедливымъ негодованіемъ. Онъ и безъ того былъ озлобленъ на жителей за ихъ восторженную встрѣчу врага, девять дней тому назадъ. Не ожидая приказанія, онъ тотчасъ же открылъ канонаду по городу.

Загремѣли батарейныя орудія; черепки лопавшихся гранатъ

запрыгали по крышамъ домовъ и костеловъ. Толпы зѣвакъ мгновенно исчезли съ улицы, и городъ опустѣлъ совершенно.

Подѣхалъ корпусный командиръ и приказалъ прекратить канонаду; но онъ подозвалъ къ себѣ парламентаровъ, которые ѣхали тутъ же въ свитѣ, и спросилъ ихъ по польски:

— Что жь это, господа?

Корпусный командиръ говорилъ на многихъ языкахъ и польскимъ владѣлъ въ совершенствѣ.

— Что жь это? я васъ спрашиваю! повторилъ генералъ грозно: — новое предательство? вѣдь я васъ сейчасъ разстрѣляю, какъ изменниковъ!

Парламентеры перенугались не на шутку. Они что-то путали, вралли. Изъ ихъ несвязнаго объясненія мы поняли только, что они изъ цеха мастеровыхъ и вовсе не были уполномочены отъ властей города ѣхать къ намъ для переговоровъ, но, по убѣдительной просьбѣ цеховыхъ, въ предупрежденіе кровопролитія и убытковъ, рѣшились на такую опасную выходку. Они даже не знали, кто именно начальствуетъ теперь въ городѣ, потому что Дверницкій всѣ прежнія власти разогналъ, а постановилъ по-выл. Очевидно, что въ городѣ было безначаліе. Насчетъ войскъ, были ли они въ городѣ, нѣтъ ли, эти самозванцы-парламентеры, навѣрное, и сами ничего не знали. Выстрѣлъ же, сдѣланный въ полковника, они приписывали какому нибудь безумцу-фапантику изъ обывателей.

Корпусный командиръ увидѣлъ изъ отвѣтовъ, что этихъ пословъ руководила глупость и отчасти неурядица въ городѣ, и потому отпустилъ ихъ.

Между тѣмъ, на правомъ нашемъ флангѣ, скрывавшемся отъ насъ за высотами и кустарниками, слышна стала ружейная перепалка, сначала слабая, потомъ слышнѣе, а вскорѣ послышалась и пушечные выстрѣлы.

На правый флангъ, когда подходили къ Люблину, былъ посланъ изъ резерва драгунскій полкъ, съ двумя орудіями. Его-то встрѣтила непріятельская пѣхота и открыла перестрѣлку.

Корпусный командиръ послалъ меня узнать, что дѣлается на правомъ флангѣ.

Я поскакалъ.

Вскакавъ на возвышеніе, я увидѣлъ, что наши спѣшенные драгуны перестрѣливаются съ польскими пѣхотными стрѣлками, которые, раз сыпавшись на открытой мѣстности, попадавали се-

бѣ для препровожденія времени, потому что убитыхъ съ нашей стороны былъ только одинъ да раненыхъ человекъ пять. На сторонѣ непріятеля уронъ былъ не больше нашего.

Стрѣлковъ въ разсыпанной непріятельской цѣпи было человекъ до пятидесяти, да въ резервѣ, въ разныхъ мѣстахъ, по огородамъ и за домами, видѣлось человекъ до трехсотъ. Нигдѣ больше непріятельскихъ войскъ я не замѣтилъ, хотя осматривая все пространство внимательно и хладнокровно.

Я поскакалъ въ застрѣльщичью цѣпь. Пули летали-таки порядочно.

Одинъ эскадронъ драгунъ былъ спѣшенъ и разсыпанъ въ стрѣлки; другой, на конѣ, стоялъ неподалеку. Дивизиономъ этимъ командовалъ майоръ.

— Господинъ майоръ! сказалъ я, подъѣхавъ къ нему: — не лучше ли атаковать Поляковъ? Стрѣлки ихъ совершенно открыты.

Майоръ далъ стрѣлкамъ аппель и сигналъ садиться, а конному эскадрону командовалъ: «врознь! маршъ-маршъ!»

Эскадронъ вразсыпную понесся на непріятельскихъ стрѣлковъ. Мы, съ майоромъ, скакали впереди. Стрѣлки опростеью бросились къ огородамъ, которые были отъ нихъ шагахъ во ста; успѣли скрыться за плетни, прежде, чѣмъ мы настигли ихъ. Изъ-за плетней, стрѣлковые резервы и подбѣжавшее еще подкрѣпленіе, открыли по насъ батальонный огонь. Пули зажужжали какъ пчелы. Нѣсколько драгунъ свалилось съ лошадей.

Я поскакалъ назадъ, къ полковнику, который, съ остальною частію своего полка, подвигался на рысяхъ вслѣдъ за своимъ передовымъ дивизиономъ, и просилъ о подкрѣпленіи дивизиона. Полковникъ распорядился спѣшнить еще два эскадрона, съ тѣмъ, чтобы вытѣснить изъ огородовъ непріятельскую пѣхоту.

Четыре спѣшенныхъ эскадрона тотчасъ же повели въ атаку. Пошелъ и я съ ними, но не спѣшенный, а верхомъ.

Непріятель открылъ по насъ батальный огонь, но далеко. Это показало, что мы имѣемъ дѣло не съ отличной пѣхотой. Драгуны шли безъ выстрѣла, ровно, стройно. Нѣсколько рядовъ было вырвано пулями; но драгуны не смутились. Не доходя шаговъ шестидесяти до плетней, они съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки. Поляки побѣжали; драгуны, чрезъ плетни, за ними. Но къ Полякамъ подошло подкрѣпленіе: наши остановились, зашли по огородамъ, и дѣло завязалось.

Я поскакалъ къ корпусному командиру и объяснилъ, въ чемъ дѣло.

Корпусный командиръ отправилъ къ мѣсту боя, на большихъ рыскахъ, еще два полка и четыре батарейныхъ орудія, поручилъ войска эти начальнику штаба и предоставилъ ему свободу дѣйствовать по усмотрѣнію.

Мы помчались на правый флангъ. Въ продолженіе дороги я рассказалъ начальнику штаба, какъ мы атаковали стрѣлковъ и пѣхоту и какъ начали дѣло.

Прискакавъ на мѣсто боя, начальникъ штаба ловко повернулъ дѣло: спѣшилъ еще восемь эскадроновъ; велѣлъ сломать плетни и заборы; ввелъ въ огороды батарейныя орудія; разсыпаннымъ драгунамъ далъ аппель и открылъ по непріятелю убійственный картечный огонь, на разстояніи ружейнаго выстрѣла.

Поляки держались не болѣе четверти часа, отвѣчая на картечь батальнымъ огнемъ. Но картечь страшно опустошала ряды ихъ. Огонь ихъ сталъ умолкать, порядокъ разстроиваться, ряды заволновались, и вдругъ вся масса, нестройной толпой, обратилась въ бѣгство.

Преслѣдовать бѣжавшихъ кавалеріею было невозможно, потому что огороды изрыты были грядями и перекопаны ямами — преслѣдовали картечью.

Но Поляки бѣжали недалеко. Вблизи, за огородами, была водяная мельница и при ней большой мукомольный амбаръ. Въ этотъ-то амбаръ и укрылись бѣжавшіе.

Послали драгунъ на штурмъ; но изъ амбара встрѣтили ихъ сильнымъ огнемъ. Тогда начальникъ штаба, во избѣжаніе траты людей, велѣлъ подвезти къ амбару, на сто сажень дистанціи, орудія и бить гранатами и брандсугеллями.

Съ 20 выстрѣловъ амбаръ вспыхнулъ и разрушился.

Поляки сдались. Плѣнныхъ было: штабъ-офицеръ, 4 оберъ-офицера и болѣе 200 нижнихъ чиновъ, вооруженныхъ оставшихъ солдатъ и обывателей. Слишкомъ 150 убито и ранено.

Дѣло было кончено съ небольшимъ въ часть времени.

Начальникъ штаба легко былъ раненъ въ ногу пулею вскользь; но онъ объявилъ о своей ранѣ уже по окончаніи дѣла.

Съ нашей стороны потеря была очень малая.

Отъ плѣнныхъ узнали, что защитниковъ въ городѣ было до 400 человекъ, въ числѣ которыхъ около сотни было ветерановъ-охотниковъ и жителей.

Всѣ защитники сосредоточены были на этомъ пунктѣ и войскъ нигдѣ больше не оставалось; слѣдовательно, городъ былъ взятъ окончательно.

Окончивъ дѣло, мы, ведя плѣнниковъ, явились къ корпусному командиру, остававшемуся на прежнемъ мѣстѣ, у заставы города.

Въ это время показалась на улицѣ депутація отъ города, съ бѣлыми хоругвями и городскими ключами. Городъ покорился.

Корпусный командиръ принялъ торжественно ключи, но депутаціи сказалъ нѣсколько сильныхъ, укорительныхъ словъ, за ихъ вѣроломство.

Приказано было части войскъ вступить въ городъ, а остальнымъ оставаться на бивуакахъ.

Въ одиннадцатъ часовъ мы вошли въ городъ, съ музыкою.

Проходя по одной изъ улицъ, мы были изумлены внезапнымъ выстрѣломъ изъ ближайшаго дома. Выстрѣломъ ранило лошадь у одного казака изъ конвоя корпуснаго командира.

Шествіе остановилось. Генералъ закипѣлъ гнѣвомъ.

Главные депутаты города, сопровождавшіе верхомъ корпуснаго командира, еще болѣе нашего были поражены такою неожиданностію. Отъ стыда и смущенія, блѣдные, встревоженные, они не смѣли глазъ поднять.

— Теперь уже я не буду щадить измѣнниковъ! сказалъ генералъ депутатамъ строго. Распорядитесь! продолжалъ онъ, обращаясь къ начальнику штаба, а самъ поѣхалъ дальше, съ своимъ штабомъ и конвоемъ.

Войска тронулись за нимъ.

Начальникъ штаба остался съ полусотнею казаковъ.

Какъ только послѣдовалъ выстрѣлъ, казаки, въ то же мгновеніе, бросились въ домъ и черезъ десять минутъ вывели оттуда какого-то обывателя. Его подвели къ начальнику штаба.

— Ты выстрѣлилъ? спросилъ генералъ, кипя негодованіемъ.

Обыватель не говорилъ ни слова, какъ нѣмой, и только бросалъ вокругъ себя угрюмые, дикіе взгляды.

Начальникъ штаба повторилъ свой вопросъ.

Полякъ упорно молчалъ.

— Онъ, ваше превосходительство! отозвался одинъ изъ казаковъ:—я самъ видѣлъ, какъ онъ бросилъ ружье въ колодезь.

— Повѣсить же его! крикнулъ начальникъ штаба.

Казаки мгновенно схватили Поляка, достали съ сѣдла ар-

канъ, и черезъ минуту несчастный висѣлъ уже на фонарномъ столбѣ, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ...

Все это сдѣлалось такъ быстро, что бѣднякъ не успѣлъ даже подумать о своемъ послѣднемъ часѣ.

Начальникъ штаба догналъ корпуснаго командира въ то время, когда депутаты города продолжали еще униженно извиняться въ несчастномъ и непредвидѣнномъ происшествіи.

Начальникъ штаба, не знавшій ни слова по польски, въ отвѣтъ на эти извиненія, сказалъ тѣмъ депутатамъ:

— Je vous réponds que le traître ne s'avisera plus de tirer, et que les autres, en le voyant, se garderont bien de le faire aussi. (Ручаюсь, что измѣнникъ этотъ стрѣлять уже не будетъ, да и другіе, глядя на него, остерегутся.)

Мы вступали въ Люблинъ съ вѣрной надеждой на отдыхъ и успокоеніе и не обманулись: всѣ удовольствія мирнаго квартированія возвратились къ намъ на эти дни. Переходъ отъ продолжительныхъ, тяжкихъ лишеній къ жизненнымъ удобствамъ былъ отраденъ выше всякаго выраженія. Онъ оцѣнивается настоящимъ образомъ только въ военное время.

Наконецъ, послѣ десятидневной разлуки, явился ко мнѣ желанный вьюкъ мой, но — увы! — съ значительнымъ ущербомъ: одинъ изъ моихъ чемодановъ былъ потерянъ; въ немъ было платье и сто рублей серебромъ денегъ.

Разыскивать пропажу чемодана было бесполезно и невозможно, при тѣхъ безпорядкахъ, какіе неминуемо сопутствуютъ всякому отступленію.

Я остался почти съ тѣмъ платьемъ, какое было на мнѣ; но денегъ еще было достаточно: сто цѣлковыхъ сохранилось въ другомъ, уцѣлѣвшемъ чемоданѣ, да червонцевъ сорокъ имѣлось при мнѣ. Поэтому въ четыре дня я одѣлся съ иголочки. Въ Люблинѣ все можно было достать, несмотря на войну, и портные были тамъ очень хорошіе. Обмундированіе наново пришло совершенно кстаті: въ Люблинѣ полученъ былъ приказъ объ утвержденіи меня старшимъ адъютантомъ. Во всякомъ случаѣ, прежнее обмундированіе наполовину бы не годилось.

Реляція о взятіи Люблина составлена была великолѣпно. Дѣло, само по себѣ, недурное, хотѣли еще прикрасить и разукрасили на славу.

Нельзя не сказать, къ сожалѣнію, что этотъ способъ прикрашиванія, кажущійся съ перваго взгляда весьма невиннымъ,

становится преступнымъ, когда употреблется во зло, потому что въ основаніи его лежитъ корыстное начало, именно: тщеславіе и неутолимая жажда награды. А, между тѣмъ, реляціи служатъ матеріалами для будущей исторіи. Можно ли же безусловно вѣрять въ такіе факты? Конечно, между современниками, сколько намъ извѣстно, немногимъ удалось составить себѣ перомъ прочную военную славу: какъ ни украшай свое дѣло, а все-таки и изъ-подъ блестящей оболочки слова высывается наружу уродство. Но потомство, вѣрующее преимущественно въ письменные, оффиціальныя памятники, легко можетъ впасть въ заблужденіе.

Скоро вышли и награды за взятіе Люблина. Щедростію своею онѣ превзошли ожиданіе.

Причина такой щедрости была, съ одной стороны, въ томъ, что движеніе къ Люблину, въ близкомъ присутствіи многочисленнаго и торжествующаго непріятеля, какъ мы уже и говорили, дѣйствительно заслуживало вниманіе; съ другой, что взятіе Люблина былъ *первый* нашъ успѣхъ на второстепенныхъ пунктахъ дѣйствій въ Польской войнѣ, начало которой вообще было не слишкомъ для насъ благоприятно. Но главная причина, какъ многіе думали, была та, что Люблинъ взяли — спѣшныя драгуны.

Блаженный памяти Императоръ Николай Павловичъ, какъ извѣстно, былъ кореннымъ преобразователемъ драгунъ. Онъ далъ этому войску новую жизнь, новую организацію и развилъ до возможнаго совершенства его тактическое устройство. Онъ желалъ сдѣлать изъ драгунъ летучую шхоту и, тотчасъ послѣ войны, привелъ мысль свою въ исполненіе. Почему знать, когда и отчего мысль эта родилась въ умѣ Государя? Можетъ быть, именно послѣ взятія Люблина, гдѣ на дѣлѣ оказалось возможнымъ ея осуществленіе?

Государь постоянно изливалъ милости свои на драгунъ, и, быть можетъ, за начало этого благоволенія драгуны обязаны штурму люблинскому.

Черезъ два дня послѣ взятія Люблина, пріѣхалъ туда начальникъ главнаго штаба арміи, генералъ графъ Толъ, пользовавшійся самою блистательною извѣстностію въ нашихъ арміяхъ по своимъ высокимъ военнымъ дарованіямъ. Онъ привелъ съ собою отборныя войска: двѣ дивизіи гренадерскія, кирасирскую и уланскую. Этими превосходнымъ полкамъ, покрывшимъ себя

славой въ кровопролитной битвѣ 13 февраля подъ Гроховымъ, предназначалось теперь иное, не менѣ славное поприще: полки эти присланы были для истребленія Дверницкаго.

Непрерывный рядъ успѣховъ Дверницкаго надъ нашими слабыми отрядами, возмущавшихъ гордость всей нашей арміи и даже всей Россіи, требовалъ наконецъ принятія рѣшительныхъ мѣръ, чтобъ положить предѣлъ торжеству, едва ли даже заслуженному. Что было причиной успѣховъ Дверницкаго? Раздробленіе части нашихъ силъ на мелкіе отряды, дѣйствовавшіе на большомъ пространствѣ безъ связи и взаимной обороны.

Графъ Толь взялся за дѣло съ свойственною ему энергіею и быстро пошелъ за Дверницкимъ. Но зрѣло обдуманное предпріятіе, представлявшее всѣ вѣроятности несомнѣннаго торжества, оказалось неисполнимымъ. Въ то время, когда Толь вступилъ въ Люблинъ, Дверницкій былъ всего за два перехода отъ Замостья. Свѣдавъ о приближеніи страшнаго противника, Дверницкій успѣшно укрылся за крѣпостныя стѣны. Чтобъ нанести вредъ Дверницкому, нужно было осаждать крѣпость или взять ее штурмомъ; но для перваго предпріятія не было ни средствъ, ни времени, а второе — былъ безплодный рискъ.

Съ затаенной досадою графъ Толь повернулъ назадъ: онъ долженъ былъ немедленно присоединиться къ главной арміи, въ которой выбитіе лучшей массы войскъ дѣлало значительный ущербъ въ силахъ.

Генералъ Толь оставилъ при нашемъ отрядѣ литовскую гренадерскую бригаду, состоявшую изъ трехъ превосходно устроенныхъ полковъ, подъ командой генерала, котораго знаетъ вся Россія и который, еще въ первыхъ офицерскихъ чинахъ, пріобрѣлъ извѣстность по твердости своего характера, по мужеству и хладнокровію въ бояхъ.

VIII.

Въ Люблинѣ я былъ свидѣтелемъ смертной военной казни. По конфирмаціи графа Толя, слѣдовало разстрѣлять двухъ Поляковъ, а надъ третьимъ исполнить только обрядъ казни, а потомъ оставить его на свободѣ. Этого, третьяго, перепугали бѣднаго чуть не до смерти.

Это были тѣ самые обыватели, которые обличались въ измѣны противъ Русскихъ, при истребленіи въ Пулавахъ нашего

эскадрона, и которыхъ еще я долженъ былъ взять, но не взялъ, по причинамъ, объясненнымъ выше, въ пятой главѣ этихъ отрывковъ.

Когда мы взяли Люблинъ и, на всемъ пространствѣ воеводства до Вислы, непріятеля нигдѣ уже не было, тогда не предстояло никакого затрудненія схватить преступниковъ обыкновеннымъ полицейскимъ способомъ, не прибѣгая къ силѣ оружія. Такъ и было сдѣлано: послали аудитора съ жандармами и казаками, и онъ, какъ юристъ и обезпеченный, притомъ, отъ всякой помѣхи и нападеній со стороны непріятеля, безспорно лучше меня обработалъ это дѣло. Онъ, на свободѣ, могъ дѣлать всевозможныя разысканія.

Уличенныхъ болѣе или менѣе въ измѣнѣ захватили въ Пулавахъ восемнадцать человекъ. Всѣхъ ихъ судили при корпусномъ штабѣ по военно-уголовному артикулу, по которому судъ кончается, какъ извѣстно, въ двадцать-четыре часа. Нашъ устарѣлый оберъ-аудиторъ, слѣпой поклонникъ рутины, посѣдѣвшій на формулахъ мирнаго, спокойнаго производства дѣлъ, не осудилъ бы преступниковъ въ двадцать-четыре дня; но ему помогъ дежурный штабъ-офицеръ, человекъ способный, понявшій дѣло и обладавшій умомъ свѣтлымъ.

Изъ восемнадцати подсудимыхъ, двухъ, какъ я сейчасъ сказалъ, предписано разстрѣлять, надъ однимъ, по объявленіи ему смертнаго приговора, исполнить только обрядъ казни, а остальныхъ пятнадцать приказано подвергнуть маловажному тѣлесному наказанію.

Рано утромъ, на одну изъ отдаленныхъ площадей города, вывели гренадерскій полкъ, въ боевой формѣ. Зрителей собралась огромная толпа. Прослышали ли они, какое ожидаетъ ихъ зрѣлище, или собрались потому только, что полкъ вышелъ на плацъ съ музыкой, неизвѣстно; но любопытныхъ было множество. Впрочемъ, кажется, и желали, чтобъ, для примѣра другимъ, казнь совершилась при большомъ стеченіи народа.

Привели трехъ осужденныхъ за конвоемъ. Въ одномъ я тотчасъ узналъ пріятеля своего, уже знакомаго намъ ветерана. Другой былъ ремесленникъ, молодой человекъ лѣтъ подлѣ тридцать. Оба эти преступника обречены были на смертную казнь. Третій, котораго рѣшили наказать только страхомъ, былъ дворянинъ, лѣтъ сорока, занимавшій въ Пулавахъ должность почтмейстера.

Передъ полкомъ стояли: нашъ аудиторъ, чиновникъ отъ польскаго городского правительства и католическій ксендзъ, въ своемъ бѣломъ облаченіи. Преступниковъ къ нимъ прямо и подвели.

Барабанщики ударили *походъ*; горнисты и музыканты заиграли. Осужденныхъ на казнь, въ сопровожденіи отихъ лицъ, провели по линіямъ войскъ и вывели опять на середину полка. Во все это время играли и были *походъ*. Скомандовали на караулъ, и водворилась тишина.

Аудиторъ громко прочелъ приговоръ по русски; потомъ чиновникъ то же прочелъ по польски. Въ приговорѣ было сказано: разстрѣлять всѣхъ *троихъ*.

По прочтеніи приговора, войска взяли на плечо. Вся эта торжественность, пробуждая въ душѣ невольное ощущеніе страха, удивительно подготавливаетъ къ необыкновенному зрѣлищу.

Теперь вступилъ въ свои права ксендзъ: онъ сталъ приготавливать къ смерти этихъ людей, которыхъ минуты уже были сочтены.

Изъ числа осужденныхъ, ветеранъ и ремесленникъ выслушали приговоръ свой съ необыкновенной твердостью, какъ будто приговоръ не имѣлъ никакого къ нимъ отношенія. Еще ветеранъ, принимая послѣднее панутствіе ксендза, смутился, поднявъ къ небу глаза, полные слезъ, съ благоговѣніемъ перекрестился, но тотчасъ, вслѣдъ за тѣмъ, возвратился къ прежнему стоическому равнодушію. Ремесленникъ же ни на секунду не упалъ духомъ и всѣ увѣщанія ксендза слушалъ не перемѣняясь даже въ лицѣ. Въ немъ видно было какое-то злобное ожесточеніе.

Но сколько были тверды эти два преступника, столько же оказалъ малодушія и слабости почтмейстеръ. Когда прочли приговоръ, онъ зарыдалъ какъ ребенокъ. Поднявъ къ небу умоляющій взоръ и судорожно сложа на груди руки, онъ нѣсколько разъ воскликнулъ: «бѣднѣйшая моя жена! бѣднѣйшіе дѣти! что будетъ съ вами!...» Слезы ручьемъ текли по щекамъ его. Рыданія его и глубокое отчаяніе терзали душу. Командовавшій экзекуціею генералъ, самъ отецъ и супругъ, понималъ эту подавляющую скорбь и не могъ воздержаться, чтобы не утѣшить словомъ надежды бѣдняка, страдавшаго отъ мнимаго страха. Онъ подѣхалъ къ почтмейстеру и сказалъ:

— Не отчаявайтесь: великъ Богъ и русскій царь!

Въ глазахъ почтмейстера сверкнулъ радостный лучъ надежды; онъ схватилъ генерала за ногу и судорожно цѣловалъ ее, вымаливая себѣ помилованіе и утверждалъ, что вина его не велика.

Генераль безмолвно отъѣхалъ прочь.

На всѣхъ трехъ осужденныхъ надѣли длинныя, бѣлыя, такъ называемыя смертныя рубахи. Ксендзь далъ послѣднее благословеніе и удалился....

Опять ударили въ барабаны, заиграли горнисты и музыканты. Рѣзкіе, однообразные звуки *похода* продолжались до послѣдней минуты казни.

Осужденнымъ завязали глаза. Почтмейстеръ, польщенный надеждой на помилованіе, сталъ было сопротивляться; но, увидя безплодность сопротивленія и всѣ надежды разрушенными, онъ, въ душевномъ безпліи, опустилъ руки и едва держался на ногахъ. Видно было только сильное вздыманіе груди его и слышалось сдержанное рыданіе.

Всѣхъ тронхъ привязали къ столбамъ, заранѣе поставленнымъ. По знаку, заблаговременно объявленному, безъ команды, вышло сорокъ-пять человѣкъ солдатъ съ заряженными ружьями. Они раздѣлились на три партіи (по пятнадцати человѣкъ); каждая партія направилась къ одному изъ осужденныхъ. Подойдя шаговъ на тридцать къ своей цѣли, партіи остановились.

Унтеръ-офицеръ подалъ знакъ: всѣ приложились безъ шума; другой знакъ — и разомъ грянуло три залпа....

Бѣлыя рубахи двухъ преступниковъ, ветерана и ремесленника, мгновенно облились ручьями крови: рубаха почтмейстера осталась чистою: въ него выстрѣлили холостыми зарядами.

Одинъ изъ разстрѣленныхъ тотчасъ же повисъ на веревкахъ, которыми привязанъ былъ къ столбу. Другой же, и именно ремесленникъ, нѣсколько секундъ стоялъ выпрямившись, какъ пригвожденный къ своему мѣсту. По лихорадочному дрожанію ногъ видно было, что онъ смертельно раненъ. Но чрезъ пять секундъ и этотъ повисъ на своихъ веревкахъ.

Почтмейстеръ стоялъ у столба вытянувшись въ струнку, безъ всякаго движенія. Только дрожаніе тѣла свидѣтельствовало, что онъ живъ; но самъ онъ, по всей вѣроятности, считалъ себя разстрѣленнымъ.

Когда ему развязали глаза, онъ, какъ помѣшанный, смотрѣлъ вокругъ себя дико и безсмысленно. Генераль подѣхалъ къ нему и сказалъ:

— Я говорилъ вамъ, что великъ Богъ и русскій царь. Я не даромъ это сказалъ: вы помилованы и свободны.

Почтмейстеръ устремилъ на генерала блуждающій взоръ и нѣсколько секундъ смотрѣлъ недовѣрчиво ему въ глаза....

Понявъ наконецъ, что это уже не мистификація и что дарованіе ему жизни несомнѣнно, онъ упалъ на колѣни и, устремивъ глаза и руки къ небу, оставался нѣсколько минутъ въ самозабвеніи. Можно угадать, какую онъ принесъ въ этотъ моментъ теплую молитву!... И теперь онъ также плакалъ; но это были уже не жгучія слезы отчаянія, но успокоительныя слезы умиленья и благодарности. Потомъ онъ всталъ и снова повалился генералу въ ноги.

Сняли съ него смертную рубашу, помогли одѣться, и онъ, какъ пробужденный отъ ужаснаго сна, удалился нетвердыми шагами, крестясь и вздыхая. Обрядъ казни сильно потрясъ его, какъ видно, слабую организацію.

IX.

Весна, въ 1831 году, въ Польшѣ началась рано. Уже въ началѣ марта было тепло и на поляхъ показалась зелень, а въ поляхъ вездѣ просохло и деревья стали распускаться.

29 марта, вечеромъ, съ аванпостовъ увѣдомили, что непріятельская колонна, тысячи въ двѣ, съ двумя орудіями, переправилась черезъ Вислу, въ Завихостѣ, на паромахъ и тѣснить наши посты. Цѣль этой диверсіи была неизвѣстна, но полагали, что колоннѣ этой предназначено возстановить связь лѣваго берега Вислы съ кр. Замостьемъ, прерванную съ тѣхъ поръ, какъ въ Люблинскомъ воеводствѣ увеличилась масса русскихъ войскъ. Нѣкоторые полагали еще, что колонна эта шла на подкрѣпленіе Дверницкому, котораго замыслы въ то время еще не были поняты, хотя приближеніе его къ русскимъ границамъ давало поводъ подозрѣвать, что у мятежниковъ скрывается какое-то тайное намѣреніе.

По этимъ соображеніямъ отрядъ нашъ сосредоточился въ Бѣлжицѣ и сталъ на линіи сообщенія съ Замостьемъ.

Намѣреніе непріятеля было вѣрно угадано. Переправившійся его отрядъ, пощипавъ наблюдательные посты, ушелъ на другой же день обратно за Вислу, когда узналъ, что мы стали на пути его къ Замостью.

1 апрѣля, нашъ знаменитый партизанъ-поэтъ, генералъ Давыдовъ, командовавшій отрядомъ во Владиміръ-Волынскомъ, сообщилъ неожиданную вѣсть, что 27 марта Дверницкій, съ отрядомъ своимъ, вторгнулся въ Волынскую губернію, съ цѣлью возмутить Волынь и Подолію.

Въ тотъ же день, съ этимъ же извѣстіемъ, прискакалъ курьеръ и отъ главнокомандующаго, который предписывалъ быстро идти за Дверницкимъ, настичь его и истребить.

Исполняя предписаніе главнокомандующаго, мы, рано утромъ слѣдующаго дня, пошли за Дверницкимъ, безъ всякой, впрочемъ, надежды настичь его скоро, потому что онъ былъ впереди насъ почти на двѣсти верстъ.

Первый переходъ былъ верстъ тридцать. Мы шли весело, съ лучшимъ настроеніемъ духа. Весеннее солнце играло на оружіи; поля зеленѣли, деревья расцвѣтали; жаворопки запѣвали своей веселой пѣсней. Апрѣль походилъ на нашъ сѣверный іюнь. Воздухъ теплый, благоухающій.

Возлѣ дер. Черніова стали бивуаками; но теперь бивуачная жизнь была наслажденіемъ, а не бѣдствіемъ.

Ночью на 3 апрѣля, дали знать съ аванпостовъ, что черезъ Вислу переправляются значительныя непріятельскія силы. Къ утру получено извѣстіе, что непріятель отгѣснилъ наши наблюдательные посты, взявъ въ плѣнъ офицера и 15 казаковъ.

Это былъ корпусъ Сѣравскаго, тысячъ въ девять числомъ: 6,000 пѣхоты и до 3,000 кавалеріи, при 6 орудіяхъ. Онъ составлялъ второй эшелонъ польскихъ войскъ, предназначенныхъ взбунтовать Волынь и Подолію, и спѣшилъ на соединеніе съ Дверницкимъ.

Вступленіе на русскую землю и развитіе возстанія было предоставлено мятежникамъ счастливѣйшему изъ ихъ генераловъ, Дверницкому. Ему первому принадлежало это безразсудное вторженіе, и онъ же первый, какъ увидимъ далѣе, понесъ безславіе этого набѣга.

Корпусный командиръ весьма затруднился въ выборѣ дѣйствій при этихъ новыхъ обстоятельствахъ. Онъ не могъ преслѣдовать Дверницкаго съ полной свободой, когда у него за плечами былъ непріятель, равнотильный съ нимъ по численности.

Извѣстно было, что Волынскую губернію охраняетъ Ридигеръ, съ двумя дивизіями пѣхоты и дивизією кавалеріи, и что ему предписано спѣшить навстрѣчу Дверницкому. Поэтому кор-

пусный командиръ рѣшился обратиться на Сѣравскаго, прогнать его за Вислу и тогда идти снова, уже съ полною безопасностію, на преслѣдованіе Дверницкаго.

Вслѣдствіе такого благоразумнаго и хорошо разсчитаннаго рѣшенія, разосланы были тотчасъ же диспозиціи къ начальникамъ частей, донесено главнокомандующему о причинахъ, побудившихъ избрать эту мѣру, и сообщено обо всемъ Давыдову, съ предложеніемъ преслѣдовать Дверницкаго неотступно.

4 апрѣля, мы двинулись обратно, съ цѣлью опрокинуть Сѣравскаго.

Весна была во всей своей обаятельной прелести. Мы шли съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, инстинктивно понимая, что дѣлаемъ превосходное движеніе.

Пройдя верстъ тридцать, мы остановились у дер. Бабино. Было два часа пополудни.

Здѣсь сосредоточились всѣ силы нашего отряда. Это была масса прекраснаго войска, болѣе 8,000 въ строю, при 30 орудіяхъ,—войска свѣжаго, бодрого. Украшеніемъ отряда были три гренадерскихъ полка, о которыхъ я уже говорилъ.

Войска расположились скрытно по лощинамъ.

Едва мы устроились, какъ дали знать, что непріятель быстро наступаетъ.

Въ три часа, по дорогѣ отъ Бѣлжицы, показались вдали кавалерійскія передовыя партіи непріятеля. Казаки завязали съ ними перестрѣлку—казаковъ оттѣснили. Два эскадрона конныхъ егерей, посланныхъ на подкрѣпленіе казаковъ, также не устояли. Непріятель наступалъ сильно и смѣло. Послани еще дивизіонъ драгунъ — и тотъ не удержалъ натиска. Отступленіе нашего авангарда сдѣлалось общимъ. Впрочемъ, отступленіе это было только военною хитростію: желали привлечь непріятеля къ главнымъ силамъ отряда. Еслибъ эта хитрость удалась, Сѣравскій былъ бы уничтоженъ съ перваго же удара.

Сѣравскій, въ чадѣ неожиданнаго успѣха, не предвидя грозящей бѣды, отъ всего сердца преслѣдовалъ нашъ авангардъ, прошелъ Бабино и уже близился къ своей гибели, какъ вдругъ, будто по вдохновенію, остановился въ полутора верстахъ отъ нашихъ позицій, прикрывшись небольшою болотистой рѣчкой. Конечно, онъ увидалъ разставленные ему сѣти. Хитрость наша обнаружилась. На открытой, ровной, хотя и холмистой мѣстности трудно скрыть войска. Пѣхота хотя и лежала, а кавалерія

была спѣшена, однакожь, съ нѣкоторыхъ высотъ, бывшихъ на сторонѣ непріятеля, можно было замѣтить войска.

Обѣ стороны войскъ оставались въ бездѣйствиіи около часа, мы — въ ожиданіи, что непріятель еще сунется на насъ и планъ нашъ хоть вполонину исполнится, а непріятель — въ созерцаніи и пересчитываніи нашихъ силъ, значительность которыхъ поразила его изумленіемъ. Вѣроятно, Стравскій отъ души радовался, что остановился во-время.

Непріятельскія войска были скрыты отъ насъ высотами и деревней; передъ нами же было нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, между которыми стояла толпа всадниковъ, означавшая присутствіе важнаго лица. Очевидно, что это была рекогносцировка и насъ высматривалъ самъ Стравскій. Простымъ глазомъ нельзя было хорошо видѣть, что это за всадники; но въ зрительную трубу я очень хорошо увидѣлъ и Стравскаго и его свиту. Я могъ даже замѣтить нѣкоторыя фзіономіи, а одежду разсматрѣлъ какъ будто за пять шаговъ.

Непріятель, кончивъ обозрѣніе, выслалъ фланкеревъ для замаскированія своихъ движеній. Мы не трогались съ мѣста, все еще поддерживая свое пассивное положеніе. Но за насъ явился нежданый ратоборецъ. Непріятельскіе фланкеры разѣзжали довольно далеко; на нихъ вовсе не обращали вниманія, потому что желали только видѣть, что предприметъ непріятель. Вдругъ откуда нп взялся берейторъ одного изъ драгунскихъ полковъ, Нѣмецъ по происхожденію, великій оригиналъ и шутникъ. Онъ имѣлъ большую извѣстность между молодыми офицерами, которые часто потѣшались надъ нимъ. На бойкой лошади, съ нагайкой въ рукахъ, этотъ импровизированный рыцарь, лихо пропесся мимо насъ, и прямо къ непріятельскимъ фланкерамъ.

— Куда? куда? закричали ему вслѣдъ.

Но берейторъ, не внемля предостереженію, скакалъ безъ оглядки. Всѣ обратили вниманіе на эту удалую выходку, въ ожиданіи развязки. Берейторъ подскакалъ къ цѣпи фланкеревъ на полуружейный выстрѣлъ, гордо остановился и ломанымъ польскимъ лзыкомъ началъ кричать Полякамъ:

— Лайдаки! зрайцы! что вы затѣяли воевать! да какъ вы смѣете! да гдѣ вамъ! вотъ я одинъ противъ васъ, и только вотъ съ этой нагайкой; а что вы сдѣлаете мнѣ? псялюги!

Можно понять, какъ были изумлены Поляки этимъ новымъ родомъ ратоборства. Они дружно кинулись на берейтора, чтобъ

посадить его на пикн; но это было нелегко: лошадь берейтора послалась птицей, а у фланкероѣ были обыкновенныя лошади. Тогда по немъ открыли на всей цѣпи огонь; но и это средство оказалось безплоднымъ, потому что берейторъ гарцовалъ виѣ пистолетнаго выстрѣла. Оставалась одна защита: отвѣчать берейтору его же оружіемъ — бранью.

Берейторъ юлилъ на своей лошади, подскакивалъ иногда очень близко къ фланкерамъ, горючился, выходилъ изъ себя. Сцена была преуморительная. Всѣ, даже корпусный командиръ, хохотали отъ чистаго сердца.

Между тѣмъ, замѣтили, что непріятель началъ отступать. Тотчасъ же приказали авангарду преслѣдовать его по пятамъ; но непріятель упорно держался въ деревнѣ, за болотистой рѣчкой. На полянѣ передъ деревней завязалось горячее дѣло. Баталіонъ карабинеръ, бывшій въ авангардѣ, ударилъ въ штыки, но былъ отбитъ. Послали въ подкрѣпленіе, одинъ за другимъ, еще два баталіона. Въ это время послали меня въ авангардъ, сражавшійся въ виду корпуснаго командира, передать приказаніе — взять деревню непременно. Авангардомъ командовалъ генералъ графъ Толстой. Я нашелъ его въ передовой цѣпи застрѣльчиковъ, осыплагаго пулями. При мнѣ же, онъ скоординировалъ баталіонамъ на-руку, музыкантамъ велѣлъ играть и пошелъ въ атаку. Гренадеры перешли безъ выстрѣла болотистую рѣчку, увязая выше колѣна въ грязь, и, несмотря на бѣглый огонь, которымъ ихъ встрѣтили, съ крикомъ «ура!» вломились въ деревню и выбили непріятеля въ полчаса. Наступившая ночь прекратила сраженіе; непріятель поспѣшно отступилъ; авангардъ живо его преслѣдовалъ.

Еслибъ Сѣравскій продолжалъ отступленіе безостановочно, то понесъ бы неважную потерю, потому что какъ бы ни было горячо преслѣдованіе, но отступающій въ порядкѣ противникъ, особенно по такой лѣсной мѣстности, кака я начиналась за Бѣлжицей и тянулась до самой Вислы, всегда найдетъ возможность сберечь свои силы. Но несчастная звѣзда Сѣравскаго внушила ему мысль дать сраженіе.

Съ разсвѣтомъ 5 апрѣля, авангардъ нашъ встрѣтилъ сопротивление въ Бѣлжицѣ. Непріятельская пѣхота занимала мѣстечко. Попробовали было выбить ее спѣшенными драгунами; но покушеніе это оказалось опаснымъ: при значительной убыли изъ фронта людей, могъ разстроиться цѣлый кавалерійскій

полкъ. Дождались пѣхоты и мгновенно вытѣснили непріятеля. Его вышло изъ мѣстечка двѣ роты. Онѣ шли въ порядкѣ во взводной колоннѣ. Начальникъ авангарда, самъ кавалеристъ, воспользовался случаемъ потѣшиться кавалерійскимъ дѣломъ. Онъ приказалъ Казанскому Драгунскому полку взять пѣхотную колонну и въ то же время приказалъ казакамъ отрѣзать ей отступленіе. Казаки съ гикомъ бросились врознь и окружили колонну со всѣхъ сторонъ, держась, однакожь, въ отдаленіи. Первый дивизионъ пошелъ на рыскахъ въ атаку. Колонна остановилась, построилась въ каре и хладнокровно ждала своей участи. Не доходя шаговъ полутораста, дивизионъ, съ крикомъ «ура!» понесся въ карьеръ на пѣхоту.... его встрѣтили залпомъ.... но драгуны бойко влетѣли въ ряды, смяли и уничтожили каре. Часть колонны бросилась въ разсыпную; но подоспѣли казаки, и началась угонка: все поле усѣяно было бѣжавшими пѣхотинцами, которыхъ рубили драгуны или кололи казаки. Ни одинъ человѣкъ не спасся отъ смерти или плѣна. Убитыхъ и раненыхъ было до двухсотъ человѣкъ; въ плѣнъ взято: шесть офицеровъ и сто-двадцать нижнихъ чиновъ.

Въ Бѣлжицѣ я долженъ былъ переписать плѣнныхъ и отправить ихъ въ Люблинъ. Это задержало меня нѣсколько часовъ. Я выѣхалъ изъ Бѣлжицы уже съ своимъ арріергардомъ.

Отѣхавъ версты полторы, я услыхалъ впереди себя канонаду. Теперь уже она была знакома мнѣ, не какъ при Козеницѣ, и я тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло. Я поскакалъ впередъ.

Проскакавъ версты три, я вѣхалъ въ лѣсъ. Тутъ обнаружили всѣ признаки близкаго боя: эхо выстрѣловъ звонко вторилось по лѣсу; ядра съ ревомъ летали мимо, ломая вѣтви и деревья; изрѣдка встрѣчались раненые. Только что я выѣхалъ изъ лѣса, какъ передо мной открылась чудная картина: на пространствѣ полутора или двухъ верстъ, стройно стояли войска, пѣхота, кавалерія, артиллерія, спокойно, неподвижно. Все безмолствовало; только ревели орудія, издали поражая свои жертвы, и съ визгомъ носились ядра по всѣмъ направленіямъ; нѣвы попадали въ колонны, нѣвы тяжело падали на землю и потомъ, съ урчаньемъ, подпрыгивал, катились дальше. Возлѣ колоннъ лежали убитые, въ разнообразныхъ положеніяхъ.

Для меня это было еще первое правильное сраженіе.

Сѣравскій еще наканунѣ рѣшился попробовать съ нами счастья въ битвѣ. Его генеральнаго штаба офицеры избрали прекра-

спую позицію при деревнѣ Вроновѣ. Оба фланга ея прикрыты были большимъ лѣсомъ; въ тылу также лѣсъ, который, при отступленіи, могъ служить превосходной защитой. Въ центрѣ — деревня, занятая сильною массою пѣхоты. Возлѣ деревни проходила бѣлицинская дорога, на которой стояли всѣ шесть орудій Стравскаго. Стрѣлки разсыпаны были на флангахъ, по опушкамъ лѣса и кустарникамъ; кавалерія — между пѣхотой и въ резервѣ. Войска расположены были съ знаніемъ дѣла. Ключъ позиціи — Вроново — былъ, по возможности, защищенъ рогатками и застѣками.

Теперь только объяснилось, почему Стравскій оставилъ въ Бѣлицинѣ на жертву двѣ роты своей пѣхоты: ему нужно было выиграть время, чтобъ устроиться на избранной позиціи. Обреченныя на гибель роты исполнили добросовѣстно свое назначеніе: онѣ слишкомъ два часа задержали нашъ авангардъ.

Въ дѣло вступилъ, разумѣется, прежде всѣхъ нашъ авангардъ. Едва онъ сталъ дебушировать изъ лѣса, бывшаго передъ непріятельской позиціей, какъ это выше сказано, его встрѣтили сильнымъ огнемъ съ непріятельской батареи. Авангардъ противопоставилъ свои четыре орудія и защищался упорно; но войска наши подходили непрерывно, число орудій возросло, все становилось на позицію, — и черезъ полчаса непріятеля громили, на всѣхъ пунктахъ, двадцать нашихъ орудій, въ числѣ которыхъ было двѣнадцать батарейныхъ; ихъ лопавшіяся гранаты страшно опустошали ряды непріятеля. Нетрудно было рѣшить съ перваго взгляда, чѣмъ кончится бой.

Войска наши были расположены слѣдующимъ образомъ: въ центрѣ — Муравьевъ, съ четырьмя баталіонами пѣхоты и двѣнадцатью орудіями; на правомъ флангѣ — графъ Толстой, съ кавалеріей, казаками и четырьмя орудіями, и еще летучій отрядъ Апрепа; на лѣвомъ флангѣ — кавалерія, съ четырьмя орудіями. Остальная пѣхота, кавалерія и артиллерія въ резервѣ, подъ командой принца Адама Виртембергскаго.

Силы наши численностью были равны съ непріятельскими; но у насъ былъ значительный перевѣсъ въ артиллеріи: у непріятеля шесть пушекъ, у насъ тридцать.

Муравьевъ, подоидя на довольно близкую дистанцію, открылъ сильный огонь изъ орудій. Непріятель отвѣчалъ сначала успѣшно; но скоро одно изъ его орудій было подбито: видно было, какъ это орудіе увезли назадъ съ поля. При остальныхъ,

прислуга была перебита наполовину. Держаться было трудно. Часа черезъ два непріятельская батарея снялась съ позиціи и скрылась въ лѣсу. Пѣхота наша, съ барабаннымъ боемъ, двинулась впередъ, но была остановлена засѣвшимъ въ деревнѣ непріателемъ. Выслали стрѣлковъ, и началась перестрѣлка.

Тѣмъ временемъ, на правомъ нашемъ флангѣ, дивизионъ конныхъ егерей атаковалъ непріятельскихъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ по кустарнику; человекъ шестьдесятъ отрезалъ и положилъ на мѣстѣ. Но въ тотъ моментъ, какъ конные егеря управлялись со стрѣлками, вдругъ, на лѣвомъ ихъ флангѣ, внезапно явилась изъ лѣса непріятельская колонна пѣхоты, поддерживавшая кавалеріею, и открыла батальный огонь. Это было менѣе, чѣмъ во ста саженьяхъ отъ атаковавшаго дивизиона. Конные егеря, увлеченные храбростію слишкомъ далеко впередъ, смутились и стали колебаться; но случившійся здѣсь на ту пору начальникъ штаба, бывший свидѣтелемъ и молодецкой атаки конныхъ егерей и смѣлаго удара на нихъ непріятельской пѣхоты, мигомъ поправилъ дѣло. Стоявшему тутъ же, съ двумя орудіями, артиллерійскому офицеру, онъ командовалъ: «картечь!» и тотчасъ, въ подкрѣпленіе конныхъ егерей, послалъ, на большихъ рысяхъ, полкъ драгунъ. Обѣ пушки зарядили картечью. Съ перваго же выстрѣла въ колоннѣ непріятельской сдѣлалась страшная кутерьма, со втораго — батальный огонь умолкъ, колонна заколебалась; еще два выстрѣла — и колонна обратилась въ бѣгство. Драгуны кипулись было за ней; но она успѣла скрыться въ лѣсъ. Нашъ правый флангъ остался на этой новой позиціи, зайдя, такимъ образомъ, въ лѣвый флангъ непріятеля.

Занятіе центральной деревни шло неуспѣшно; стрѣлки цѣлый часъ вели бесполезную перестрѣлку. Муравьевъ, увидя смятеніе на лѣвомъ флангѣ непріятеля, произведенное, какъ я сейчасъ описалъ, нашей атакой и смѣлымъ отпоромъ, приказалъ ударить въ штыки. Гренадеры, съ крикомъ «ура!» кипулись въ деревню и мигомъ выбили пѣхоту. Непріятель, сбитый въ центрѣ, не могъ долѣе держаться. Онъ поспѣшно отступилъ къ лѣсу и побѣжалъ въ Ополѣ. Дѣло кончилось часа въ два послудни.

Мы не преслѣдовали: войскамъ дали отдыхъ на два часа.

Пользуясь даннымъ войскамъ отдыхомъ, я отправился обозрѣвать поле сраженія.

Между убитыми на правомъ флангѣ, гдѣ картечь наша истребила до сотни человѣкъ, лежалъ трупъ молодаго польскаго офицера, красавца въ полномъ смыслѣ. Его сразила картечь въ ту минуту, когда онъ, повидному, менѣе всего ожидалъ смерти: на прекрасномъ его лицѣ сохранилась даже улыбка; онъ походилъ скорѣе на спящаго, еслибъ блѣдность лица и запекшаяся на головѣ кровь не свидѣтельствовали, что онъ безпробудно заснулъ сномъ вѣчнымъ. Я не могъ узнать фамиліи этого юноши; но, по его благороднымъ чертамъ лица, по его аристократической рукѣ и маленькой ногѣ, по его изящному бѣлью, можно было видѣть, что онъ принадлежалъ къ хорошей фамиліи.

Слѣзши съ лошади, я долго стоялъ надъ этимъ столько заинтересовавшимъ меня трупомъ. Воображеніе мое, отъ природы настроенное на романтическій ладъ, готово было утвердить меня въ мысли, что передо мной лежитъ убитая, переодѣтая дѣвушка: такъ нѣжны и женственны были черты лица и формы тѣла этого трупа. У насъ послыся же слухъ, что въ то время и въ польскихъ войскахъ были такія же дѣвицы-кавалеристы, какая была у насъ въ Россіи въ 1807 — 1812 году. Но меня выводилъ изъ сомнѣнія большой, не женскій ростъ убитаго, хотя на юномъ его лицѣ не замѣчалось еще слѣда ни усовъ, ни бороды. Сколько, можетъ быть, слезъ будетъ пролито по этомъ несозрѣвшемъ растеніи, преждевременно скошенномъ неумолимою косою смертію!

Подъѣзжалъ къ тому мѣсту, гдѣ была непріятельская батарея и гдѣ лежало много убитыхъ въ сѣрыхъ тонкихъ шинеляхъ, я издали увидѣлъ, что одинъ непріятельскій солдатъ, который лежалъ въ числѣ убитыхъ, вдругъ вскочилъ на ноги, постоялъ немного и упалъ, потомъ опять вскочилъ, сдѣлалъ шага два и снова повалился. Это онъ повторилъ нѣсколько разъ. Всѣ движенія его были странны и неестественны, такъ что, когда я сталъ подъѣзжать къ нему ближе, лошадь моя отъ страха уперлась и не пошла далѣе. Я принужденъ былъ слѣзть и вести ее въ поводу. Метавшійся бѣднякъ былъ артиллеристъ, въ такой же тонкой шинели, въ какой лежали здѣсь и убитые. Голова его была не покрыта. Подойдя къ нему, я спросилъ, куда онъ раненъ и не нужно ли ему помощи. Артиллеристъ посмотрѣлъ на меня безумными глазами и, ни слова не отвѣчая, продолжалъ бросаться въ стороны и, по прежнему, вставать и падать. Тщетно я осматривалъ его и искалъ на немъ слѣдовъ крови: ея нигдѣ не

было. Руки его и ноги были цѣлы; онъ владѣлъ ими свободно. Но не могъ же онъ дѣлать своихъ странныхъ эволюцій безъ какой нибудь особенной причины! Когда онъ упалъ, уже въ пятый разъ, при мнѣ, я увидѣлъ, что у него вся голова побагровѣла. Тогда я понялъ, что бѣднякъ сильно контуженъ въ голову и, вѣроятно, сошелъ съ ума. Черезъ часъ, проѣзжая опять мимо того мѣста, я увидѣлъ, что артиллеристъ лежитъ неподвижно: онъ уже умеръ. Лицо и голова у него распухли и почернѣли.

Возлѣ деревни я догналъ четырехъ нашихъ солдатъ, которые несли раненаго молодого польскаго офицера. Онъ былъ блѣденъ какъ трупъ; но жизнь еще не угасла въ немъ. Обѣ ноги его были перебиты ядромъ повывше шиколотокъ. Когда его несли, то ступни его, державшіяся только на жилахъ, висѣли и болтались. За раненымъ шелъ лекаръ. Онъ велѣлъ остановиться у первой избы и внести туда раненаго, который былъ почти въ безчувственномъ состояніи. Раненаго положили, сколько можно удобнѣе, на столъ, и лекаръ весьма хладнокровно принялся отрѣзывать ему обѣ ноги. Лекаръ говорилъ, что раненый, быть можетъ, и не выдержитъ ампутаціи, потому что слишкомъ уже истощенъ потерей крови. Все это говорилось и дѣлалось съ непостижимымъ равнодушіемъ. Я также съ совершеннымъ спокойствіемъ смотрѣлъ на страданія человѣческія и на всѣ окружавшія меня жертвы насильственной смерти.

Но негодование мое было возбуждено особенно слѣдующимъ случаемъ. Окончивъ обзорѣніе поля битвы, я возвращался къ своему пристанищу — къ штабу, который пріютился въ хлѣбныхъ клуняхъ. Погода стояла теплая, прекрасная, поэтому никто въ избы и не заглядывалъ. Не вдалекѣ отъ штаба я наѣхалъ еще на раненаго, котораго несли шестеро солдатъ, замѣтно стараясь сохранить спокойствіе несоматаго.

— Вѣрно, русскій офицеръ? спросилъ я солдатъ, поровнявшись съ раненымъ.

— Кажись, такъ, ваше благородіе: говорятъ по нашему и говорятъ, что офицеръ.

— Гдѣ вы взяли его?

— Тамъ подняли, въ лѣсу.

Между тѣмъ, я внимательно разсматривалъ офицера. Лицо у него было блѣдно какъ у мертвого; онъ былъ въ одной только рубахѣ, во многихъ мѣстахъ окровавленной. Одинъ изъ солдатъ

прикрылъ его своей шинелью. Глаза раненаго были закрыты; онъ совершенно походилъ на мертваго.

— Гдѣ жъ платье раненаго? спросилъ я.

— Не можемъ знать! Мы подняли его въ одной рубахѣ.

Офицеръ открылъ глаза и слабымъ движеніемъ руки далъ знакъ остановиться. Я тотчасъ сошелъ съ лошади и подошелъ къ раненому.

— Вы Русскій? спросилъ я.

— Русскій, отвѣчалъ раненый едва слышнымъ голосомъ.

— Офицеръ?

— Да.

— Котораго полка?

Онъ сказалъ.

— Фамилія ваша?

Онъ назвалъ фамилію.

— Когда же вы ранены и какъ?

— Сегодня утромъ меня послали въ разъѣздъ.... съ казаками.... здѣсь я столкнулся съ неприятелемъ.... раненъ....

Офицеръ остановился: его мертвое лицо немного оживилось.

— И вы, съ утра до сихъ поръ, оставались безъ помощи?

— Раненый, я упалъ съ лошади замертво, продолжалъ офицеръ: — казаки.... вѣрно, сочли меня убитымъ.... и ушли....

Я пришелъ въ необыкновенное волненіе отъ этого поступка; сейчасъ поскакалъ въ штабъ и пересказалъ все начальнику штаба.

Начались розыски. Виновныхъ казаковъ отыскиали. Корпусный командиръ хотѣлъ было ихъ разстрѣлять, но смягчился, потому что казаки, дѣйствительно, сочли офицера убитымъ. При томъ же, офицеръ самъ просилъ о помилованіи виновныхъ, да и дѣла наши такъ успѣшно шли, что омрачать торжество побѣды жестокимъ наказаніемъ генералъ не хотѣлъ. Казакамъ дали домашнее исправительное внушеніе, и тѣмъ дѣло кончилось.

Раненый офицеръ, оставшійся безъ помощи восемь часовъ и сильно ослабленный потерей крови, долго былъ на краю могилы, однако оправился и совершенно потомъ выздоровѣлъ.

Въ четыре часа пополудни авангардъ нашъ выступилъ вслѣдъ за неприятелемъ и подвигался медленно, со всѣми тактическими предосторожностями. Но онъ были излишни: неприятель бѣжалъ въ страхѣ, уничтожая за собой мосты и дѣлая изъ лесистой дороги засѣлки. Въ безполезныхъ предосторожностяхъ

терялось только время и давалась непріятелю возможность привести въ порядокъ свои разстроенные боемъ полки.

Черезъ два часа послѣ авангарда двинулись впередъ и главные силы отряда. Онѣ скоро настигли авангардъ, который, преодолевая воздвигнутыя непріателемъ преграды, не могъ идти быстро. вмѣстѣ съ авангардомъ пришли мы поздно ночью въ Ополь, гдѣ и ночевали.

Такъ былъ упуцненъ, на этотъ разъ, моментъ совершеннаго истребленія Сѣравскаго. Но старый ветеранъ (Сѣравскій), по какому-то нелѣпому упорству, на другой день опять самъ отдался намъ въ руки, какъ увидимъ ниже.

Изъ Ополя видны были, верстахъ въ четырехъ отъ насъ, огни непріятельскихъ бивуаковъ.

Здѣсь мы узнали, что Сѣравскій, опасаясь совершеннаго уничтоженія, раздѣлилъ свой отрядъ: двѣ трети кавалеріи послалъ на Камень, гдѣ она и должна была переправиться за Вислу, а остальную часть кавалеріи, всю пѣхоту и артиллерію повелъ самъ на Казимиржъ. Изъ шести пушекъ осталось у него четыре: двѣ были подбиты въ сраженіи подъ Вроновымъ и, на отступленіи, брошены въ воду.

Казимиржъ можно назвать польскою Швейцаріей. Онъ стоитъ на неприступныхъ скалахъ, отовсюду окруженныхъ глубокими лѣсистыми оврагами и голыми глинистыми обрывами. По дѣйствіямъ Сѣравскаго, потянувшагося, съ одною пѣхотою и артиллерією, на Казимиржъ, можно было предполагать, что въ Казимиржѣ, пользуясь неприступностію его мѣстнаго положенія, онъ намѣренъ держаться до послѣдней крайности.

6 апрѣля, въ четыре часа утра, авангардъ нашъ выступилъ снова за непріателемъ и хотя не видалъ его нигдѣ, но, изъ опасенія попасть въ засаду, шелъ осторожно: передъ каждою деревней, передъ лѣсомъ и вообще передъ мѣстами закрытыми останавливался, посылалъ для развѣдыванія патрули и разѣзды и, уже удостовѣрись, что непріятеля нѣтъ, продолжалъ слѣдованіе. При такой медленности, конечно, немного надѣлаешь бѣдъ отступающему. Повторяю, что если бы Сѣравскій не упорствовалъ въ своей идее о чести — защищаться до послѣдней возможности — онъ ушелъ бы отъ насъ за Вислу съ неважнымъ урономъ.

Въ половинѣ дня нашъ авангардъ, верстахъ въ пяти отъ Казимиржа, настигъ непріятеля, занявшаго крѣпкую позицію и при-

готовленнаго къ бою. Имѣя только баталіонъ пѣхоты, авангардъ не могъ дѣйствовать рѣшительно на пересѣченной и лѣсной мѣстности, начинающейся около Казимиржа, — мѣстности, представлявшей всѣ удобства обороны для отступающаго. Поэтому наступленіе шло медленно. Въ четыре часа открылись всѣ силы непріятеля, сосредоточенныя въ превосходной позиціи у Казимиржа и простиравшіяся еще тысячъ до пяти. Тутъ положительно удостовѣрились, что Сѣравскій еще разъ бросаетъ намъ перчатку и вызываетъ уже на смертный, отчаянный бой. Но теперь большинство выгодъ было на его сторонѣ. Превосходство наше въ артиллеріи уничтожалось окончательно, потому что на казимиржскихъ обрывахъ не было ни одной позиціи, удобной для дѣйствія артиллеріи. Кое-какъ мы установили три батарейныхъ орудія и до взятія первой позиціи били гранатами; но, когда вступила въ бой пѣхота, артиллерія должна была умолкнуть, чтобъ не бить своихъ, потому что пѣхота дралась больше въ рукопашную. Артиллерія употреблялась потомъ малыми частями уже въ продолженіе дѣла. Кавалерія рѣшительно не могла дѣйствовать. Вся тяжесть боя падала на пѣхоту.

Дѣло предстояло трудное; но чего не сломятъ русскій солдаты, когда его съумѣютъ повести и одушевить!

Къ шести часамъ подошли къ Казимиржу всѣ наши силы. Корпусный командиръ, сознавая самъ свою медленность въ дѣйствіяхъ, рѣшился вознаградить потерянное, сколько будетъ возможно. День склонился къ вечеру: каждая минута была драгоценна.

Корпусный командиръ подзвалъ къ себѣ генерала Муравьева, командовавшаго пѣхотой, и сказалъ:

— Ваше превосходительство! вся слава нынѣшняго дня будетъ принадлежать вамъ. На этихъ утесахъ ни кавалерія, ни артиллерія не могутъ дѣйствовать. Вамъ одному предоставляется честь уничтожить непріятеля: идите съ Богомъ и побѣждайте!

Корпусный командиръ пропустилъ мимо себя всѣ пѣхотные полки, сказалъ каждому привѣтливое, ободрительное слово — а онъ умѣлъ говорить съ солдатами — и полки радостно пошли въ огонь, твердымъ шагомъ, съ музыкой и съ барабаннымъ боемъ.

Вскорѣ взяли первыя высоты, занятыя непріятелемъ, взвезли на нихъ одно орудіе и открыли картечный огонь; больше извести не могли. Пѣхота дѣйствовала штыками. Непріятель, изъ

опасенія потерять свою артиллерію, отправилъ ее за Вислу, а наша артиллерія не могла дѣйствовать по мѣстности, какъ я уже выше имѣлъ случай сказать.

Черезъ полтора часа, послѣ начала дѣла, всѣ крутизны были взяты съ бою. Непріятель нигдѣ не могъ удержаться и, поражаемый штыками и пулями, спѣшилъ въ безпорядкѣ къ Вислѣ.

На Вислѣ, между тѣмъ, дѣятельно производилась переправа польскихъ войскъ, на паромяхъ, на лодкахъ и даже вплавь. Но какъ перевозочныхъ средствъ было недостаточно, а войска непрерывно прибывали, то у переправы столпилась огромная безпорядочная масса войскъ, проникнутая одной мыслью, однимъ желаніемъ — спастись скорѣе за Вислу... какъ вдругъ показались Русскіе...

Пѣхота наша, преодолевъ всѣ трудности, пошла съ музыкой въ мѣстечко, быстро заняла его и явилась на переправу, съ батальнымъ огнемъ и картечью.

Нельзя передать, какое смутеніе сдѣлалось на переправѣ: давка, суматоха! Все растерялось, пришло въ паническій ужасъ, бросалось на паромы, въ воду.

Подоспѣли казаки и кавалерія. Спасенія не было. Поляки бросали оружіе и сдавались въ плѣнъ сотнями.

Къ восьми часамъ все было кончено. Побѣда была совершенная. Въ плѣнъ взято: 5 штабъ-офицеровъ, 53 оберъ-офицера и 2,000 нижнихъ чиновъ, т. е. больше трети непріятельскихъ войскъ, бывшихъ подъ Казимиржемъ. За Вислу спаслось менѣе 2,000. Остальное погибло въ сраженіи и потонуло въ Вислѣ. Сѣравскій, съ нѣсколькими кавалеристами, ускакалъ въ Пулавы и тамъ спасся за Вислу. Казаки едва не взяли его въ плѣнъ; но, подъ мракомъ наступившей ночи, ему удалось ускользнуть. Пушки свои, какъ уже выше сказано, Сѣравскій отправилъ за Вислу еще во время боя.

Какъ ни хорошъ былъ конецъ дѣла подъ Казимиржемъ, но, нельзя не сознаться, онъ былъ бы еще лучше, при неотвѣзчивомъ съ нашей стороны преслѣдованіи. Еще при Вроновѣ отрядъ Сѣравскаго могъ быть истребленъ до послѣдняго человѣка. Для чего давали отдыхъ войскамъ? Они были свѣжи и бодры, особенно три полка кавалерійскихъ, стоявшихъ на лѣвомъ флангѣ, которые въ продолженіе дѣла не шевельнулись съ мѣста. Да преслѣдовать разбитаго непріятеля охотно пойдетъ даже утомленное войско.

Дѣйствія Сѣравскаго достойны самой полной укоризны. Мы уже выше замѣтили, что, по нашему мнѣнію, ему слѣдовало бы дѣлать. Теперь добавимъ, что если бы Сѣравскій, вмѣсто того, чтобъ останавливаться изъ непонятнаго упорства сразиться съ нами и несомнѣнной вѣроятности быть разбитымъ, отступалъ не мѣшкая къ Вепржу, тамъ онъ нашелъ бы отрядъ Паца, который съ 12,000 перешелъ уже Вислу. Тогда уже мы увидѣли бы передъ собой 20-ти-тысячный непріятельскій корпусъ, съ которымъ не такъ легко было бы бороться. Вѣроятность успѣха была бы для насъ болѣе, чѣмъ сомнительна. Но Сѣравскій, по непонятнымъ причинамъ, искалъ битвы и нашелъ — безславное поражение.

Послѣ разгрома Сѣравскаго мы обратились къ Вепржу, навстрѣчу Паца, перешедшаго, какъ уже было сказано, за Вислу съ 12-тысячнымъ корпусомъ. Но Пацъ, узнавъ объ участи своего собрата, не считъ нужнымъ подвергать себя невѣрнымъ случайностямъ борьбы и ушелъ обратно за Вислу.

Простоявъ дня четыре въ Коцкѣ и свѣдавъ о ретирадѣ Паца, мы возвратились въ Люблинъ.

Х.

25 апрѣля получено было извѣстіе, что на подкрѣпленіе Дверницкаго, ратававшаго, какъ мы выше сказали, въ Волинской губерніи, бесплодно разсѣывая крамолы и смуты, идетъ Хржановскій, съ отборнымъ войскомъ. Въ какомъ числѣ было это войско, достовѣрно еще не знали. Хржановскій, одинъ изъ способнѣйшихъ польскихъ генераловъ, служившій до войны подполковникомъ и въ три мѣсяца достигшій, за совѣты, по расположенію новаго правительства, до званія дивизионнаго генерала, выступалъ въ первый разъ на сцену въ качествѣ предводителя войскъ.

Вслѣдствіе такого извѣстія, мы выступили изъ Люблина на перерѣзъ Хржановскому. 26 сосредоточились у Коміонки. Въ Коцкѣ былъ небольшой нашъ отрядъ, подъ командою генерала храбраго, но запальчиваго. Сила отряда простиралась до 1,500 человекъ. Хржановскій атаковалъ его превосходными силами и вытѣснилъ. Отрядъ отступилъ къ Фирлею. Хржановскій, не зная еще о сосредоточеніи нашихъ силъ при Каміонкѣ и полагая ихъ только въ слѣдованіи, вознамѣрился, до прибытія ихъ,

уничтожить нашъ слабый отрядъ при Фирлеѣ. Онъ сильно сталъ напирать на него. Начальникъ отряда искусно навелъ авангардъ Хржановскаго на засаду, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ до 500 человекъ. Но, не довольствуясь успѣхомъ, онъ, по запальчивости своей, бросился преслѣдовать остатки авангарда, столкнулся со всѣми силами Хржановскаго, былъ, въ свою очередь, разбитъ на голову и не только потерялъ всѣхъ плѣнныхъ, но еще болѣе 500 человекъ отдалъ въ плѣнъ изъ своего отряда. Хржановскій живо преслѣдовалъ его до Каміонки, но, встрѣченный всѣми нашими силами, остановился. Здѣсь произошло небольшое артиллерійское дѣло, послѣ котораго Хржановскій отступилъ и, сдѣлавъ фланговое движеніе, въ правый нашъ флангъ, остановился у Любартова. Этимъ искуснымъ и смѣлымъ маневромъ, исполненнымъ почти на нашихъ глазахъ, онъ вдругъ очутился ближе къ Люблину, чѣмъ мы. Пораженіе подъ Фирлеемъ нашего боковаго отряда разстроило всѣ наши соображенія. Считая, по первымъ извѣстіямъ, отрядъ Хржановскаго незначительнымъ, теперь начали думать, что онъ сильнѣе нашего.

Движеніе Хржановскаго на люблинскую дорогу, къ Любартову, въ другое время показалось бы весьма понятнымъ, потому что, еще при выступленіи нашемъ изъ Люблина къ Каміонкѣ, было уже извѣстно, что Хржановскій спѣшитъ на подкрѣпленіе Дверницкаго. Но въ этотъ разъ, отъ неудачнаго дѣла, всѣ обстоятельства покрылись какимъ-то туманомъ, и мы не знали, за что взяться. Сначала стали вытягивать и передвигать съ мѣста на мѣсто свои войска, съ цѣлью привести непріятеля въ недоумѣніе своими движеніями и, сверхъ того, показать, что у насъ силы огромныя; потомъ собрали военный совѣтъ.

Корпусную квартиру, вечеромъ 27, перевели въ Козловку, верстахъ въ двухъ отъ Каміонки. Тамъ есть огромный замокъ какого-то польскаго магната, покинутый владѣльцемъ еще въ началѣ войны, изъ естественной для мирнаго гражданина боязни бранныхъ тревогъ. Въ этомъ замкѣ штабъ нашъ, какъ говорится, потонулъ: такъ обширны были его помѣщенія. Мы расположились съ такимъ комфортомъ, какой не у многихъ изъ насъ нашелся бы и дома. У каждаго было по нѣскольку комнатъ, постели съ прекрасными матрацами, набитыми волосомъ; также необходимыя принадлежности для самаго даже прихотливаго смертнаго: и мраморныя ванны, и души, и ящики для умыванья, и столы съ вещами для туалета. Мы искренно жалѣли, что

пребываніе наше въ этомъ очаровательномъ замкѣ не могло быть продолжительно.

Въ Польшѣ мы встрѣчали тогда много такихъ огромныхъ, великолѣпныхъ замковъ — свидѣтельство роскоши и богатства ихъ владѣтелей. Нѣкоторые изъ этихъ почтенныхъ старинной обиталищъ являли очевидные признаки, что владѣльцы этой феодальной древности, застигнутые нежданой бурей войны, оставили родную кровлю на произволъ случая съ необыкновенной поспѣшностію, увезя съ собой только деньги и драгоценности; но все убранство комнатъ осталось неприкосновенно. Нѣкоторые предметы напоминали даже о прерванныхъ внезапно обыденныхъ занятіяхъ въ домѣ, показывая тѣмъ, что хозяева какъ будто выѣхали на недалнюю прогулку, на часъ или на два. На столикахъ въ гостиныхъ лежали раскрытыя книги, разбросанныя гравюры; въ будуарахъ и спальняхъ были неконченныя дамскія работы.

Апрѣля 27, вечеромъ, собрался въ обширныхъ залахъ Козловскаго замка военный совѣтъ изъ всѣхъ генераловъ, бывшихъ при корпусѣ. Долго разсуждали, много спорили; каждый силлся доказать, что его мнѣніе лучшее. Послѣ многихъ преній, ничего не рѣшившихъ, согласились только на одномъ: послать скрытно расторопнаго офицера высмотрѣть ночью позицію непріятеля и доставить приблизительное свѣдѣніе о его силахъ, да еще графу Толстому приказали перейти съ его кавалерійскимъ отрядомъ тотчасъ же въ деревню Нѣмцы, для наблюдений по люблинской дорогѣ, и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Остальное отложили до завтра.

Развѣдать о непріятелѣ посланъ былъ одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, бывшихъ въ прикомандированіи при пашей гренадерской бригадѣ. Офицеръ исполнилъ опасное порученіе съ удивительною ловкостію. Пробравшись на возможно близкое разстояніе къ непріятельскому становищу, онъ хладнокровно, неустрашимо высмотрѣлъ самомалѣйшія его подробности. Твердо знакомый съ лагерной службой, онъ, по расположенію войскъ, съ совершенной точностію опредѣлялъ ихъ силы. Съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія офицера, котораго показаніе должно было направить всѣ наши дѣйствія. Въ три часа по полудни офицеръ явился съ донесеніемъ, что непріятель стоитъ у Любартова очень безпечно, что у него не болѣе четырехъ баталіоновъ пѣхоты, вскадроновъ восемь или десять кавалеріи и

четырнадцать орудій. Вся сила, слѣдовательно, простиралась много что до пяти тысячъ человѣкъ.

Тотчасъ же принялись за составленіе диспозицій. Рѣшено было атаковать непріятеля въ то же утро совокупнымъ ударомъ: съ центра и лѣваго нашего фланга, отъ Любартова — главными силами; съ праваго фланга, по люблинской дорогѣ — кавалеріею графа Толстаго.

Планъ былъ превосходный. Непріятель, охваченный со всѣхъ сторонъ нашими войсками какъ сѣтью, имѣя въ тылу своемъ болотистую, топкую рѣчку, былъ бы принужденъ или пробиваться силою сквозь наши линіи, или кидаться въ болотистыя топи. И то и другое предвѣщало вѣрный, несомнѣнный успѣхъ.

Въ шесть часовъ утра велѣно было сняться съ бивуаковъ, а въ восемь атаковать. Какъ всѣ войска были сосредоточены около Козловки, то они, получивъ во-время свои диспозиціи, выступили въ назначенный часъ. Объ отправленіи же диспозиціи къ графу Толстому, въ суетахъ спѣшной работы, не позаботились. Диспозицію эту слѣдовало бы отправить прежде всѣхъ, потому что отъ Козловки до Нѣмцевъ было верстъ десять, а ее отправили послѣ всѣхъ, да еще, при отправленіи, казаку, повезшему диспозицію, сказали, чтобъ онъ былъ остороженъ и не попалъ, на прямомъ переѣздѣ въ Нѣмцы, въ руки непріятеля, и что, поэтому, ему дозволяется сдѣлать *маленькій* объѣздъ. Нашимъ казакамъ, всегда до крайности осторожнымъ, нѣтъ надобности давать предостерегательные совѣты: казакъ рѣдко попадетъ въ неисходную бѣду. Но когда ему внушаютъ мысль о вѣролтайной опасности, онъ, естественно, удеслѣряетъ свою осторожность и, получивъ дозволеніе на *маленькій* объѣздъ, не затруднится сдѣлать его и въ двадцать верстъ.

Въ назначенный часъ, всѣ войска, за исключеніемъ отряда графа Толстаго, выступили къ Любартову, бывшему отъ Козловки въ пяти верстахъ. Утро было теплое, прекрасное; весеннее солнце оживляло природу.

Мы шли въ боевомъ порядкѣ, съ вынутыми саблями и зажженными фитилями, готовые каждую минуту вступить въ сраженіе. Мѣстность представляла всѣ удобства къ такому движенію. Позиціи непріятеля закрывалась отъ насъ холмами и небольшими высотами, которыя, по странной безпечности, не были даже никѣмъ заняты. Поэтому все благопріятствовало быстрому, внезапному нападенію, предположенному диспозиціею; оно ка-

залось тѣмъ болѣе возможнымъ, что передовые наши разѣзды, сновавшіе по всѣмъ направленіямъ передъ линіями войскъ, безпрерывно давали знать, что непріятель не трогается съ мѣста и, по видимому, не ждетъ нападенія.

Подойдя къ послѣднимъ возвышеніямъ, скрывавшимъ насъ отъ непріятеля, корпусный командиръ, находившійся при войскахъ, приказалъ остановиться и приготовиться къ бою. Остановка эта была первымъ шагомъ къ спасенію Хржановскаго.

Непріятель, по необъяснимой оплошности, стоялъ неосторожно и невыгодно. Позиція его была въ отлогой ложинѣ, окруженной возвышенностями. Не было ни авангарда, ни даже ведетовъ на этихъ возвышенностяхъ. Мы были только въ верстѣ, шли атаковать, а въ станѣ непріятеля никто его не подозрѣвалъ и къ защитѣ не готовился. Хржановскій провелъ ночь въ Любартовѣ, а въ лагерь было безначаліе. Казалось, что непріятель хотѣлъ спрятаться въ своей ложинѣ и потомъ уйти отъ насъ незамѣченнымъ. Расположеніе съ отрядомъ Хржановскаго подлѣ Любартова, оплошность и безпечность его доказывали, что практически онъ вовсе не понималъ военного дѣла, но теорію зналъ превосходно, что показалъ вчерашній его маневръ и что покажутъ еще дальнѣйшія дѣйствія.

Въ лагерь Хржановскаго люди были раздѣты, лошади разсѣдланы; часть людей отправилась въ мѣстечко на разные промыслы.

При нашемъ только появленіи, на возвышенностяхъ ударили тревогу.... Мы ясно видѣли простыми, невооруженными глазами бѣготню и суматоху въ лагерь. Слѣдовало идти и брать непріятеля просто руками; но.... мы выдвинули свои пушки и открыли жестокую канонаду.

По вліянію злаго рока, мы остановились въ тотъ именно моментъ, когда слѣдовало ускорить движеніе.

Непріятель до того ошеломленъ былъ появленіемъ нашимъ и внезапной атакой, что съ четверть часа не отвѣчалъ намъ ни однимъ выстрѣломъ, но, опомнившись, поставилъ также всѣ свои орудія и сталъ дѣйствовать горячо. Между тѣмъ, чтобъ прикрыть хаосъ, происходившій въ лагерь, и отвлечь вниманіе наше въ другую сторону, онъ выслалъ на позицію первый конноегерскій полкъ, который смѣло, подъ выстрѣлами, развернулся въ близкомъ разстояніи передъ нашимъ правымъ флангомъ. Движеніе этого полка мы приняли сначала за намѣреніе атако-

вать и приготовились къ встрѣчѣ; но полкъ дальше не пошелъ. На этотъ разъ мы, атакующіе и сильнѣйшіе, неожиданно очутились сами въ положеніи оборонительномъ.

Между тѣмъ, артиллерія работала неутомимо: тридцать орудій съ нашей стороны и четырнадцать съ непріятельской, на протяженіи полуверсты, ревѣли безъ умолку; ядра и гранаты пронзительно рѣзали воздухъ. Пороховой дымъ плотной массой разстилался надъ войсками, и непріятельскіе солдаты едва виднѣлись сквозь него, какъ будто покрытые сѣровой дымкой.

Канонада длилась уже около двухъ часовъ. Казалось, что эта смертоносная пальба должна была истребить половину людей въ рядахъ сражающихся, особенно у непріятеля, потому что на одинъ его выстрѣлъ приходилось нашихъ два и три. Грому было много, а вредъ ничтожный. Ядра нашихъ батарей, стоявшихъ на возвышенности, перелетали черезъ голову непріятельскихъ колоннъ; непріятельскія же ложились у подошвы возвышенія, потому что орудія ихъ стояли на низменности. За густотою дыма нельзя было видѣть дѣйствія снарядовъ. Но артиллеристы наши, судя по живости непріятельскаго огня, сообразили, что мало вредитъ непріятелю именно оттого, что не довольно опущено дуло пушекъ. Ошибку исправили и слѣдствія исправленія не замедлили обнаружиться: черезъ полчаса огонь непріятельскихъ батарей сталъ ослабѣвать и въ колоннахъ началось волненіе. Еще черезъ четверть часа непріятель дрогнулъ, пѣхота его начала отступать по люблинской дорогѣ, заслоняясь, какъ ширмой, первымъ конно-егерскимъ полкомъ, который, какъ я выше сказалъ, стоялъ развернутымъ фронтомъ противъ нашего праваго фланга. Но ширма не скрыла движенія: отступление было замѣчено. Тотчасъ же линіи наши тронулись впередъ, артиллерія усилила огонь. Еще была возможность уничтожить непріятеля смѣлымъ ударомъ; но мы подвигались медленно, поражая отступавшихъ только артиллерию.

Отступление непріятеля, начавшееся въ порядкѣ, скоро превратилось въ бѣгство. Пѣхота разбелась: часть ея бросилась на люблинскую дорогу, другая въ Любартовъ, гдѣ засѣла за оградой костела и въ домахъ; остальное перебралось за рѣчку и по луговой равнинѣ, разсыпавшись, отступало нестройной толпой. Одна кавалерія, двигавшаяся по люблинской дорогѣ, сохраняла еще порядокъ; артиллерія же поспѣшно уходила впереди всѣхъ.

Безпорядочное разбѣяніе непріятельскаго отряда было весьма живописно. Кавалерія наша тотчасъ бросилась во всѣ направленія преслѣдовать бѣжавшія толпы. Конная артиллерія, схватя на передки, понеслась за непріятелемъ и, подскакавъ на близкую дистанцію, сопровождала бѣгущихъ картечью. Все это представляло живую, одушевленную картину.

Поле сраженія очистилось. Оно было покрыто убитыми и ранеными, а также оружіемъ, аммунициею. Болѣе всего бросались въ глаза кинутые среди поля подбитый непріятельскій лафетъ и зарядный ящикъ, подъ которымъ и лошади и ѣздовой были убиты одной гранатой.

Теперь оставалось послѣднее средство—разбить окончательно непріятеля горячимъ преслѣдованіемъ на его безпорядочномъ бѣгствѣ; но у насъ кавалеріи было недостаточно: вся она осталась въ отрядѣ графа Толстаго, а графъ Толстой не шелъ. Къ нему, во время сраженія, послали двухъ адъютантовъ, съ приказаніемъ спѣшить къ мѣсту битвы; но графъ Толстой все-таки не явился и адъютанты не возвращались. Преслѣдовать было нечѣмъ. Отчего же графъ Толстой не пришелъ? какая тому причина?

Причина самая простая: графъ Толстой не получилъ никакихъ приказаній. Слыша живую любартовскую канонаду, графъ Толстой, храбрый, мужественный, славолубивый, выходилъ изъ себя отъ негодованія, что его какъ будто забыли. Сто разъ порывался онъ самовольно двинуться къ мѣсту боя, но ежеминутное ожиданіе какого нибудь приказанія, неполученіе котораго сколько удивляло, столько же и раздражало его, приковывало его къ мѣсту. Вообще понимая, какъ важно въ военное время точное исполненіе предписанныхъ распоряженій, особенно въ рѣшительную минуту битвы, онъ страшился даже мысли о томъ, что, по удаленіи съ мѣста, ему могутъ прислать какое нибудь важное приказаніе, приказаніе двинуться, быть можетъ, совершенно въ противоположную сторону отъ мѣста сраженія, а онъ сойдетъ съ своего поста, посланный съ нимъ разѣдется и приказаніе останется неисполненнымъ.

Пробывъ въ такомъ мучительномъ положеніи слишкомъ два часа отъ начала любартовскаго боя, Толстой получилъ наконецъ свою диспозицію. Казакъ, везшій ее, изъ опасенія попасть въ руки непріятеля, сдѣлалъ объѣздъ, какъ мы уже и намекали, слишкомъ въ двадцать верстъ, и привезъ диспозицію въ десять

часовъ. Графъ Толстой тотчасъ же двинулся на рысяхъ къ Любартову; но восемь верстъ разстоянія нельзя было пройти въ десять минутъ. Притомъ же, сберегая силы лошадей, необходимыя, какъ предугадывалъ Толстой не безъ основанія, для дальнѣйшихъ и, быть можетъ, рѣшительныхъ дѣйствій, онъ принужденъ былъ удерживать порывъ свой и половину дороги идти шагомъ.

На пути встрѣтились и адъютанты: первый сбился съ дороги и опоздалъ передать приказаніе; второй пріѣхалъ въ то время, когда приказаніе уже исполнилось.

Приближаясь къ люблинской дорогѣ, графъ Толстой увидалъ бѣжавшія непріятельскія массы, уже далеко ушедшія. Онъ бросился за ними на помощь той кавалеріи, которую отправили въ преслѣдованіе отъ главныхъ нашихъ силъ.

Часть нашихъ гренадеръ, съ нѣсколькими батарейными орудіями, обратили къ Любартову, чтобъ уничтожить оставшуюся тамъ непріятельскую пѣхоту. Полкъ драгунъ, съ четырьмя легкими орудіями, понесся на толпы, разсѣявшіяся по луговой сторонѣ рѣчки. Въ этой толпѣ бѣжавшихъ ясно была видна масса нашихъ плѣнныхъ, взятыхъ наканунѣ подъ Фирлеемъ. Цѣлныя конвоировала, въ должномъ порядкѣ, рота солдатъ, не бывшая въ дѣлѣ. Въ то время, когда непріятель былъ сбитъ съ позиціи, плѣнныхъ нашихъ вывели изъ Любартова на луговую сторону рѣчки, и, къ досадѣ нашей, вели очень спокойно, посреди общей суматохи. На эту-то массу и ударили драгуны, съ цѣлью освободить плѣнныхъ. Драгуны неслись на большихъ рысяхъ и уже настигали колонну съ плѣнными. Конвой оробѣлъ, растерялся, открылъ за полверсты пальбу; еще моментъ, и плѣнные были бы свободны, а конвой заступилъ бы ихъ мѣсто, какъ вдругъ неожиданное препятствіе, о которомъ драгуны и не знали: скверная болотистая рѣчка! Драгуны остановились. Нѣкоторые бросились было впередъ, въ надеждѣ переѣхать; но топь была слишкомъ глубока. Драгуны съ негодованіемъ должны были отказаться отъ своего намѣренія. За то, съ досады, артиллеристы подскакали къ самой рѣчкѣ и приняли бѣжавшихъ въ картечь; но непріятель укрылся въ лѣсъ, покрывавшій всю залуговую сторону. Впрочемъ, плѣнные наши, связывавшіе послѣднее отступленіе Хржановскаго, были имъ брошены на другой же день.

Гренадеры, направленные въ мѣстечко, кинулись на ограду костела; ихъ встрѣтили дружнымъ батальнымъ огнемъ челоѣкъ триста непріятельскихъ пѣхотинцевъ, забравшихся за ограду. Гренадеры отступили. Начальствовавшій здѣсь генераль Фези закричалъ одной встрѣченной имъ ротѣ:

— Куда бѣжите! трусы!

Ротный командиръ, подпоручикъ Кафка, остановилъ роту и тотчасъ же возразилъ генералу:

— Ваше превосходительство! мы *отступаемъ*, и не отъ трусости. Это вы сейчасъ увидите!

Вслѣдъ за этимъ онъ скомандовалъ своей ротѣ: «впередь!» повелъ ее твердымъ шагомъ къ дверямъ ограды и самъ героемъ пошелъ впереди всѣхъ.

Рота подошла къ дверямъ: онѣ были заперты. Кафка схватилъ солдатское ружье и сталъ выбивать прикладомъ дверь. Нѣсколько челоѣкъ изъ роты кинулись къ нему на помощь. Въ минуту дверь отбили. Кафка первый бросился въ нее... Въ это мгновеніе раздался залпъ... Кафка, пронзенный двадцатью пулями, изъ которыхъ половина попала ему въ лицо, палъ на мѣстѣ жертвою своей храбрости и оскорбленія, которое онъ получилъ незаслуженно и котораго его самолюбивая душа не могла перенести. Все, что было передъ дверью, или убито, или ранено. Но кровь этихъ жертвъ воспламенила солдатъ, и они съ ожесточеніемъ ринулись за ограду, черезъ трупы товарищей и своего любимаго начальника. За ними вторгнулось еще нѣсколько ротъ. Тогда за оградой началась рѣзня. Освирѣпѣлые гренадеры переклоли штыками болѣе ста челоѣкъ, остальныхъ забрали въ плѣнъ.

Геройская смерть Кафки проложила намъ путь къ побѣдѣ, хотя успѣхъ былъ бы легко пріобрѣтенъ и не цѣною его жизни; но Кафка хотѣлъ умереть, и умеръ благородною смертію. Тѣло этого доблестнаго офицера въ пылу боя оставили всѣ въ забвеніи; но не оставилъ его одинъ вѣрный стражъ — пудель Кафки. Этого преданнаго животнаго, не сводившаго глазъ съ обезображеннаго и обагреннаго кровью лица его господина, не могли оторвать отъ трупа. Кафку тутъ же за оградой и похоронили. Вѣрный пудель остался на могилѣ. Солдаты звали его — онъ не сошелъ. Что сдѣлалось съ нимъ послѣ, неизвѣстно. Впрочемъ, это не первый примѣръ безграничной привязанности собаки къ челоѣку.

По мѣстечку начали стрѣлять брандсугелями. Черезъ десять минутъ, въ нѣсколькихъ домахъ, зажглись на крышахъ, какъ свѣчи, огоньки; еще черезъ пять минутъ вспыхнуло пламя и, нп-тѣмъ не удерживаемое, полилось по крышамъ домовъ и въ пол-часа, при усилившемся вѣтрѣ, охватило все мѣстечко. Огонь лрился, волнуясь какъ бурное море и вздымаясь громадными красными языками къ небу; дымъ какъ туча облегъ весь горн-зонть; пожаръ свирѣпствовалъ на пространствѣ двухъ квадрат-ныхъ верстѣ. Засѣвшие въ мѣстечкѣ Поляки иные сдались въ плѣнъ, другіе погибли въ пламени.

Корпусный командиръ сильно негодовалъ на графа Толстаго за то, что онъ не подоспѣлъ къ сраженію, и неполный успѣхъ побѣды относилъ къ его винѣ. Онъ еще не зналъ причинъ, за-державшихъ Толстаго. Но еслибъ даже Толстой и былъ вино-вать (мы уже видѣли, что онъ нисколько не виновать), то не могли ли мы и безъ отряда графа Толстаго разгромить въ конецъ Хржановскаго? Очень могли: два момента было самыхъ благо-пріятныхъ для этого, какъ мы уже и объяснили. Нашъ вождь, конечно, самъ чувствовалъ, что именно лишило его полного тор-жества. Но, для оправданія себя, необходимо же было раздѣлить вину съ другимъ.

Корпусный командиръ, окруженный генералами и свитой, ѣхалъ черезъ поле битвы, разсуждая горячо и съ огорченіемъ о ничтожномъ результатѣ дѣла.

Впереди насъ, вдалекѣ, раздавались пушечные выстрѣлы, громившіе бѣжавшаго непріятеля. Позади пылалъ Любартовъ. Войска всѣ были отправлены въ преслѣдованіе. Здѣсь оставался только конвойный дивизионъ драгунъ.

Вдругъ настигаетъ свиту одинъ изъ нашихъ генераловъ. При немъ ѣхалъ фурштатъ, въ сѣрой солдатской шинели, съ фураж-кою въ рукахъ, на гнѣдой лошади.

Генералъ подѣхалъ прямо къ корпусному командиру.

— Ваше превосходительство! сказалъ генералъ: — фурштатъ этотъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ въ Каміонкѣ будто бы цѣлую дивизію непріятельской пѣхоты.

— Что такое? спросилъ корпусный командиръ, встревожась: — что ты говоришь? спросилъ онъ фурштата.

Надобно сказать, что Каміонка осталась у насъ въ тылу и въ ней расположенъ былъ нашъ вагенбургъ.

— Точно такъ, ваше присходительство! отвѣчалъ фурштатъ чистымъ русскимъ нарѣчіемъ степныхъ губерній: — въ Каміонкѣ шяхоты видима-невидима!

— Какой пѣхоты?

— Польскій.

— Ты самъ видѣлъ?

— Самъ, своими глазами.

— Да зачѣмъ ты былъ въ Каміонкѣ?

— Меня съ полка послали за фуражемъ. Я, какъ увидѣлъ Поляковъ, наслу поног унесъ.

Это извѣстіе такъ ошеломило всѣхъ, что минуты на двѣ мы какъ будто онѣмѣли: никто изъ насъ слова не выговорилъ. Необходимо сказать, что мы все еще достовѣрно не знали о силахъ непріятеля, перешедшаго на правый берегъ Вислы. Передъ нами былъ Хржановскій; но слухи носились, что за нимъ идетъ Пацъ съ 8,000 отрядомъ. Но какъ слухъ ничѣмъ не подкрѣпился, то и утвердились въ той мысли, что Хржановскій не поддержанъ Пацомъ. Извѣстіе, привезенное фурштатомъ, имѣло полный видъ достовѣрности. Весьма естественно можно было предположить, что, пока мы управлялись съ Хржановскимъ, обратя исключительно на него все свое вниманіе, Пацъ перешелъ Вислу и неожиданно явился у насъ въ тылу.

— Если это такъ, сказалъ корпусный командиръ вполголоса: — то намъ нужно думать не о побѣдѣ, а о спасеніи.

Тотчасъ же адъютанты и ординарцы понеслись во всѣ на правленія, съ приказаніемъ остановить преслѣдованіе.

Одинъ изъ конвойныхъ эскадроновъ отправили на рысяхъ въ Каміонку, удостовѣриться, справедливо ли извѣстіе, доставленное фурштатомъ.

До Каміонки было около семи верстъ; слѣдовательно, требовалось не менѣе полутора часа времени, чтобы посланный эскадронъ успѣхъ возвратиться, если онъ еще благополучно исполнитъ свое порученіе.

Мы остались на томъ же мѣстѣ, разсуждая, не совсѣмъ спокойно, о непріятномъ положеніи попасть въ тиски между двухъ непріятельскихъ отрядовъ. Корпусный командиръ начертилъ уже прекрасный планъ для дѣйствій, въ случаѣ, еслибъ Пацъ или другой кто сталъ у насъ въ тылу. Онъ говорилъ окружающимъ его генераламъ:

— Если въ Каміонкѣ, дѣйствительно, есть непріятель, то мы сейчасъ же его атакуемъ. Хржановскій не успѣетъ опомниться и собрать своихъ силъ, какъ мы разобьемъ уже Паца... или кто тамъ пришелъ, не знаю. Надобно дѣйствовать быстро и рѣшительно, чтобъ не дать Хржановскому времени устроиться и взять насъ въ тылъ. Это единственное средство поправить съ успѣхомъ наше дѣло: тогда вмѣсто одной побѣды мы будемъ имѣть двѣ.

Съ удивленіемъ слушали мы изложеніе такого простаго, но мудраго плана дѣйствій. Чтò, еслибъ съ такой быстротой и рѣшительностію, какъ предполагалось теперь, въ положеніи неблагоприятномъ, дѣйствовали противъ Сѣравскаго и Хржановскаго? Какая слава озарила бы чело нашего военачальника! Но бываютъ странныя уклоненія въ умахъ даже людей способныхъ: у ннаго пробуждается вдохновеніе въ моментъ успѣха и погибаетъ при неудачѣ; у другихъ наоборотъ: при удачѣ умъ засыпаетъ, но въ опасности встаетъ вся его сила и энергія. Нашъ начальникъ принадлежалъ, повидимому, къ послѣдней категоріи.

Въ разговорахъ и разсужденіяхъ мы совершенно забыли о фурштатѣ, виновникѣ всей этой тревоги. Никому въ голову не пришло удержать его на всякій случай.

Прошло полтора часа самаго тягостнаго ожиданія.

Но вотъ вдали показался столбъ пыли. Это возвращался изъ Каміонки нашъ эскадронъ. Отъ него отдѣлился всадникъ, который, на запыленной и взмыленной лошади, подскочилъ прямо къ корпусному командиру. То былъ командиръ эскадрона, майоръ. Мы во всѣ глаза смотрѣли на него, силясь предузнать истину въ выраженіи его лица.

— Ну, чтò? спросилъ нетерпѣливо генералъ, не давъ времени майору остановить даже лошадь.

— Въ Каміонкѣ, отвѣчалъ майоръ: — никакого непріятели нѣтъ: это извѣстіе ложное. Нашъ вагенбургъ ночевалъ тамъ и теперь еще стоитъ; онъ никого не видалъ и ни о какомъ непріятелѣ не слыхалъ.

Трудно передать изумленіе, овладѣвшее всѣми при этомъ неожиданномъ, хотя и утѣшительномъ извѣстіи.

— Чтò жъ это значить? спросилъ корпусный командиръ, смотря вокругъ себя на своихъ спутниковъ съ возрастающимъ недоумѣніемъ и гнѣвомъ: — мы пошлымъ образомъ обмануты! Эй, фурштатъ!

— Фурштатъ! Фурштатъ! повторило двадцать голосовъ.

Но фурштата не было.

— Подайте мнѣ фурштата! закричалъ генералъ: — того фурштата, который привезъ извѣстіе, что въ Каміонкѣ непріятель.

Бросились искать — фурштата нигдѣ нѣтъ: онъ какъ будто въ землю провалился.

— Что жъ фурштатъ? повторилъ генералъ, теряя терпѣніе.

— Фурштата нѣтъ, отозвался кто-то изъ свиты: — онъ, вѣрно, уѣхалъ...

Генералъ вышелъ изъ себя; но какъ негодованіе было безплодно, то онъ обратился къ генераламъ съ вопросомъ:

— Что жъ это значить, господа? это явная измѣна!...

Какъ будто не довѣря еще полученному извѣстію, корпусный командиръ снова подозревалъ къ себѣ маіора, ходившаго съ эскадрономъ въ Каміонку.

— Вы входили въ самую Каміонку? спросилъ онъ.

— Въ самую Каміонку, отвѣчалъ маіоръ.

— Видѣли нашъ вагенбургъ?

— Видѣлъ вагенбургъ, видѣлъ вагенмейстера. Онъ стоялъ спокойно и благополучно.

— Фу, какая глупость! вскрикнулъ генералъ, давъ шпоры своей лошади.

Онъ проѣхалъ нѣкоторое разстояніе въ глубокомъ безмолвіи и размышленіи и вдругъ остановился. Вся свита, разумѣется, тронувшись за нимъ, также остановилась.

— Адъютанты! ординарцы! крикнулъ генералъ, подавляемый досадою: — скачите, летите во всѣ войска! прикажите душить непріятеля, сидѣть у него на плечахъ, не давать ему ни минуты покоя!

Человѣкъ десять адъютантовъ и ординарцевъ поскакали впереди съ приказаніями.

Но въ два часа времени непріятель ушелъ далеко и безмѣрно выигралъ и времени и пространства. Онъ успѣлъ въ эти два часа переправиться черезъ р. Вепржъ, уничтожить на ней переправу и стянуть въ Ленчио разбѣжавшійся свой отрядъ. Оттуда, прикрываясь Вепржемъ, онъ на другой день продолжалъ отступать, со всевозможною поспѣшностію, къ Замостью.

Но кто былъ этотъ фурштатъ, этотъ злой духъ, которому такъ легковѣрно мы дозволили обмануть себя и ввести въ обидную для нашего самолюбія ошибку?

Это былъ — переодѣтый польскій офицеръ!... Нельзя не по-
дивиться его мужеству и самоотверженію. Выказанныя имъ не-
устранимость, ловкость, находчивость, дѣйствительно, изуми-
тельны. Какъ естественно выполнилъ онъ принятую на себя
роль, которая, при одномъ словѣ замѣшательства, стоила бы
ему жизни! И какое, притомъ, самопожертвованіе! Чтобы спа-
сти свой отрядъ, онъ несъ на жертву свою голову.

Между нами, Русскими, бывали подобные, но высшіе по цѣли
подвиги самоотверженія: въ 1812 году былъ у насъ знаменитый
партизанъ Фигнеръ, который, во время занятія Москвы Фран-
цузами, переодѣтый въ крестьянское платье, прожилъ тамъ три
недѣли; въ 1813 году, онъ пробылъ десять дней, подъ видомъ
купца, въ Данцигѣ, который былъ во власти Французовъ. Осто-
рожная полиція французская уже возымѣла противъ него подо-
зрѣнія, арестовала его и подвергала различнымъ испытаніямъ,
чтобы добиться истины; но изворотливый, неустранимый Фиг-
неръ героически выдержалъ всѣ испытанія.

Затѣмъ мы назовемъ Сусаннина и къ этому имени не смѣемъ
прибавить ни слова отъ себя. Сердцу всякаго Русскаго оно го-
воритъ громко и краснорѣчиво, громче и краснорѣчивѣе, чѣмъ
всякія хвалебныя пѣсни.

Подробности о переодѣтомъ польскомъ офицерѣ я узналъ
уже послѣ войны, въ Варшавѣ. Я встрѣтилъ тамъ Хржановска-
го, имѣвшаго знакомыхъ между нашими офицерами, и слышалъ,
какъ онъ рассказывалъ, что самъ не можетъ понять, какъ онъ
успѣлъ спастись подъ Любартовымъ; что отчаянная попытка
подослать переодѣтаго офицера была вынуждена совершенною
крайностію и что онъ никогда самъ не ожидалъ отъ этой неза-
мысловатой выдумки такого колоссальнаго успѣха.

Задерживаемые переправами и другими препятствіями, кото-
рыя противопоставлялъ намъ, на своемъ отступленіи, Хржанов-
скій, мы не могли быстро преслѣдовать его и тѣмъ менѣе преду-
предить въ Красноставѣ, при поворотѣ къ Замостью. Онъ такъ
поспѣшно ретировался, что чрезъ Красноставъ прошелъ почти
сутками прежде насъ. Утомленный авангардъ нашъ удовлетво-
вался только отсталыми, которыхъ извѣлъ въ плѣнъ до восьми-
сотъ человѣкъ, да освободилъ изъ плѣна своихъ пятьсотъ Рус-
скихъ. Вся потеря непріятеля въ дѣлѣ подъ Фирлеемъ и Лю-
бартовымъ, а также и на отступленіи, не превышала тысячи
пятьсотъ человѣкъ; а онъ могъ бы потерять вдвое больше.

На третій день Хржановскій прибылъ въ Замостье, гдѣ оставался долго безъ дѣла, потому что цѣль его смѣлаго движенія черезъ Люблинское воеводство рушилась. Дверницкій, на помощь которому онъ былъ посланъ, разбитъ былъ Ридигеромъ на Стырѣ подъ Боромлей, вогнавъ въ предѣлы Австріи и тамъ сложивъ оружіе. Тѣмъ и кончилась попытка Дверницкаго возмутить Волинь и Подолію, — попытка, лишившая его мгновенно всѣхъ побѣдныхъ вѣнковъ, лавры которыхъ, какъ осенній листъ съ дерева, осыпались съ разу; самое имя его погибло въ забвеніи.

Послѣ этой экспедиціи, мы снова возвратились въ Люблинъ, но оставались тамъ недолго. На наше мѣсто пришелъ Ридигеръ, а насъ перевели въ Сѣдлецъ.

Въ Сѣдлѣцѣ намъ было дурно: городъ опустѣлый, раззоренный войной, не доставлялъ намъ ни одного изъ тѣхъ удовольствій, какими пользовались мы въ Люблинѣ. Люблинъ оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

XI.

По арміи разнеслась вѣсть о кровопролитной битвѣ подъ Остроленкой. Здѣсь, какъ и подъ Гроховымъ, главнокомандующій держалъ въ своей рукѣ судьбу войны и судьбу Варшавы. Здѣсь онъ также могъ покончить войну и покорить столицу Польскаго царства. Но ошибка, сдѣланная подъ Гроховымъ, повторилась и при Остроленкѣ. Послѣ гроховскаго разгрома, польская армія, на половину уничтоженная, потрясенная въ самомъ основаніи своемъ, не могла сопротивляться: она утратила и физическую и моральную силу. Варшава также упала духомъ. Но мы не воспользовались плодами побѣды, не преслѣдовали разбитаго непріятеля — и армія его снова устроилась и жители Варшавы снова ободрились.

Подъ Остроленкой произошло то же самое. Польская армія, понесшая огромныя потери, бѣжала съ поля сраженія въ совершеннѣйшемъ разстройствѣ. Варшава, оставшаяся безъ арміи, снова готова была преклониться передъ побѣдителемъ; но мы и тутъ не воспользовались побѣдой, не преслѣдовали непріятеля — и война, уже угасавшая, снова вспыхнула.

Послѣ остроленской битвы, главныя силы нашей арміи сосредоточились у Пултуска и хотя оставались въ бездѣйствіи,

по такъ стѣснили движенія польской арміи, уже успѣвшей сформироваться наново, что она не смѣла сдѣлать шага, не рискуя потерять средоточіе своихъ способствъ—Варшаву. Паденіе Варшавы было бы вмѣстѣ паденіемъ всего возстанія, разрушеніемъ всѣхъ надеждъ и мечтаній Поляковъ. Пултускъ весьма важный стратегическій пунктъ при предпріятіяхъ на Варшаву, и русскій вожь весьма разумно избралъ его центромъ своихъ дѣйствій, до осуществленія новыхъ предначертаній къ продолженію войны.

Сосредоточеніе нашихъ силъ у Пултуска, повидимому, открывало непріятелю прямой путь на наши сообщенія и въ Россію, черезъ Сѣдлецъ. Но, въ сущности, едва ли это не была приманка. Не безызвѣстно было, какъ враговъ нашихъ всегда обольщала мысль вторгнуться въ Россію. Еслибъ они, соблазнившись приманкой, двинулись на черту нашего отечества, то нѣтъ сомнѣнія, что обратный путь къ Варшавѣ былъ бы невозвратно ими потерянъ. Мы однимъ переходомъ становились между ихъ столицей и ихъ арміею и могли по произволу громить ту или другую.

Въ Сѣдлцѣ у насъ были госпитали и порядочные запасы хлѣба и фуража. Все это охранялось слабымъ кавалерійскимъ отрядомъ, который, при натискѣ даже одной пѣхотной непріятельской бригады, долженъ былъ бы все ввѣренное его защитѣ истребить или предать во власть врагу. Въ этихъ видахъ, перевели изъ Люблина въ Сѣдлецъ корпусъ Крейца, а Люблинское воеводство велѣли занять Ридигеру съ своимъ корпусомъ. Низложивъ Дверницкаго и очистивъ Волинь отъ мятежническихъ скопищъ, Ридигеръ, съ полной свободой, могъ вступить въ Люблинское воеводство.

Въ концѣ мая, распространились извѣстія о пріѣздѣ въ армію изъ Петербурга довѣреннаго лица, о неблаговоленіи Государя къ главнокомандующему за его неискусныя и нерѣшительныя дѣйствія противъ непріятеля и о внезапной кончинѣ фельдмаршала. Много было по этому случаю сожалѣній, потому что покойный имѣлъ превосходныя качества души и сердца. Неудачи его въ послѣдней войнѣ происходили не отъ недостатка дарованій, а отъ болѣзненнаго состоянія, которое и свело его въ могилу. Фельдмаршалъ, какъ извѣстно, умеръ отъ холеры, къ воспріятію которой организмъ его былъ уже подготовленъ предшествовавшими болѣзненными страданіями. Нуженъ былъ только, такъ сказать, поводъ, чтобъ быть пораженнымъ страшною

болѣзнию. Поводъ явился: глубокое огорченіе души честолюбивой, возвеличенной необыкновенными почестями, озаренной лучами славы и потомъ рядомъ неудачъ столкнутой съ своего пьедестала, можегъ убить наповаль и безъ холеры.

Въ командованіе арміею вступилъ графъ Толь. Всѣ были твердо увѣрены, что онъ останется главнокомандующимъ и вступленіе свое въ это званіе ознаменуетъ какимъ нибудь необыкновеннымъ подвигомъ, потому что въ немъ предвидѣли великія военныя дарованія. Но Толь не трогался съ равнинъ пултусскихъ и оставался въ бездѣйствіи даже и въ то время, когда непріятель, съ значительною частію своей арміи, устремился на Сѣдлецъ и проникъ до Мендзержица, угрожая прорывомъ въ Россію. Отряды наши, стоявшіе на сѣдецкомъ шоссе и въ самомъ Сѣдлцѣ, всѣ, одинъ за другимъ, были опрокинуты и отгнаны. Мы также отступили къ Лосницѣ. Вскорѣ, однакожь, обнаружилось, что это была только диверсія, имѣвшая цѣлю сдвинуть главныя силы наши съ центральной пултусской позиціи, сильно беспокоившей Варшаву своимъ близкимъ соседствомъ. Но какъ Толь не испугался демонстраціи и, равнодушно взиралъ на ухищренный маневръ, спокойно оставался при Пултускѣ, то непріятель, самъ уже опасаясь быть взятымъ въ тылъ отъ Варшавы, потянулся обратно, не сдѣлавъ намъ важнаго вреда. Такое спокойствіе Толя достаточно подтверждаетъ нашу догадку, что онъ только того и желалъ, чтобъ непріятель, въ стремленіи своемъ на Россію, отдалился сколько можно больше отъ Варшавы, и что открытіе пути къ Россіи была ловушка.

Слишкомъ мѣсяцъ продолжалось бездѣйствіе нашей арміи. Сталъ носиться слухъ, что составляется новый, какой-то необыкновенный планъ войны. Всѣ были убѣждены, что планъ этотъ приведетъ войну къ скорому окончанію, потому что его составляетъ и будетъ исполнять, какъ думали вообще, генералъ Толь. Но убѣжденіе это скоро разсѣялось: главнокомандующимъ назначили фельдмаршала Паскевича, который въ началѣ іюня и прибылъ къ арміи. Этимъ вполне объяснилось, почему Толь бездѣйствовалъ.

Въ то же время и нашъ корпусный командиръ получилъ другое назначеніе. Нашъ корпусъ остался безъ начальника; полки разобрали по отрядамъ, а штабъ причислили къ главной квартирѣ. Такимъ образомъ, штабъ нашъ осуждался на совершенное бездѣйствіе и забвеніе. Это самое непріятное положеніе во всякое,

а тѣмъ болѣе въ военное время. Люди поискательнѣе меня пристроились кто куда могъ; я же и другой сотоварищъ мой по званію, прикомандированный на военное время къ штабу, оставались при своемъ мѣстѣ, ожидая рѣшенія своей участи отъ послѣдующихъ обстоятельствъ. Переходъ отъ лихорадочной дѣятельности къ совершенному бездѣйствію, въ первые два дня, показался мнѣ невыразимымъ блаженствомъ, но потомъ навелъ нестерпимую скуку. Для развлечения, принялся я за приведеніе въ порядокъ своихъ походныхъ замѣтокъ и теперь представляю читателю плоды моихъ тогдашнихъ трудовъ.

Генералу Муравьеву данъ былъ значительный отрядъ, изъ пѣхоты и кавалеріи, съ которымъ онъ долженъ былъ идти на присоединеніе къ главнымъ силамъ арміи въ Пултускъ. Къ его отряду прикомандировали и нашъ штабъ, чтобъ привести его въ главную квартиру.

Отрядъ выступилъ изъ Сѣдльца 12 іюня, шелъ на Соколовъ, Нуръ, Брокъ и 20 прибылъ въ Пултускъ.

При этомъ передвиженіи, я имѣлъ случай убѣдиться, наблюдая со стороны, въ дѣятельности нашего новаго временнаго начальника и твердомъ его стремленіи къ порядку. Сколько разъ, бродя, въ часъ и два за полночь, по улицѣ мѣстечка или деревни, гдѣ были ночлеги отрядной нашей квартиры, я видѣлъ, какъ генераль трудился, сидя за бумагами. Не разъ случалось мнѣ видѣть у него, въ это позднее время, чиновниковъ и адъютантовъ, являвшихся съ дѣлами. Я любилъ бродить по почтамъ, которые въ Польшѣ такъ же утончелы и роскошны, какъ наши южные малороссійскія почты. Отдохнувши послѣ длиннаго перехода, я всю ночь потомъ не могъ спать, и потому-то былъ невольнымъ соглядатаемъ всего, что дѣлалось ночью въ небольшомъ селеніи. Свѣтящійся въ глубокую ночь огонь въ одномъ по цѣлому селенію домѣ, тогда какъ вокругъ все предавалось покою, возбуждалъ особенное желаніе взглянуть въ окна этого дома. Такимъ образомъ, удовлетворяя извѣстительному любопытству, я, мимоходомъ, безнамѣренно, дѣлалъ свои наблюденія.

Движенія войскъ нашего отряда совершались въ удивительномъ порядкѣ: все было по своему мѣстѣ, исполнилось въ свое время; каждый зналъ, что ему дѣлать, и дѣлалъ охотно, потому что во всѣхъ распоряженіяхъ выражались правильность, основательность и точность. Заботливостъ о сохраненіи людей, о ихъ продовольствіи была необыкновенная: люди всегда были сыты,

бодры и веселы, несмотря на усиленные переходы, какіе мы должны были дѣлать.

По прибытіи въ главную квартиру, на штабъ нашъ не обратили даже вниманія. Мы, старшіе адъютанты, оставались безъ всякаго занятія; писаря тоже; взяли только двухъ изъ нихъ въ главное дежурство.

Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на мѣсто прусскаго боя, бывшаго 14 декабря 1806 года. Я вышелъ пѣшкомъ и увидѣлъ большую плоскую равнину, покрытую кое-гдѣ лѣсомъ и кустарниками. Теперь пространство это занимали бивуаки нашей арміи, раскиданные на протяженіи, по крайней мѣрѣ, пяти верстъ. До того времени мнѣ не случалось еще видѣть такой массы войскъ въ одномъ пунктѣ. Бивуаки помѣшали мнѣ рассмотреть внимательно поле бывшаго сраженія, и я принужденъ былъ удовольствоваться самымъ поверхностнымъ обзоромъ.

22 іюня, главная квартира выступила по направленію къ прусской границѣ. Тамъ, какъ уже было извѣстно лицамъ, вѣдавшимъ бюрократическія тайны, армія наша должна была переправиться черезъ Вислу и дѣйствовать на Варшаву съ противоположной стороны, фронтомъ къ Россіи. Движеніе это можно назвать необыкновеннымъ въ исторіи войнъ, потому что мы бросали свою операционную линію, жертвовали сообщеніями и базисомъ своихъ дѣйствій и переносили театръ войны на другой конецъ Польши. Говорили, что честь изобрѣтенія этого плана принадлежала Дибичу, честь исполненія — Паскевичу. Планъ былъ сложенъ и смѣлъ, исполненіе трудное; по успѣхъ заграбилъ всѣмъ уста и пресѣкъ толки и сомнѣнія, которыми была тогда наполнена вся Россія и даже Европа.

Обходному нашему движенію непріятель никакой помѣхи не дѣлалъ. Движеніе это, казалось, до такой степени озадачило нашихъ противниковъ, что они рѣшительно не знали, что предпринять. Первое, что сдѣлали они, это — смѣстили своего генералиссимуса Скржиницкаго, избравъ на его мѣсто сначала Маляховскаго и перемѣнивъ потомъ своихъ военачальниковъ почти каждый мѣсяцъ. Вообще движеніе это пробудило въ нихъ отчаянную безнадежность. Они увидѣли, что борьба приходитъ къ концу, и что не сегодня — завтра часъ ихъ пробьетъ.

4 іюля пришли мы въ Липно, небольшой городокъ, который, въ продолженіе пяти дней, былъ подавляемъ многочисленностію главной квартиры. Въ этомъ сонмищѣ чиновъ и чиновни-

ковъ, именуемомъ главною квартирою и заключающемъ въ себѣ населеніе, по крайней мѣрѣ, до 500 разнаго званія лицъ, я удивлялся одному: что никогда нигдѣ не было споровъ и замѣшательствъ въ размѣщеніи по квартирамъ. Помѣщеніе было для всѣхъ, хотя о немъ никто не хлопоталъ и квартиргеровъ впередъ не посылалъ. По прибытіи на мѣсто главной квартиры, офицеры Генеральнаго Штаба, сопровождаемые жандармами, топографами и казаками, указывали только направленіе или, поблизости, селеніе или усадьбу, гдѣ какое отдѣленіе главной квартиры должно было помѣститься. Вы ѣдете по указанному направленію, занимаете первую, свободную еще отъ постоя, избу или домъ, располагаетесь спокойно и можете быть увѣрены, что васъ никто не вытѣснитъ, точно такъ же, какъ и вы не имѣете права никого ни вытѣснять, ни беспокоить. Если мало избъ и домовъ, вы помѣщаетесь въ сараѣ; нѣтъ сарая — становитесь на огородѣ, въ полѣ, хоть даже на улицѣ, гдѣ хотите, только для васъ никто уже мѣста не очиститъ и не подѣлится уголкомъ, если вы не знакомы. На прозѣвавшаго помѣщеніе никто вниманія не обратитъ: пусть выбираетъ себѣ квартиру гдѣ угодно. Но такого затрудненія со мной ни разу не встрѣтилось, а часто доставались мнѣ даже хорошія квартиры, разумѣется подальше отъ центра Главнаго Штаба. Не разъ приходилось помѣщаться въ прекрасныхъ помѣщичьихъ домахъ, верстахъ въ трехъ отъ главной квартиры. При нашествіи главной квартиры на какойнибудь городъ или селеніе, занимался постомъ каждый безъ изъятія уголокъ, на пространствѣ 5 квадратныхъ верстъ: и дома, и чуланы, и амбары, и сараи, и сарайчики, — все наполнялось и важными и неважными чинами, штабами, управленіями и канцеляріями, составляющими громадную администрацію главной квартиры, заключающую въ себѣ болѣе 30 разнаго рода управленій, большихъ, среднихъ и малыхъ.

Въ продовольствіи часто встрѣчались величайшія затрудненія, особенно для тѣхъ, которые, по положенію, могли имѣть при себѣ только выюкъ и, слѣдовательно, лишены были возможности возить кухонныя принадлежности, даже для стола на одну свою персону. Лицамъ высшихъ званій дозволялось имѣть повозки и экипажи, доставлявшіе имъ средства возить за собой необходимое походное хозяйство. Эти господа имѣли столъ постоянно дома, не только для себя, но приглашая даже немногихъ избранныйшихъ, изъ своихъ спутниковъ. Мы же, молодые офи-

церы, не пригрѣтые никакимъ свѣтиломъ, должны были въ продовольствіи своемъ руководствоваться пословицей: «полка ноги кормятъ»; но какъ при этомъ многіе изъ насъ помнили также хорошо другую пословицу: «на чужой коровай рта не разѣвай», то, слѣдовательно, мы, по необходимости, питались или у маркитантовъ, или въ плохихъ мѣстныхъ гостиницахъ. Содержаніе мы получали изобильное, даже хлѣбъ, крупу и мясо, но за все это давали деньги, а натурой—ничего; а перѣдко случалось въ маленькомъ городкѣ или мѣстечкѣ оставаться безъ обѣда и съ полнымъ кошелькомъ червошцевъ. Маркитантская провизія, исключительно соленая, копченая и протухшая, употреблялась только въ неизбѣжной крайности, тѣмъ болѣе, что въ Польшѣ во всѣхъ рѣшительно городахъ и во многихъ даже мѣстечкахъ есть какая нибудь гостиница или трактиръ.

Черезъ Липно безпрестанно проходили войска и стягивались къ переправѣ. Армія наша, со вступленіемъ Паскевича въ ея командованіе, отлично содержимая и изобильно довольствуемая, была въ превосходномъ состояніи и одушевлялась мужествомъ.

Четыре дня армія переходила Вислу. Послѣдніе полки переправились 7 іюля; съ ними и главная квартира, которая переведена была сначала въ Раціонженъ, потомъ въ Пѣшаву.

Всѣ корпуса, перейдя Вислу, становились вблизи на бивуакахъ, и, такимъ образомъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки сосредоточилась вся наша армія. Она занимала пространство верстъ на десять. Картина бивуаковъ очаровательна для взора въ высшей степени. Жизнь, говоръ, пестрота, вѣчное движеніе! Вечеромъ, передъ зарей, 50 оркестровъ музыки, одинъ другаго лучше, оглашаютъ окрестность. Вся эта лихорадочная дѣятельность, это шумное ликованіе, эта боевая жизнь глубоко дѣйствуютъ на молодые умы. Имъ овладѣваетъ духъ брани, жажда битвъ и славы.

Простоявъ на Вислѣ нѣсколько дней, необходимыхъ, по соображеніямъ главнокомандующаго, для устройства продовольствія, которое не безъ затрудненій приобрѣталось въ предѣлахъ Пруссіи, мы выступили къ Варшавѣ, на Бжескъ, Коваль, Гостынинъ, Гембину, Керпозію, и 23 пришли въ Ловичъ, гдѣ и остановились.

И этотъ переходъ совершился безпрепятственно. Поляки замѣтно упали духомъ и потеряли энергію.

Черезъ нѣсколько дней по приходѣ въ Ловичъ, дежурный генералъ арміи потребовалъ къ себѣ меня и моего товарища. Распросивъ насъ подробно о прежней нашей службѣ и о занятіяхъ въ послѣднее время, дежурный генералъ приказалъ: товарищу моему явиться въ главное дежурство, а мнѣ, съ писарями своими, къ военному начальнику г. Ловича, генералъ-маіору Герштенцевейгу.

При Герштенцевейгѣ я исполнялъ должность правителя дѣлъ. Занятія были необременительныя. Но едва я сталъ привыкать къ новому роду службы и къ своему начальнику, какъ генералу дали другое назначеніе, а на его мѣсто назначили Притвица, при которомъ я и остался.

Въ началѣ августа, главная квартира выступила къ Варшавѣ. Притвицъ остался воеводой въ Ловичѣ. При немъ мнѣ было хорошо и спокойно; но не покоя хотѣлось мнѣ въ то время: я рвался къ Варшавѣ, въ бой, къ источнику и наградѣ и военной славы.

Вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, явился мнѣ на помощь непредвидѣнный случай. Черезъ Ловичъ проходилъ съ корпусомъ мой прежній корпусный командиръ. Притвицъ, въ началѣ войны, также служилъ подъ его начальствомъ; поэтому мы оба и явились къ прежнему командиру. Онъ съ откровенными объятіями принялъ меня и предложилъ состоять при немъ.

Нечего и говорить о восторгѣ, съ какимъ я принялъ предложеніе. Притвицъ, долго сопротивлявшійся, уступилъ наконецъ просьбѣ генерала и моимъ пламеннымъ желаніямъ и отпустилъ меня, съ тѣмъ только, чтобъ я нашелъ себѣ преемника, сдалъ ему дѣла и указалъ порядокъ ихъ веденія.

Съ жаромъ принялся я за все это; но вдругъ, среди приготовленій, наканунѣ своего выѣзда, я заболѣлъ и 12 дней пролежалъ въ постели, въ самой злой горячкѣ....

Когда я очнулся, первый вопросъ мой былъ:

— Что Варшава?

— Взята.

— Когда?

— 26 августа.

— Штурмомъ?

— Штурмъ продолжался два дня.

У меня слезы выступили на глазахъ отъ стѣсненія сердца.

Итакъ, Варшава пала! Война не могла длиться болѣе. Но польская армія, разѣединенная, раздробленная, при послѣднемъ пѣдыханіи, еще судорожно билась своими разрозненными членами. Армію эту можно было сравнить съ исполинскою змѣею, разсѣченною на части, въ которыхъ оставалась еще искра жизни и движенія. Въ предсмертной агоніи, части эти, кидаясь безмысленно то въ одну, то въ другую сторону, теряли постепенно и жизнь и движеніе и умирали въ корчахъ. Такъ и польская армія погибла по частямъ: половина ея бросилась въ Пруссію, половина въ Австрію, и затѣмъ самое имя арміи исчезло съ политическаго горизонта.

10 октября польскія война была кончена на всѣхъ пунктахъ, и корпусъ нашъ, вмѣстѣ съ прочими, возвратился въ Россію.

А. М—ВЪ.
